Кл 42/28

Кл 42/28

ПРОЕКТЪ

УСТАВА О КНИГОПЕЧАТАНІИ.

ВВЕДЕНІЕ,

ОБЩІЯ ПОЛОЖЕНІЯ И ТРИ ПЕРВЫЕ РАЗДѢЛА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1862.

Напечатано по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія.

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина
1999-66

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніе III

Положенія общія 1

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

УЧРЕЖДЕНІЯ ПО ДѢЛАМЪ КНИГОПЕЧАТАНІЯ.

Глава I. Объ установленіяхъ и лицахъ, завѣдывающихъ дѣлами книгопечатанія 86
Глава II. О главномъ управленіи по дѣламъ книгопечатанія:
Отдѣленіе 1. О составѣ главнаго управленія 90
Отдѣленіе 2. О предметахъ вѣдомства главнаго управленія ..... —
Отдѣленіе 3. О начальникѣ главнаго управленія 94
Отдѣленіе 4. О совѣтѣ главнаго управленія 96
Отдѣленіе 5. О цензурныхъ комитетахъ и цензорахъ 100

РАЗДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

ПОЛИЦЕЙСКІЯ ОХРАНИТЕЛЬНЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

Глава I. О типографіяхъ, литографіяхъ, словолитняхъ и книжной торговлѣ:
Отдѣленіе 1. О типографіяхъ, литографіяхъ и металлографіяхъ 108
Отдѣленіе 2. О заведеніяхъ, производящихъ и продающихъ принадлежности тисненія 122
Отдѣленіе 3. О книжной торговлѣ 126
Глава II. О повременныхъ изданіяхъ 140

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И ПРОСТУПКАХЪ, СОВЕРШАЕМЫХЪ ПОСРЕДСТВОМЪ УСТНАГО СЛОВА, ПИСЬМА И ПЕЧАТИ, НАРУШЕНІЯХЪ И НАКАЗАНІЯХЪ.

Глава I. Положенія общія 182
Глава II. Преступленія, совершаемыя посредствомъ устнаго слова, письма и печати, и наказанія за оныя 196
Глава III. Проступки, совершаемые посредствомъ устнаго слова, письма и печати, и наказанія за оные 252
Глава IV. О нарушеніяхъ и наказаніяхъ за оныя 314

ПРОЕКТЪ УСТАВА

О КНИГОПЕЧАТАНІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Государь Императоръ, по случаю упраздненія главнаго управленія цензуры, въ 8-й день марта 1862, между прочимъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: составить неотлагательно Коммиссію для пересмотра, измѣненія и дополненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія. Предсѣдателемъ этой Коммиссіи, съ Высочайшаго соизволенія, назначенъ статсъ-секретарь князь Оболенскій, а членами: тайный совѣтникъ Цеэ, генералъ-маіоръ Штюрмеръ, дѣйствительные статскіе совѣтники: академикъ Веселовскій и Вороновъ и профессоръ С.-Петербургскаго университета Андреевскій. Правителемъ дѣлъ коммиссіи назначенъ статскій совѣтникъ Галанинъ.

Коммиссія, приступивъ къ исполненію возложеннаго на нее порученія, должна была прежде всего точнѣе опредѣлить кругъ предстоящихъ ей обязанностей и начертать программу будущихъ своихъ занятій. Для сего она старалась съ возможною подробностію обсудить: во-первыхъ, какія побудительныя причины вызываютъ потребность реформы въ существующихъ постановленіяхъ о книгопечатаніи, и во-вторыхъ, при какихъ условіяхъ эта реформа должна осуществиться.

Необходимость въ неотлагательномъ преобразованіи законодательства о книгопечатаніи признается одновременно и правительствомъ и литературой, а это можетъ служить несомнѣннымъ признакомъ того, что недостатки нашихъ дѣйствующихъ постановленій о книгопечатаніи не суть частные, легко исправимые поясне-

ніями или дополненіями, но заключаются, до нѣкоторой степени, въ самой системѣ, не удовлетворяющей современнымъ потребностямъ правительства и литературы.

Безсиліе цензурныхъ установленій и правилъ удержать литературу въ должныхъ и законныхъ предѣлахъ вполнѣ объясняетъ ту тревожную заботливость правительства, которая выражалась въ послѣднее время въ рядѣ новыхъ мѣръ, новыхъ учрежденій, новыхъ правилъ. Смѣнялись люди, измѣнялись формы учрежденій, дополнялись правила, но едва ли желанная цѣль достигалась. Животворная дѣятельность всякаго учрежденія необходимо условливается средой, его окружающей; *неизбѣжное* же свойство цензурныхъ установленій есть *произволъ* и *насиліе*. Установленія сіи сдѣлались *безсильными* и представились анахронизмомъ съ той поры, какъ окружавшая ихъ среда измѣнилась. Вотъ первая причина, вызывающая потребность реформы.

Вторая причина есть слѣдствіе первой: она заключается въ справедливомъ желаніи правительства не оставлять безнаказанными публичное распространеніе вредныхъ ученій и публичное оскорбленіе должностныхъ и частныхъ лицъ. Но всякое преслѣдованіе подобныхъ преступныхъ дѣйствій, при существованіи цензуры, дѣлается весьма труднымъ и, во всякомъ случаѣ, юридически-несправедливымъ, и только въ случаяхъ особенно важныхъ правительство рѣшается силою административной власти карать виновныхъ, возбуждая тѣмъ болѣе сочувствіе къ проступку, чѣмъ уваженіе къ закону. Все это естественно нарушаетъ правильный строй государственныхъ учрежденій и отвлекаетъ самыя высшія власти отъ прямыхъ ихъ обязанностей, заставляя вмѣшиваться въ полицейскій разборъ дѣлъ, — чѣмъ самымъ придается симъ дѣламъ значеніе, котораго они не имѣютъ.

И такъ правительство, приступая къ реформѣ законодательства о книгопечатаніи, имѣетъ цѣлью: во-первыхъ, удержать литературу, мѣрами дѣйствительными, практически-исполнимыми, въ предѣлахъ, необходимыхъ для спокойствія государства и частныхъ лицъ; во-вторыхъ, силою закона и законнымъ порядкомъ карать виновныхъ въ нарушеніи установленныхъ правилъ, и въ-третьихъ, образовать учрежденія, которыя бы собственною властію, независимо отъ случайнаго вмѣшательства высшихъ государственныхъ установленій, вѣдали дѣла по вопросамъ о книгопечатаніи.

Поводы, побуждающіе литературу желать реформъ въ законахъ о книгопечатаніи, суть инаго рода. Задача цензурныхъ постановленій — предупреждать

предполагаемый вредъ отъ невысказанной еще публично мысли, сама по себѣ такъ трудна, что исключаетъ всякую возможность разрѣшить ее въ формѣ хотя сколько-нибудь опредѣлительнаго правила. Доказательствомъ сему можетъ служить нашъ цензурный уставъ, со всѣми сдѣланными и дѣлаемыми къ нему дополненіями: въ нихъ испробованы, такъ сказать, всѣ формы и всѣ обороты рѣчи для уясненія мысли законодателя,—которая тѣмъ не менѣе остается неуловимою при примѣненіи ея къ частному случаю. Самый предметъ, по существу своему, не вмѣщается ни въ какія рамки положительнаго закона, какую бы форму ни придумывали для сихъ рамокъ, и мы не имѣемъ даже въ законодательствахъ другихъ народовъ ни одного образца для подражанія: ибо вездѣ мертвая буква закона была признана безсильною начертать руководство для оцѣнки живой и безконечно-измѣнчивой мысли, выражаемой словомъ.

На этотъ-то неисправимый и существенный недостатокъ цензурнаго законодательства падаетъ первое обвиненіе со стороны литературы. Пока литература наша, частію искусственными преградами, а частію отъ собственной незрѣлости, занимала второстепенное мѣсто въ общественной жизни, пока сама эта общественная жизнь относилась совершенно безъучастно къ вопросамъ государственнымъ, — до тѣхъ поръ произволъ цензора въ примѣненіи цензурнаго правила не возбуждалъ такого сильнаго негодованія въ литературѣ и въ обществѣ. Теперь же, — когда вопросы общественные поставлены силою неотразимыхъ обстоятельствъ; когда прежнее безъучастіе общества обратилось въ тревожную заботливость, увлекающую за собою и литературу; когда мнѣнія, убѣжденія и ученія стремятся, наперерывъ другъ передъ другомъ, высказываться съ лихорадочною торопливостію, — обязанность цензора въ этомъ спорѣ и столкновеніи различныхъ мнѣній, убѣжденій и ученій получаетъ политическое значеніе, и всякая неизбѣжная ошибка его въ оцѣнкѣ стремленій спорящихъ даетъ огромное превосходство одному мнѣнію или ученію передъ другимъ. Къ сожалѣнію, опытъ показываетъ, что это превосходство не всегда дается истинѣ. Прикрытая таинственностію и полунамеками, ложь неуловимо является на свѣтъ и обличать ее тѣмъ труднѣе, чѣмъ строже цензура, ограждающая ее отъ преслѣдованія. Независимому голосу истины цензура уже однимъ своимъ существованіемъ даетъ значеніе обвинительнаго акта и оставляетъ противному мнѣнію законную отговорку облекать ученіе свое въ заманчивый покровъ таинственности.

При всемъ безсиліи цензурныхъ правилъ предупреждать распространеніе вредныхъ ученій и ограждать интересы частныхъ лицъ, власть цензоровъ — сокращать, измѣнять и вовсе запрещать представляемыя на просмотръ ихъ рукописи, не можетъ не казаться придирчивою и не задѣвать авторскаго самолюбія писателей. Отсюда жалобы, неудовольствія и часто раздраженія, поставляющія литературу въ какое-то враждебное отношеніе къ источнику этой власти, т. е. правительству.

И такъ, недостатки нашихъ дѣйствующихъ постановленій о печати заключаются въ самой системѣ законодательства, не удовлетворяющей современнымъ потребностямъ правительства и литературы.

Обращаясь засимъ къ обсужденію тѣхъ *условій*, при которыхъ предпринимается у насъ преобразованіе законодательства о книгопечатаніи, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что замѣна цензурнаго *предупредительнаго* законодательства *преслѣдовательнымъ*, *карательнымъ*, — условливается существованіемъ правильно-устроенныхъ судовъ и органовъ преслѣдованія. Этого перваго и самаго существеннаго условія въ настоящее время мы пока еще не имѣемъ. Ожидаемое преобразованіе судовъ въ Россіи, при всей неотложности, едва ли можетъ осуществиться прежде двухъ лѣтъ. Поэтому, нельзя надѣяться, чтобы предпринимаемая нынѣ реформа законовъ о книгопечатаніи могла быть связана съ общимъ судебнымъ преобразованіемъ. Эта реформа потребуетъ временныхъ спеціальныхъ учрежденій, какъ судебныхъ, такъ и полицейскихъ, чѣмъ самымъ значительно усложняются вопросы, подлежащіе разрѣшенію коммиссіи.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на тѣ политическія условія, въ которыхъ нынѣ находится Россія, и которыя во всѣ времена и во всѣхъ государствахъ имѣли самое рѣшительное вліяніе на характеръ законодательства о печати. Бываютъ въ жизни народовъ времена переходныя, когда строй всей жизни пересоздается, когда самыя основныя учрежденія и понятія колеблются, когда всѣ общественные вопросы разомъ подымаются и ждутъ разрѣшенія. Въ такія критическія эпохи напрасно было бы мечтать законодателю создать, для удовлетворенія временной потребности, учрежденія и законы, вполнѣ стройные, не прилаженные къ тѣмъ особенностямъ времени и мѣста, при которыхъ совершаются преобразованія. По самому существу своему, законы о печати должны быть соображены съ особенностями того времени, въ которое имъ назначено

дѣйствовать. Нельзя не признать, что отжившія уже понятія въ Россіи еще не дали мѣста новымъ, и что сіи послѣднія еще не успѣли достаточно опредѣлиться, чтобы, разсчитывая на опору ихъ, можно было создать что-либо окончательно-полное въ законодательствѣ о печати. Страхъ преслѣдованія и наказанія за нарушеніе законовъ о печати едва ли, при современномъ настроеніи нашего общества, будетъ достаточно ограждать отъ удалыхъ порывовъ писателей, которые въ общественномъ сочувствіи будутъ искать вознагражденія за временныя лишенія, законами, въ видѣ наказанія, опредѣленныя. Роль мучениковъ и страдальцевъ за истину имѣетъ слишкомъ много привлекательныхъ сторонъ для восторженныхъ умовъ, и хотя не долго, но въ первое время часто будутъ являться добровольные мученики за свободное слово. Съ другой стороны, чуткое ухо большинства нашего общества едва ли готово будетъ спокойно вытерпѣть первый диссонансъ дерзкой рѣчи, хотя и не оставшейся безъ должнаго взысканія.

По всѣмъ симъ причинамъ, *внезапный и безусловный* переходъ отъ дѣйствующей предупредительной системы къ преслѣдовательной едва ли возможенъ. Убѣдясь въ сей истинѣ, Коммиссія поставила себѣ цѣлію — въ предпринимаемомъ исправленіи, дополненіи и измѣненіи постановленій о книгопечатаніи проложить, такъ-сказать, путь, по которому бы правительство могло, *идя послѣдовательно, безъ крутыхъ переворотовъ и крайнихъ мѣръ, придти со временемъ, и даже въ не отдаленномъ будущемъ*, къ возможности принять другую, болѣе правильную систему огражденія общества отъ злоупотребленія печати.

Въ настоящее время, всѣ произведенія словесности, наукъ и искусствъ подлежатъ предварительному разсмотрѣнію цензуры. Но этотъ предварительный контроль правительства оправдывается не въ равной степени для всѣхъ произведеній печати; есть между ними такія, которыхъ относительная безвредность легко можетъ быть опредѣлена по однимъ внѣшнимъ признакамъ. Для такихъ произведеній печати Коммиссія признала возможнымъ нынѣ же сдѣлать исключеніе изъ общаго правила, *освободивъ ихъ совершенно отъ предварительной цензуры.*

Но какъ бы ни ограниченно было на первое время число произведеній печати, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, они не могутъ оставаться *внѣ* всякихъ правилъ и законовъ, преслѣдующихъ злоупотребленія и карающихъ преступныя дѣянія. По этому, съ освобожденіемъ хотя только нѣкоторыхъ про-

изведеній печати отъ предварительной цензуры, является потребность въ законодательствѣ *карательномъ*, для преслѣдованія и наказанія злоупотребленій печати.

Хотя въ нынѣ дѣйствующемъ уголовномъ законодательствѣ нашемъ и постановлены нѣкоторыя правила, опредѣляющія преступленія и проступки печати, но правила эти далеко не точны, а самый способъ преслѣдованія сихъ преступленій и проступковъ столь многосложенъ и практически затруднителенъ, что подчинить дѣйствію сихъ законовъ произведенія, освобожденныя отъ цензуры, было бы крайне неудобно.

Отсюда является необходимость начертанія *полнаго законодательства карательнаго* и составленія *правилъ полицейскихъ*, примѣненныхъ къ потребности освобожденнаго отъ цензуры книгопечатанія.

Потребность составленія яснаго и полнаго законодательства о печати представляется коммиссіи несомнѣнною даже и въ томъ случаѣ, еслибы вовсе не было допущено никакихъ изъятій отъ цензуры. Мы имѣемъ множество постановленій и законовъ, болѣе или менѣе близко относящихся къ этой части законодательства; но всѣ они, будучи разрознены, не представляютъ ничего цѣлаго.

Слово, *письмо* и *печать* суть три способа внѣшняго выраженія мысли человѣка. Свобода проявленія мысли въ сихъ *трехъ* видахъ должна быть ограничена условіями положительнаго закона. Слѣдовательно, есть много общаго въ началахъ тѣхъ ограниченій, которымъ подвергается свобода каждаго изъ упомянутыхъ трехъ видовъ выраженія мысли. Поэтому, и законодательство о печати во всѣхъ образованныхъ государствахъ объемлетъ всю совокупность правилъ и регламентовъ, опредѣляющихъ ограниченія для всѣхъ формъ выраженія мысли человѣка.

Недостатокъ такого полнаго законодательства становится нынѣ въ Россіи весьма ощутительнымъ. Стѣсненная въ печатномъ проявленіи мысль имѣетъ въ живомъ словѣ, въ письмѣ и въ тайной литографіи безнаказанный способъ переступать за предѣлы дозволеннаго, и правительство тщетно ищетъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ своемъ опредѣлительныхъ правилъ для успѣшнаго, путемъ законнымъ, преслѣдованія нарушенія этихъ правилъ.

Собрать во-едино всѣ дѣйствующія у насъ постановленія о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и проступковъ, учиненныхъ словомъ, письмомъ или печатью, *согласовать* эти постановленія между собою, *дополнить* ихъ сообразно

указаніямъ настоящей потребности и *изложить* въ систематическомъ порядкѣ — вотъ въ главныхъ чертахъ дѣло, которое предлежало исполнить Коммиссіи, дабы трудъ ея соотвѣтствовалъ ожиданіямъ правительства и принесъ существенную, а не временную только пользу.

Такимъ образомъ, въ составъ законодательства о печати вошли:

1) *Полицейскія охранительныя постановленія о типографіяхъ, литографіяхъ, словолитняхъ, книжной торговлѣ, повременныхъ и неповременныхъ изданіяхъ.*

2) *Уголовные законы о преступленіяхъ, проступкахъ и нарушеніяхъ, совершенныхъ словомъ, письмомъ, печатью и всякимъ инымъ способомъ выраженія мысли.*

3) *Правила административнаго взысканія* и

4) *Правила преслѣдованія и судопроизводства по нарушенію какъ полицейскихъ постановленій, такъ и уголовныхъ законовъ о печати.*

Систематическое изложеніе правилъ по каждой изъ упомянутыхъ четырехъ частей представляетъ собою законодательство столь полное, что едва ли затѣмъ признано будетъ нужнымъ составить еще отдѣльный *Уставъ цензурный* для спеціальнаго руководства цензоровъ.

До сихъ поръ всѣ составители уставовъ цензурныхъ пытались, кромѣ запрещеній, изложенныхъ въ 3-мъ пун. *Устава цензурнаго*, опредѣлить въ законѣ, съ одной стороны, то, что̀ признается полезнымъ и дозволеннымъ, а съ другой — то, что̀ почитается вреднымъ и запрещеннымъ. Для этого старались подробно исчислять предметы, о которыхъ *дозволяется* печатно высказывать разныя мнѣнія. Коммиссія, послѣ тщательнаго обсужденія этого предмета, пришла къ убѣжденію, что такой способъ изложенія законовъ скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. Весь успѣхъ и все достоинство подобныхъ законовъ зависятъ отъ неисполнимаго на дѣлѣ условія, а именно — отъ возможности исчислить и описать подробно всѣ вопросы, которые могли бы съ пользою быть предметами гласнаго обсужденія. Но какъ исполнить подобную задачу? Какъ указать предѣлы дозволеннаго и сдѣлать перечень всѣмъ человѣческимъ знаніямъ, мыслямъ и мнѣніямъ, о которыхъ дозволяется разсуждать?

Человѣкъ пользуется природными своими способностями въ силу естественнаго права. Законы могутъ опредѣлять только предѣлы этого пользованія, они постановляютъ ограниченія — такова ихъ цѣль, такова должна быть и форма ихъ изложенія. Нельзя требовать отъ законодателя, чтобы онъ указалъ или

объяснилъ то, что дозволено; его дѣло положительно выразить запрещеніе: тогда все то, что не запрещено, само собою представляется разрѣшеннымъ. Цензурный уставъ, какъ и всякій уголовный законъ, постановляющій ограниченіе и предѣлы свободному проявленію воли человѣка, по необходимости долженъ быть облеченъ въ форму чисто отрицательную. *Въ сущности* разница между уголовнымъ закономъ, опредѣляющимъ преступленія и проступки печати, и цензурнымъ уставомъ только та, что первый, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ запрещенія, постановляетъ и наказанія за нарушенное запрещеніе; а второй, излагая то же запрещеніе, вооружаетъ цензора властію предупредить фактическое нарушеніе сего запрещенія.

Судья, опредѣляющій преступность или непреступность совершеннаго факта, и цензоръ, предупреждающій осуществленіе этого факта, дѣйствуютъ въ силу одного и того же начала: посему, для того и для другаго законъ долженъ начертать *признаки*, по которымъ узнается преступность факта. Слѣдовательно, при существованіи закона карательнаго о преступленіяхъ и проступкахъ печати, нѣтъ нужды имѣть особаго закона предупредительнаго о томъ же предметѣ. Такое пониманіе цензурныхъ установленій встрѣчается во всѣхъ Европейскихъ государствахъ, въ которыхъ существовала цензура. Нигдѣ не издавалось особаго законодательства въ формѣ нашего цензурнаго устава. Безполезность его вполнѣ оправдана опытомъ и у насъ.

Но для ближайшаго опредѣленія формальныхъ, такъ сказать, обязанностей цензоровъ и авторовъ и ихъ взаимныхъ отношеній, необходимы правила, которыя излагаются въ раздѣлѣ *постановленій о цензурѣ*. Эти правила будутъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока правительство не признаетъ возможнымъ вовсе отмѣнить цензуру.

Подробное изученіе иностранныхъ законодательствъ о печати дало возможность коммиссіи повѣрять правильность своихъ заключеній съ выводами, оправданными опытами въ другихъ образованныхъ государствахъ. Въ предлагаемомъ проектѣ противъ каждой статьи излагаются объясняющія ее основанія и результаты изслѣдованій Коммиссіи, по всѣмъ отдѣльнымъ вопросамъ и постановленіямъ.

ПРОЕКТЪ
УСТАВА О КНИГОПЕЧАТАНІИ.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПОЛОЖЕНІЯ ОБЩІЯ.

По программѣ, принятой Коммиссіею, въ составъ законодательства по дѣламъ книгопечатанія должны войти: 1) полицейскія правила: о типографіяхъ, книжной торговлѣ и повременныхъ изданіяхъ; 2) уголовные законы о преступленіяхъ, проступкахъ и нарушеніяхъ, учиненныхъ посредствомъ устнаго слова, письма или печати; 3) правила преслѣдованія и судопроизводства по симъ преступленіямъ, проступкамъ и нарушеніямъ, и 4) постановленія о предупредительной цензурѣ.

Для бо́льшей полноты и ясности всего законоположенія, Коммиссія признала полезнымъ начертать, въ особомъ раздѣлѣ *общихъ положеній*, тѣ постановленія, которыми ближе опредѣляются сила и пространство отдѣльныхъ частей законоположенія и указываются учрежденія и лица, коимъ ввѣряется завѣдываніе всѣми дѣлами о книгопечатаніи.

§ 1. Всѣ изданія, относящіяся къ области наукъ, словесности и искусствъ и объемомъ въ двадцать и болѣе печатныхъ листовъ, могутъ печататься и выходить въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ предварительной цензуры.

Постановленіе новое.

Къ § 1. Въ предложеніи на имя предсѣдателя Коммиссіи г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, между прочимъ, указалъ на необходимость опредѣлить: «какія книги и періодическія изданія можно бы вовсе освободить отъ предварительной цензуры». Съ своей стороны Коммиссія, послѣ тщательнаго обсужденія вопроса о томъ: можетъ ли въ настоящее время цензура замѣнена быть вполнѣ и безусловно законодательствомъ карательнымъ? пришла къ убѣжденію, что, при невозможности внезапной и полной отмѣны предварительной цензуры, могутъ и должны быть сдѣланы нынѣ же изъятія въ пользу такихъ произведеній печати, объ относительной безвредности которыхъ можно судить по однимъ внѣшнимъ признакамъ.

При болѣе подробномъ обсужденіи сего вопроса Коммиссія рѣшилась принять за основаніе предполагаемаго изъятія отъ предварительной цензуры:

Во-1-хъ, *объемъ* издаваемаго въ свѣтъ сочиненія. При семъ Коммиссія руководствовалась слѣдующими соображеніями:

Всѣмъ извѣстно, что легкія брошюры, отдѣльные листки и тетради распространяются гораздо быстрѣе и въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ книги извѣстнаго

объема, чтеніе которыхъ требуетъ болѣе времени и труда и которыя по этому попадаютъ въ руки болѣе серьезныхъ и досужихъ читателей. Наша публика всегда съ бо̀льшею жадностію бросается на легкое чтеніе коротенькой брошюры или статьи съ заманчивымъ заглавіемъ, и вредъ, наносимый подобными легкими произведеніями, имѣющими, по бо̀льшей части, только временный интересъ, не всегда можетъ быть во-время прекращенъ или остановленъ карательною силою преслѣдовательныхъ законовъ. Противъ такихъ произведеній печати предупредительныя мѣры предварительной цензуры легко могутъ быть оправданы. Напротивъ того, книги объемомъ болѣе 20 листовъ далеко не представляютъ такихъ опасностей, которыя бы невозможно было и во-время остановить и своевременно предотвратить. При тщательномъ надзорѣ за типографіями, правительство уже во время печатанія книги можетъ быть своевременно предувѣдомленно и вслѣдствіе того приготовить, такъ сказать, всѣ законныя средства, чтобы остановить въ самомъ началѣ развитіе предполагаемаго зла отъ вреднаго произведенія и предать суду виновнаго въ нарушеніи законовъ о печати. Внѣшній признакъ представляетъ то удобство, что не можетъ подлежать спору и сомнѣнію. Принятая норма объема 20-ти печатныхъ листовъ, конечно, есть совершенно произвольная; но весьма часто законодатель вынужденъ прибѣгать къ подобнымъ произвольнымъ опредѣленіямъ границъ, сроковъ и мѣръ, дабы отвратить всякій произволъ примѣнителя смысла закона къ частному случаю. Такъ, при невозможности допустить изслѣдованіе о степени зрѣлости и возмужалости каждаго отдѣльнаго лица, законъ произвольно назначаетъ срокъ совершенолѣтія для всѣхъ одинаково обязательный, хотя, конечно, трудно допустить, чтобы этотъ срокъ во всѣхъ частныхъ случаяхъ былъ примѣнимъ съ одинаковою справедливостію. Такъ точно и тутъ, для избѣжанія необходимости оцѣнивать содержаніе каждой являющейся въ свѣтъ книги, законъ можетъ опредѣлить произвольный внѣшній предѣлъ, за которымъ цензурное изслѣдованіе представляется не нужнымъ.

Мѣра эта встрѣчается почти во всѣхъ иностранныхъ законодательствахъ, гдѣ переходъ отъ системы предварительной цензуры къ законодательству преслѣдовательному совершался съ нѣкоторою постепенностію.

Исторія законодательства о печати во Франціи представляетъ поучительные образцы разныхъ правительственныхъ мѣръ и распоряженій для огражденія общества отъ злоупотребленій печати. Предварительная цензура во Франціи въ первый разъ была уничтожена во время революціи 1789 года; но вскорѣ, а именно съ V-го года, законодательство начало мало-по-малу ограничивать свободу слова и возстановлять въ разныхъ видахъ цензуру для періодическихъ изданій и брошюръ, а наконецъ, въ 1810 году, императорскимъ декре-

томъ 5-го февраля, Наполеонъ 1-й окончательно возстановилъ ее. Хотя хартія 1814 года даровала вновь Французамъ право свободно излагать и печатать свои мнѣнія, однакожъ въ томъ же году состоялся законъ, которымъ, въ видѣ переходной мѣры, возстановлялась цензура для всѣхъ произведеній объемомъ менѣе 20-ти печатныхъ листовъ. Законъ этотъ встрѣтилъ въ палатѣ депутатовъ сильную оппозицію, тѣмъ не менѣе онъ былъ принятъ большинствомъ 137 голосовъ противъ 80.

Для насъ важны тѣ основанія, которыя побудили тогдашнее Французское правительство представить этотъ законъ. Въ своемъ exposé des motifs тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Монтескіу, между прочимъ, объяснялъ цѣль закона слѣдующими словами:

«Le roi, Messieurs, n'est pas moins intéressé que ses sujets à voir renaître les bienfaits de la liberté de la presse; il a besoin d'entendre la vérité, comme Vous avez besoin de la lui dire, mais c'est cette vérité, amie de l'ordre, que la sagesse inspire toujours, qui calme les passions au lieu de les irriter, et qui apprend aux peuples à redouter également l'oppression et la licence.

«C'est cet amour de la vérité, qui a dicté la loi que nous vous proposons aujourd'hui; son véritable objet est de rendre utile et durable cette liberté vainement publiée jusqu'à nos jours et qui semble, comme tous les autres biens de l'humanité, ne pouvoir être départie aux peuples que lorsqu'elle est maitenue dans les bornes que la raison lui prescrit.

«Comment en effet, la liberté de la presse peut elle devenir inutile et éphémère? C'est sans doute lorsqu'elle inquiète la sûreté publique, lorsqu'elle est sans cesse menacée par la licence, car la licence détruit la liberté, dès qu'on lui permet de se placer auprès d'elle.

«Vous le savez, Messieurs, ce ne sont point là de vaines subtilités ni des idées vagues destinées à séduire et presentées avec l'intention d'en abuser un jour; c'est le résultat d'une triste expérience; la liberté de la presse, souvent proclamée en France depuis 25 ans, y est toujours devenue elle-même son plus grand ennemi; esclave de l'opinion, qu'elle n'a pas eu le temps de former, elle a prêté à la démence toutes ses forces et n'a jamais pue fournir à la raison de suffisants moyens de défense.

«La cause en était dans l'effervescence des passions populaires, dans le peu d'habitude qu'avait la nation des affaires publiques, dans la facilité avec laquelle on trompait et on entraînait un peuple encore incapable de juger les écrits qui lui étaient adressés et d'en prévoir les conséquences.

«Ces causes ont-elles déjà disparu? Peut-on se flatter qu'elles n'agiront plus désormais? Nous n'osons le penser; la servitude silencieuse qui a succédé à la turbulence des premières années de la révolution ne nous a pas mieux formés à

la liberté: les passions qui n'ont pu se manifester durant cet intervalle éclateraient aujourd'hui fortifiées de passions nouvelles. Qu'opposerions-nous à leur explosion? presqu'autant d'inexpérience et plus de faiblesse. Les hommes raisonnables, degoutés maintenant de la longue inutilité de leurs efforts, se tiendraient à l'écart plutôt que de s'éxposer encore à une lutte dont ils ont été si souvent les victimes; les intérêts les plus contraires et les sentiments les plus éxagérés reviendraient se combattre avec toute le violence que leur prêterait l'amertume des souvenirs; le peuple, encore peu éclairé sur ses intérêts, encore mal affermi dans ses sentiments, suivrait aveuglement l'impulsion qui lui serait donnée et quel que fût le parti victorieux, il s'emparerait bientôt exclusivement de la liberté de la presse, pour la tourner contre ses adversaires. Telle est la nature de cette liberté, que, pour en savoir faire usage, il faut en avoir joui: donnez lui donc toute l'étendue nécessaire pour que la nation n'apprenne qu'à s'en servir; mais opposez lui encore quelques barrières pour la sauver de ses propres excès, les barrières ne doivent pas s'étendre au-delà des dangers qui menaceraient la liberté même; la loi qu'on vous propose ne demande rien de plus.»

Потомъ, въ другомъ мѣстѣ, тотъ же министръ, отвѣчая на сдѣланныя ему въ палатѣ депутатовъ возраженія, выразился такъ: «L'intention qui a dicté le projet de loi est de favoriser les bons auteurs, les écrivains dignes de leur noble profession».... «La censure établie dans le projet de loi n'a été conçue que pour favoriser les bons auteurs. En France les ouvrages de quelque importance s'élèvent toujours à plusieurs volumes, parceque l'on approfondit toutes les questions pour y porter plus de lumière. C'est pourquoi l'on a cru devoir fixer un nombre de feuilles au dessous duquel la censure pourrait excercer sa surveillance sans craindre d'inquiéter des auteurs livrés à des méditations véritablement utiles.»

Подобныя симъ соображенія послужили основаніемъ законодательствъ въ бо̀льшей части другихъ государствъ.

Во 2-хъ, особыя соображенія побудили Коммиссію принять въ основаніе допущеннаго исключенія, кромѣ объема сочиненія, еще и другое внѣшнее условіе, а именно — мѣсто его изданія.

Москва и С. Петербургъ, въ настоящее время, суть два центра, въ которыхъ преимущественно сосредоточивается вся литературная дѣятельность Россіи. Конечно, было бы весьма желательно, чтобы ученые и литераторы наши, живущіе въ провинціяхъ, могли въ самомъ мѣстѣ жительства ихъ издавать свои произведенія; но до сихъ поръ провинціальныя изданія, не смотря на свободу типографскаго промысла, весьма рѣдки, а между тѣмъ разрѣшеніе издавать книги безъ цензуры, повсемѣстно, потребовало бы также повсемѣстнаго устройства преслѣдовательной и судебной властей на новыхъ основаніяхъ, что̀, при обширности Россіи и недостаткѣ средствъ, не

§ 2. Равномѣрно освобождаются отъ предварительной цензуры, каковъ бы ни былъ объемъ ихъ и повсемѣстно:	Постановленіе новое.
1) изданія правительственныя;	Ст. 33 цензур. устава.
2) изданія Академій, университетовъ, а также ученыхъ обществъ и установленій;	Высоч. пов. 12 мая 1862 г.
3) изданія на древнихъ языкахъ (Греческомъ и Латинскомъ), и	
4) изданія, получившія на то особое разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ.	

представляется въ настоящее время возможнымъ. По этому, впредь до общаго преобразованія судебной части въ Россіи, Коммиссія полагала бы разрѣшить изданіе книгъ безъ цензуры только въ Москвѣ и С. Петербургѣ.

*К*ъ § 2. Независимо отъ чисто-внѣшняго условія — объема печатнаго произведенія, Коммиссія признала возможнымъ допустить изъятіе отъ предварительной цензуры въ пользу такихъ изданій, которыхъ цѣль и оффиціальное значеніе служатъ ручательствомъ ихъ безвредности. Таковыми представляются, во 1-хъ, изданія правительственныя, какого бы объема и содержанія они ни были. Различіе вѣдомствъ не исключаетъ необходимости единства въ дѣйствіяхъ всѣхъ отдѣльныхъ частей одного и того же правительства, а потому нельзя допустить, чтобы одно какое-либо вѣдомство въ оффиціальномъ изданіи своемъ могло нарушать *сознательно* законы и правила книгопечатанія, и чтобы для предупрежденія сихъ нарушеній нужно было подчинять его цензурѣ другаго вѣдомства. Если же и возможны промахи и упущенія въ изданіяхъ правительственныхъ, то виновные въ семъ должны подлежать преслѣдованію и взысканію за преступленія по службѣ. Само собою разумѣется, что правительственныя изданія не могутъ быть освобождены отъ отвѣтственности по искамъ частныхъ лицъ за обиду и оскорбленіе, на общемъ основаніи.

Во-2-хъ, къ числу сочиненій, изъятыхъ отъ разсмотрѣнія предварительной цензуры, коммиссія отнесла изданія, пользующіяся уже такимъ изъятіемъ по нынѣ дѣйствующему уставу ст. 33, а именно изданія академій, университетовъ и пр., а равно изданія ученыхъ обществъ, коимъ таковое изъятіе уже даровано Высочайшимъ повелѣніемъ 12 мая 1862 года. Всякое ученое общество учреждается не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства и по утвержденіи устава онаго; слѣдовательно, правительство имѣло полную возможность, при самомъ учрежденіи общества, убѣдиться въ степени его благонадежности, а предоставленныя уставомъ права утверждаютъ за каждымъ обществомъ извѣстную самостоятельность, которая исключаетъ необходимость предупредительнаго надзора за дѣйствіями его. Изданіе сочиненій и трудовъ составляетъ обыкновенно только одинъ изъ видовъ разнообразной дѣятельности ученыхъ обществъ: по этому нѣтъ основанія подчинять одинъ этотъ видъ особымъ условіямъ относительно отвѣтственности за могущія быть злоупотребленія. По симъ соображеніямъ, Коммиссія полагаетъ, что едва ли полезно ввести въ постоянный законъ временное правило, изложенное въ объявленномъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, 12-го мая 1862 года, Высочайшемъ повелѣніи, коимъ разрѣшено не подвергать общей цензурѣ изданія ученыхъ обществъ, *«если отвѣтственность за соблюденіе въ нихъ цензурныхъ постановленій примутъ на себя предсѣдательствующіе въ сихъ обществахъ или секретари, и если министръ*

§ 3. Освобожденныя отъ предварительной цензуры изданія, въ случаѣ нарушенія оными законовъ и постановленій, въ Уставѣ семъ опредѣленныхъ, преслѣдуются по правиламъ, ниже сего въ раздѣлѣ 3-мъ изложеннымъ.	Постановленіе новое.

народнаго просвѣщенія признаетъ возможнымъ предоставить этимъ лицамъ цензурованіе ихъ изданій.» Личная отвѣтственность предсѣдательствующаго или секретаря за изданіе ученыхъ обществъ и цензурная власть, данная симъ лицамъ по усмотрѣнію министра, совершенно равняется утвержденію ихъ въ должности спеціальныхъ цензоровъ, — что̀ совершенно измѣняетъ отношеніе преслѣдовательной власти къ изданіямъ ученыхъ обществъ и ставитъ предсѣдательствующихъ и секретарей въ подчиненное отношеніе къ министру народнаго просвѣщенія, что̀ не согласно съ самостоятельнымъ характеромъ ученыхъ обществъ, имѣющихъ свои опредѣленныя, утвержденныя уставами права. Коммиссія полагала бы не опредѣлять вовсе въ законѣ ни способа цензурованія, ни лицъ, обязанныхъ заниматься сею цензурою. Правительство, отказавшись отъ права предварительной цензуры изданій ученыхъ обществъ, должно сохранить за собой только право преслѣдовать злоупотребленія печати общимъ порядкомъ въ лицѣ тѣхъ представителей общества, которые обязаны отвѣчать за всѣ вообще противузаконныя дѣйствія общества.

Въ-3-хъ, Коммиссія полагаетъ освободить отъ предварительной цензуры изданія на древнихъ языкахъ. Ограниченное число читателей ручается за относительную безвредность подобныхъ изданій.

Въ-4-хъ, Коммиссія, имѣя въ виду, что нѣкоторыя періодическія изданія уже освобождены отъ общей предварительной цензуры, полагаетъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ и впредь, по своему усмотрѣнію, давать особыя разрѣшенія, какъ издателямъ отдѣльныхъ сочиненій, такъ и редакторамъ журналовъ, и симъ послѣднимъ—на основаніи § 5 сего Устава.

Къ § 3. Эта статья необходима для болѣе яснаго опредѣленія значенія допускаемыхъ изъятій. До сихъ поръ всѣ частныя распоряженія правительства объ освобожденіи нѣкоторыхъ изданій отъ общей цензуры представлялись въ видѣ полумѣръ, ибо *общая* цензура для сихъ изданій обыкновенно замѣнялась *частною*, спеціальною цензурою. Такъ Высочайшимъ повелѣніемъ 5-го мая освобождены были нѣкоторыя спеціальныя періодическія изданія отъ общей цензуры, а именно: 1) *Журналъ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній*, 2) *Памятная книжка для Русскихъ горныхъ людей*, 3) *Биржевыя вѣдомости*, 4) *Промышленность*, 5) *Юридическій вѣстникъ*, и 6) *Юридическій журналъ*. Но тутъ же повелѣно было: «изъ сихъ періодическихъ изданій: первое выдавать подъ отвѣтственностію вѣдомства военно-учебныхъ заведеній, цензурованіе втораго возложить на ученый комитетъ корпуса горныхъ инженеровъ, третьяго и четвертаго — на министерство финансовъ, пятаго и шестаго — предоставить министру юстиціи поручить чиновнику по его усмотрѣнію и т. д.» Однимъ словомъ, помянутою временною мѣрою измѣнялись лица и вѣдомства,

комъ поручилась цензура, но самый принципъ предварительной цензуры, оставался неизмѣннымъ. *Общая* цензура замѣнялась только *спеціальною*. Такой порядокъ, принятый на время, не можетъ быть впредь сохраненъ.

Участіе нѣсколькихъ вѣдомствъ въ цензурномъ дѣлѣ уничтожаетъ всякую возможность единства дѣйствія и направленія цензурныхъ органовъ. Всѣ цензоры непремѣнно должны быть подчинены одной какой-либо власти, отъ нея получать направленіе и передъ нею подлежать законной отвѣтственности, — иначе правила цензурнаго устава будутъ до крайности сложны и столкновеніе различныхъ вѣдомствъ сдѣлается неизбѣжнымъ. Въ какихъ отношеніяхъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающему всѣми дѣлами о книгопечатаніи, будетъ, напримѣръ, находиться чиновникъ министерства юстиціи, цензурующій «Юридическій вѣстникъ», издаваемый частными лицами? Опредѣлить это весьма трудно, а между тѣмъ вопросъ этотъ на практикѣ часто будетъ встрѣчаться. Польза существованія спеціальныхъ цензуръ вообще представляется сомнительною. Ежели онѣ учреждаются съ цѣлію критической оцѣнки произведеній ученой литературы, то цѣль эта несовмѣстна съ тою долею свободы, которая необходима автору для обработки избраннаго имъ предмета, и вооружаетъ цензора такимъ произволомъ, при которомъ немыслима никакая самостоятельность въ развитіи истинъ, вырабатываемыхъ наукою. Спеціальный цензоръ, при этихъ условіяхъ, обращается въ оффиціальнаго критика мнѣній и ученій съ технической, такъ сказать, ихъ стороны и приговоръ его не можетъ быть подчиненъ никакимъ правиламъ: онъ будетъ всегда губителенъ для живой мысли, несогласной съ личнымъ мнѣніемъ цензора, и всѣ спеціальныя изслѣдованія юристовъ, экономистовъ, инженеровъ, математиковъ и проч., пройдя чрезъ это испытаніе, получатъ значеніе оффиціальное, имъ совершенно несвойственное. Всякій трактатъ о спорномъ юридическомъ вопросѣ, одобренный, напримѣръ, чиновникомъ министерства юстиціи, въ силу самого этого одобренія, долженъ получить авторитетъ, ему вовсе не принадлежащій,—что̀, конечно, не можетъ быть согласно съ намѣреніемъ правительства. Если же цѣль спеціальныхъ цензуръ не та, ежели права ихъ будутъ ограничены общими постановленіями о цензурѣ, а обязанности заключаться въ одномъ лишь предупрежденіи нарушеній законовъ о печати, то существованіе сихъ спеціальныхъ цензуръ представляется положительно излишнимъ, а потому вреднымъ.

Цензура, какъ выше замѣчено, должна быть *одна*—общая для всѣхъ произведеній, отъ нея не изъятыхъ; единственное исключеніе можетъ быть допущено, а именно—въ пользу цензуры духовной; необходимость ея оправдывается иными соображеніями; но вмѣстѣ съ тѣмъ для духовной цензуры и установляются совершенно отдѣльныя правила, ею завѣдываютъ особыя учрежденія, кругъ дѣятельности которыхъ положительно опредѣленъ закономъ. Ничего

подобнаго не существуетъ и не можетъ существовать для другихъ спеціальныхъ цензуръ; иначе потребовалось бы составлять отдѣльные цензурные уставы для каждаго вѣдомства *). По всѣмъ симъ соображеніямъ, Коммиссія полагала бы

*) Вотъ, что сказано по этому поводу въ запискѣ редакторовъ, представленной г. министру внутреннихъ дѣлъ:

«Неправильность системы, принятой у насъ, относительно печати, обозначается весьма характеристически тѣмъ, что правительство какъ бы само не довѣряетъ дѣйствительности цензуры и ставитъ цензуру надъ цензурой, контроль надъ контролемъ. Мы имѣемъ цензурный уставъ; мы имѣемъ особыя правительственныя учрежденія по дѣламъ печати. Главное управленіе цензуры непрерывно сообщаетъ свои указанія цензурнымъ комитетамъ; предсѣдатели цензурныхъ комитетовъ суть члены главнаго управленія цензуры; цензоры разсматриваютъ все, предназначаемое къ печати, и порознь, и въ комитетѣ. Казалось бы, этого слишкомъ достаточно для достиженія той цѣли, чтобы въ печати не появлялось ничего противнаго постановленнымъ отъ правительства условіямъ. И однако оказывается нужнымъ подвергать многія статьи еще особымъ цензорамъ различныхъ правительственныхъ вѣдомствъ: военнаго, внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, Кавказскаго и Сибирскаго комитетовъ и т. д. Люди, сколько-нибудь мыслящіе, не могутъ не задавать себѣ вопроса: зачѣмъ это дѣлается, когда уже есть строгая и бдительная цензура, снабженная всѣми нужными инструкціями и вооруженная всѣми средствами предупрежденія? Нужно ли еще, для спокойствія государства и для огражденія добрыхъ нравовъ, посылать книгу или статью военному цензору, въ министерство иностранныхъ дѣлъ или въ министерство государственныхъ имуществъ? Что еще должно быть предупреждаемо въ литературѣ — этими и другими вѣдомствами? Правительство, контролируя печать, не имѣетъ въ виду брать на себя отвѣтственность за справедливость или неосновательность мнѣній, высказываемыхъ авторомъ. «Цензура, сказано въ ст. 15 *Ценз. Уст.* не имѣетъ права входить въ разборъ справедливости или неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только оныя не противны общимъ правиламъ цензуры.» При такомъ, совершенно вѣрномъ взглядѣ правительства на отношенія его къ печати, спеціальныя цензуры различныхъ вѣдомствъ являются чѣмъ-то совершенно непонятнымъ. Что за дѣло, если авторъ несправедливо судитъ о какихъ-либо военныхъ предметахъ, или о предметахъ Европейской политики, или о путяхъ сообщенія, или о дворянскихъ выборахъ, лишь бы только сужденія его были не противны Цензурному уставу и оставались въ предѣлахъ, обозначенныхъ самимъ правительствомъ. Если высказываемыя мнѣнія односторонни и ложны, то они должны подвергнуться критикѣ, а не цензурному запрещенію. Правительство, контролируя литературу, безъ сомнѣнія, должно руководствоваться при этомъ ни чѣмъ инымъ, какъ видами Верховной Власти, пользами государства, интересами цѣлой страны; но во всѣхъ этихъ отношеніяхъ нисколько не требуется подвергать частныя мнѣнія или сужденія спеціальной цензурѣ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, напротивъ, весьма желательно, чтобы по разнымъ предметамъ высказывалось сколь можно болѣе сужденій и сколь можно болѣе разнообразныхъ мнѣній. Печатать не есть принадлежность какого-либо класса людей, какой-нибудь касты; въ печати могутъ высказываться и высказываются мнѣнія лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ общественнымъ средамъ, къ различнымъ мѣстностямъ; въ печати могутъ высказываться и государственный человѣкъ, и ученый, и помѣщикъ, и торговецъ, и чиновникъ, и военный человѣкъ, всѣ спеціальности, всѣ занятія, всѣ роды жизни и дѣятельности. Въ интересѣ Верховной Власти, въ интересѣ страны, слѣдуетъ не стѣснять печати въ этомъ отношеніи, а, напротивъ, давать ей всевозможныя льготы, пока она остается въ предѣлахъ, обозначенныхъ самимъ правительствомъ, т. е. пока она не обращается въ зловредный памфлетъ. Какая польза отъ того, что сочиненіе подвергается предварительному просмотру того или другаго спеціальнаго вѣдомства? Пользы никакой, а вреда много и много злоупотребленій. Министерство, одобряя къ печатанію разсмотрѣнное имъ сочиненіе, совершенно напраснымъ образомъ принимаетъ на себя отвѣтственность за частныя сужденія и мнѣнія. Не допуская къ печати то или другое мнѣніе, министерство беретъ на себя еще болѣе тяжкую

§ 4. Всѣ изданія, относящіяся къ области наукъ, словесности и искусствъ, и объемомъ менѣе 20 печатныхъ листовъ, а также всѣ повременныя изданія, издаваемыя частными лицами, какого бы они объема ни были, подвергаются прежде печатанія и выхода въ свѣтъ цензурѣ, по правиламъ въ главѣ опредѣленнымъ.

Постановленіе новое.

уничтожить всѣ нынѣ существующія спеціальныя цензуры, кромѣ духовной, и принять за правило, что всѣ цензурные органы должны быть подвѣдомы одному управленію *), и что изъятыя отъ предварительной цензуры произведенія освобождаются отъ оной совершенно, подвергаясь за симъ вполнѣ силѣ и дѣйствію преслѣдовательныхъ и карательныхъ законовъ о печати.

К § 4. Выше сего (объясн. къ ст. 1-й) изложены причины, побудившія Коммиссію сохранить цензуру для изданій объемомъ менѣе 20-ти печатныхъ листовъ но, кромѣ того, Коммиссія полагаетъ распространить силу дѣйствія цензурныхъ правилъ и на тѣ повременныя изданія, которыхъ объемъ превышаетъ принятую норму. Особыя свойства періодическихъ изданій даютъ имъ значеніе, независимое отъ формы и всякихъ другихъ внѣшнихъ признаковъ. Поэтому, относительно ихъ, Коммиссія, по необходимости, должна была руководствоваться особыми соображеніями.

Вопросъ о свободѣ печати, т. е. объ освобожденіи ея отъ предварительной цензуры, преимущественно важенъ относительно повременныхъ изданій. На него главнымъ образомъ устремлено общее вниманіе: ибо онъ стоитъ въ прямой зависимости отъ высшихъ политическихъ соображеній. При настоящемъ состояніи нашей литературы, онъ имѣетъ еще особенную важность, ибо вся почти современная литература сосредоточена въ повременныхъ изданіяхъ. Коммиссія старалась подробно изучить вопросъ этотъ, какъ по отношенію его къ политическому состоянію государства, такъ и по отношенію къ пользамъ самой литературы.

отвѣтственность: оно обнаруживаетъ свою нетерпимость, оно нарушаетъ мудрое правило, постановленное нашимъ законодательствомъ, не входить въ разборъ справедливости или неосновательности сужденій, и навлекаетъ на себя, со стороны общества, подозрѣніе въ недобросовѣстности. Частный человѣкъ, высказывая свое мнѣніе въ журналѣ или книгѣ, не имѣетъ притязанія быть органомъ правительства, а потому и не роняетъ его несправедливостью или неосновательностію своихъ сужденій. Къ тому же, сочиненія, поступающія на спеціальную цензуру, не могутъ разсматриваться не только самимъ министромъ, но и ближайшими его помощниками, которыхъ дѣятельность нужна для занятій, прямо относящихся до ихъ вѣдомства. Представляемыя сочиненія поступаютъ на разсмотрѣніе кого-нибудь изъ второстепенныхъ чиновниковъ, который не представляетъ ручательствъ, что при оцѣнкѣ сочиненія онъ будетъ вникать въ него и не увлечется никакими посторонними для дѣла видами. Въ сочиненіи могутъ высказываться сужденія, не совсемъ согласныя съ понятіями, которыя чиновникъ составилъ себѣ объ образѣ мыслей своего начальника; онъ будетъ руководствоваться и своимъ вкусомъ и интересами своихъ сослуживцевъ, и еще болѣе смутнымъ понятіемъ о томъ, что̀ угодно вліятельнымъ лицамъ, отъ которыхъ зависитъ по службѣ. Пользуясь случаемъ, онъ можетъ подвергнуть запрещенію многое такое, что вовсе не относится къ его вѣдомству. Жалобы и аппеляціи — затруднительны, берутъ слишкомъ много времени, дѣло страдаетъ совершенно понапрасну и вредъ не искупается никакою пользою».

*) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ комитета по дѣламъ книгопечатанія въ 1859 году, между прочимъ, сказано, что «двухлѣтній опытъ *доказалъ убѣдительно* несостоятельность мѣры спеціальныхъ цензуръ, которая, кромѣ неудобствъ, ничего не произвела».

Полная свобода печати, въ такомъ смыслѣ, какъ она понимается въ представительныхъ государствахъ Европы, всегда развивалась постепенно и рядомъ съ другими свободными учрежденіями, для которыхъ она являлась необходимымъ послѣдствіемъ и существенною принадлежностію. Эта зависимость печати отъ политическаго устройства страны не есть фактъ случайный, и всякая попытка нарушить эту связь отдѣльными либеральными реформами окажется несостоятельною. Свобода слова даетъ жизнь свободнымъ учрежденіямъ и въ нихъ находитъ надежное обезпеченіе своему существованію.

Свобода печати въ Россіи должна также развиваться соразмѣрно постепенному ходу либеральныхъ преобразованій другихъ учрежденій. Поэтому внезапный переходъ отъ строгой цензуры періодическихъ изданій къ свободѣ — немыслимъ безъ существенныхъ преобразованій, ограждающихъ и обезпечивающихъ сію свободу. Устройство правильнаго суда и начертаніе стройнаго законодательства о печати должны предшествовать полному освобожденію слова отъ цензурныхъ ограниченій.

Всѣ полезныя преобразованія, предпринятыя нынѣ правительствомъ, стремятся къ осуществленію этихъ условій. Но новымъ учрежденіямъ и реформамъ предстоитъ еще борьба со всѣми трудностями и препятствіями практическаго примѣненія, и пока учрежденія сіи не утвердятся опытомъ и практикой, не въ силахъ они будутъ вполнѣ замѣнить цензуру, въ особенности для періодическихъ изданій.

Нельзя не признать, что періодическая пресса имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ обыкновенныя частныя и отдѣльныя изданія. Даже въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ общій уровень общественнаго образованія стоитъ весьма высоко, гдѣ свободныя учрежденія и изустныя парламентскія пренія воспитали, до нѣкоторой степени, политическій тактъ общества, а правильно устроенные суды дѣйствуютъ разумно,—даже въ этихъ государствахъ періодическая пресса находится подъ особымъ надзоромъ правительства, и недостаточность однѣхъ репрессивныхъ мѣръ весьма часто вызываетъ необходимость прибѣгать къ полицейскимъ предупредительнымъ распоряженіямъ.

Причины относительнаго безсилія судебно-преслѣдовательныхъ мѣръ противодѣйствовать злоупотребленіямъ періодической прессы заключаются не только въ неизбѣжной неопредѣлительности карательнаго закона, опредѣляющаго сущность преступленія слова; онѣ лежатъ въ самомъ характерѣ этой прессы, въ той послѣдовательности и непрерывности, съ которыми извѣстное ученіе передается читателямъ. Множество случаевъ злоупотребленій ускользаетъ отъ всякаго прямого и положительнаго обвиненія, а между тѣмъ, дѣйствуя непрерывно, послѣдовательно и систематически, они образуютъ цѣлое *направленіе*, которое невозможно преслѣдовать, пока вредное ученіе достаточно

не опредѣлится и не выразится въ формѣ положительнаго преступленія, оставляющаго иногда неизгладимые слѣды во вредъ всего общества. Къ тому же частыя и безпрерывныя судебныя преслѣдованія практически невозможны. Опасенія неудачи или скандала нерѣдко останавливаютъ преслѣдованіе, которое отъ слишкомъ частаго повторенія утрачиваетъ свое значеніе; напротивъ того, эти неудобства составляютъ силу періодической прессы: чѣмъ чаще газеты или журналы выходятъ изъ предѣловъ дозволеннаго, не нарушая явно важнѣйшихъ предписаній закона, тѣмъ безнаказаннѣе надѣются они укрыться отъ всякаго преслѣдованія, утомляя, такъ сказать, силы преслѣдующей власти.

Эти частныя, мелочныя нарушенія совершенно безвредны тамъ, гдѣ вѣра въ печатное слово перестала быть безусловною, гдѣ и законодательство о печати въ точности и во всѣхъ своихъ подробностяхъ опредѣлилось юридическою практикою нѣсколькихъ вѣковъ. Но въ государствѣ, которое только что вступаетъ въ эпоху либеральныхъ преобразованій, новые законы о печати, уже по самому существу своему недостаточно опредѣлительные, долго не будутъ надлежащимъ образомъ поняты и исполняемы: ибо не всякому даны способность и вѣрный тактъ для правильнаго удержанія границъ дозволеннаго въ сферѣ внѣшняго выраженія мысли. Въ Россіи, кромѣ того, есть особыя обстоятельства, которыя будутъ, безъ сомнѣнія, имѣть вліяніе на успѣхъ практическаго примѣненія законовъ о печати.

Законы наши, въ особенности уголовные, изъ опасенія произвола и не довѣряя благоразумію и совѣсти примѣнителя, старались съ математическою точностію опредѣлить всѣ частные виды преступленій и проступковъ. Судебная практика образовалась у насъ совершенно подъ вліяніемъ этого недовѣрія закона къ личному сознанію примѣнителя, а между тѣмъ въ опредѣленіи преступленій и проступковъ печати законодатель вынужденъ ограничиться однимъ общимъ очертаніемъ внѣшняго, признака злоупотребленій, предоставляя вполнѣ благоразумію, совѣсти и такту судьи оцѣнку каждаго отдѣльнаго случая, неподходящаго подъ прямое опредѣленіе закона.

Вся дѣйствительность и сила новаго законоположенія будетъ зависѣть, слѣдовательно, отъ болѣе или менѣе яснаго сознанія судьями новаго ихъ призванія. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ скоромъ времени исчезнетъ всякое опасеніе со стороны правительства въ успѣшности судебныхъ преслѣдованій; но на первый случай, для пользы самаго принципа, казалось бы, нужно было сохранить постепенность въ опредѣленіи случаевъ, подлежащихъ судебнымъ преслѣдованіямъ.

Всѣ указанныя выше неудобства внезапнаго освобожденія періодическихъ изданій отъ цензуры встрѣчались во всѣхъ государствахъ. Во Франціи и въ бо̀льшей части Германіи цензура періодической прессы оставалась во всей силѣ

§ 5. Газеты, журналы, сборники и другія повременныя изданія могутъ быть освобождаемы отъ предварительной цензуры по просьбѣ самихъ издателей не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и съ тѣмъ, чтобы, кромѣ отвѣтственности по суду за всѣ нарушенія законовъ и постановленій о книгопечатаніи, изданія сіи подчинены были дѣйствію административныхъ правилъ, изложенныхъ въ IV раздѣлѣ настоящаго устава.	Постановленіе новое.

въ то время, когда отъ оной уже были освобождены прочія изданія. Во Франціи, въ промежутокъ времени отъ 1811 до 1830 года, цензура періодической прессы восемь разъ уничтожалась и возстановлялась.

Можемъ ли мы утѣшать себя надеждой, что, при настоящемъ положеніи Россіи, безусловное освобожденіе періодической литературы отъ предварительной цензуры будетъ полезно для самой литературы и не безвредно для общества?

Вопросъ этотъ разрѣшается внимательнымъ и безпристрастнымъ наблюденіемъ совершающихся кругомъ насъ событій. По самому существу своему, законы о печати должны быть соображены съ особенностями того времени, въ которое имъ назначено дѣйствовать. Правительство наше стоитъ въ главѣ всѣхъ реформъ и, дѣятельно занимаясь разработкой существенныхъ государственныхъ вопросовъ, само сознаетъ потребность гласнаго обсужденія ихъ. Въ рукахъ такого правительства цензура не должна быть слѣпымъ орудіемъ притѣсненія живой и полезной мысли. Не отрицая справедливости и основательности жалобъ на докучливость цензурныхъ формъ и обрядностей для срочныхъ изданій, на придирчивыя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, требованія неблагоразумныхъ цензоровъ, нельзя не признать, что въ настоящее время общій характеръ цензуры не чрезмѣрно стѣснителенъ для литературы. Установленіе болѣе правильныхъ отношеній различныхъ органовъ цензурной власти, предлагаемое настоящимъ уставомъ, во многомъ исправитъ и тѣ недостатки, на которые справедливо жалуются. Съ симъ вмѣстѣ должна исчезнуть та тревожная заботливость въ различныхъ сферахъ государственнаго управленія, которая нерѣдко порождаетъ отдѣльныя, несвязанныя единствомъ мѣропріятія, поселяющія недоумѣніе въ литературныхъ дѣятеляхъ. При сихъ условіяхъ, періодическая литература можетъ выжидать болѣе благопріятнаго времени для снятія преградъ къ ея полному освобожденію.

Къ § 5. Выше сего изложены подробно причины, побудившія Коммиссію сохранить, въ настоящее время, предварительную цензуру для періодическихъ изданій. При всемъ убѣжденіи своемъ въ основательности сихъ причинъ, Коммиссія не могла не признать, что цензурный порядокъ въ особенности тягостенъ и неудобенъ для повременныхъ изданій, и нѣтъ возможности упростить его въ такой степени, чтобы онъ не затруднялъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ издателей, обязанныхъ предъ публикой исправностію и срочностію изданія *). По этому Коммиссія старалась изыскать средство замѣнить въ нѣкото-

*) Вотъ что сказано по этому поводу въ запискѣ, представленной нѣкоторыми редакторами г. министру внутреннихъ дѣлъ:

«Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что въ настоящее время нигдѣ съ та-

рыхъ случаяхъ цензуру такимъ порядкомъ, который бы, обезпечивая вполнѣ правительство и общество, освобождалъ издателей отъ тягостей, сопряженныхъ съ соблюденіемъ всѣхъ цензурныхъ формальностей.

Одно изъ главныхъ соображеній, оправдывающихъ существованіе предварительной цензуры для повременныхъ изданій, заключается въ трудности, неудобствѣ и медленности судебнаго преслѣдованія всѣхъ частныхъ нарушеній сими изданіями законовъ о печати. Нерѣдко всѣ сіи нарушенія, отдѣльно взя-

---

кими трудностями не сопряжено дѣло журналиста, какъ въ Россіи. Вездѣ редакторъ журнала можетъ посвящать своему дѣлу все свое время и всѣ свои силы, заботясь о внутреннемъ его достоинствѣ; у насъ, напротивъ, половина его силъ и времени употребляется на самый неблагодарный и самый непроизводительный трудъ — на сношенія съ цензурой. До сихъ поръ, по непреложному правилу, каждая статья, какого бы то ни было содержанія и объема, должна идти на предварительный просмотръ къ цензору. Бываютъ статьи, и такихъ бо́льшая часть, которыя, по своему содержанію, не представляютъ никакихъ затрудненій со стороны цензурныхъ правилъ; но тѣмъ не менѣе, хотя бы въ статьѣ рѣчь шла о грамматическихъ падежахъ или о первыхъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ, хотя бы то былъ даже оффиціальный документъ или статья, напечатанная въ другомъ изданіи, съ разрѣшенія цензуры, она должна, въ видахъ общественной безопасности, совершить узаконенный цензурный оборотъ. Изъ типографіи статья отправляется къ цензору, у него остается она болѣе или менѣе продолжительное время, отъ него статья идетъ въ редакцію, изъ редакціи снова отправляется въ типографію; всѣ эти пересылки и задержки—чистая трата времени. А если редакторъ, вполнѣ увѣренный, что статья не представляетъ никакихъ сомнѣній со стороны цензуры, распорядится, во избѣжаніе проволочки, ея верстою или опущеніемъ въ скоропечатный станокъ, то можетъ случиться (и случается слишкомъ часто), что цензору не понравится какое-нибудь слово, какой-нибудь оборотъ, и онъ выключитъ ихъ безъ всякаго раціональнаго основанія, по недоразумѣнію, по незнанію или неопытности, очень понятной при частой смѣнѣ цензоровъ. Тогда для редактора начинается рядъ мучительныхъ хлопотъ. Работа въ типографіи останавливается, начинаются объясненія съ цензоромъ, переписка, личныя свиданія, апелляціи въ цензурный комитетъ; сколько потеряннаго времени, убытковъ и волненій, сколько силъ, отнятыхъ у производительнаго труда, часто изъ совершенныхъ бездѣлокъ! Каждый редакторъ можетъ набрать изъ цензорскихъ корректуръ десятки, сотни примѣровъ, которые поразили бы всѣхъ, даже самыхъ придирчивыхъ и строгихъ судей, своею необъяснимою странностью, о которыхъ со смѣхомъ станетъ вспоминать впослѣдствіи историкъ нашей литературы, но которые тѣмъ не менѣе тяжело и горько обходятся нынѣшнему редактору журнала въ Россіи.

«Не всегда затрудненія со стороны цензора имѣютъ своимъ основаніемъ какое-нибудь хотя бы и вѣрное, толкованіе цензурныхъ правилъ; весьма нерѣдко они проистекаютъ лишь изъ особыхъ свойствъ лица, облеченнаго полномочіемъ цензора, условливаются степенью его образованія, особенностями взгляда его на вещи и разными случайными обстоятельствами, не имѣющими никакого отношенія ни къ общимъ цензурнымъ правиламъ, ни къ какимъ-либо видамъ правительства. А потому издатель постоянно долженъ имѣть въ виду не столько сущность дѣла, законъ или волю правительства, сколько ту особую организацію, которая поставлена надъ нимъ въ качествѣ цензора; онъ долженъ изучать ея особенности, приглаживаться къ нимъ, упуская изъ вида существенное, тратить свое время на мелкіе, ничтожные и вовсе ненужные для правительства компромиссы, оставляя на благоусмотрѣніе цензора все то, что имѣетъ дѣйствительную важность для правительства. Вся горечь, которая такимъ образомъ необходимо развивается изъ отношеній издателя къ цензору, естественно, переносится на самое правительство, а иногда и на самые тѣ предметы, которые поставлены подъ охрану закона. Вотъ источникъ того прискорбнаго антагонизма, который развивается у насъ между правительствомъ и мыслящею частью общества».

тыя, не представляя собою ничего особенно важнаго, въ совокупности и послѣдовательности выражаютъ цѣлое направленіе, преслѣдовать которое медленнымъ судебнымъ порядкомъ бываетъ не только неудобно, но и не всегда возможно. Цензура имѣетъ цѣлью предупреждать необходимость подобныхъ преслѣдованій и ее замѣнить могутъ только правила административныхъ взысканій, опредѣляемыхъ установленною властію, по собственному усмотрѣнію, и безъ всякихъ ограждающихъ отъ произвола формъ. Подобныя взысканія могутъ останавливать, карать и тѣмъ предупреждать зло скоро, вѣрно и рѣшительно. Но принять за общую систему такой порядокъ преслѣдованія было бы совершенно несогласно съ понятіемъ о правильномъ законодательствѣ. Подобному произволу нельзя обязательно подчинить повременныя изданія, не нарушивъ самыхъ существенныхъ правъ издателей. Отъ свободной ихъ воли, отъ увѣренности въ собственной непогрѣшимости и отъ степени довѣрія ихъ къ благоразумной терпимости установленной власти должно зависѣть согласіе ихъ, въ замѣнъ цензуры, подчиниться правиламъ административныхъ взысканій. Комиссія не сомнѣвается, что многіе изъ нынѣ существующихъ журналовъ, издаваемыхъ людьми серьезными, понимающими важность ихъ призванія и довѣряющими благимъ намѣреніямъ правительства, охотно подчинятся этимъ правиламъ, освобождаясь тѣмъ отъ докучливыхъ формъ и обрядностей предварительной цензуры.

Во Франціи порядокъ административныхъ взысканій установленъ закономъ 17 февраля 1852 года и обязателенъ для всѣхъ повременныхъ изданій. Правительство Французское предоставило себѣ право, кромѣ судебнаго преслѣдованія, дѣлать издателямъ періодическихъ органовъ оффиціальныя предваренія два раза и по третьему прекращать на время или вовсе запрещать изданіе. Въ циркулярѣ префектамъ, 30 марта 1852 года, министръ полиціи объяснилъ значеніе этого права слѣдующими словами: «Le droit de suspension par décision ministérielle, après deux avertissements motivés, sera l'une des garanties les plus efficaces auxquelles l'administration aura recours contre les feuilles *systématiquement malveillantes*. Vous en userez avec une juste fermeté lorsque les journaux, *sans s'exposer précisément et d'une manière définie aux condamnations judiciaires*, n'en seront pas moins, par les habitudes de leur rédaction, *dangereux* pour l'ordre, la religion et la morale».

Ожиданія министра полиціи вполнѣ оправдались: *дѣйствительность* административныхъ взысканій доказана нынѣ опытомъ; но Французское правительство вынуждено было вооружить полицейскую власть такимъ чрезмѣрнымъ правомъ потому, что не могло или *не желало* возстановить для періодическихъ изданій цензуру.

Также точно и Австрійское законодательство приняло Французскую систему

двукратныхъ предваренiй и административныхъ взысканiй, не прежде какъ по уничтоженiи въ 1848 году существовавшей до того времени предварительной цензуры. Въ законѣ объ устройствѣ прессы 27 мая 1852 § 22 постановлено:

«§ 22. Wird bei einer periodischen Druckschrift beharrlich eine dem Throne, der monarchischen Regierungsform, der staatlichen Einheit und Integrität des Reiches, dem monarchischen Principe, der Religion, der öffentlichen Sittlichkeit, oder überhaupt den Grundlagen der Staatsgesellschaft feindselige, oder mit der Aufrechthaltung der öffentlichen Ruhe und Ordnung unvereinbare Richtung verfolgt, so kann nach vorausgegangener zweimaliger schiftlicher fruchtloser Verwarnung, die weitere Herausgabe einer solchen periodischen Druckschrift von dem Statthalter des Kronlandes, in welchem dieselbe herausgegeben wird, bis auf drei Monate eingestellt werden.

«Die auf längere Zeit dauernde, oder die gänzliche Einstellung oder Concessions-Entziehung kann nur von der obersten Polizeibehörde ausgesprochen werden.

«Auch andere nicht periodische Druckschriften, welche im Inlande erscheinen, können, wenn sie eine solche gefährliche Richtung verfolgen, von der obersten Polizeibehörde, und in dringenden Fällen von dem Statthalter des Kronlandes, in welchem sie gedruckt oder ausgegeben wurden, verboten werden. Gegen die Verfügungen des Statthalters steht der Recurs an die oberste Polizeibehörde, jedoch ohne aufschiebende Wirkung offen».

Хотя Высочайше утвержденными 12 мая 1862 г. временными правилами и предоставлено право министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенiя, по взаимному соглашенiю, въ случаѣ вреднаго направленiя какого-либо периодическаго изданiя, прекращать его на срокъ не долѣе 8 мѣсяцевъ; но это право, предоставленное высшимъ административнымъ властямъ — *временно*, до пересмотра всѣхъ постановленiй по дѣламъ книгопечатанiя, должно быть согласовано съ общимъ характеромъ всего преобразованiя, и едва ли полезно и справедливо сохранить его въ томъ видѣ, въ какомъ оно опредѣлено вышеупомянутыми временными правилами.

При цензурѣ, причины, оправдывающiя порядокъ административныхъ взысканiй, не могутъ или, по крайней мѣрѣ, не должны существовать. Всякая статья газеты или журнала разсматривается цензоромъ какъ въ частности, такъ и въ общемъ ея направленiи. Поэтому административное предвареніе дѣлается не нужнымъ тамъ, гдѣ та же административная власть, посредствомъ цензоровъ, можетъ совершенно воспретить печатаніе предосудительной статьи.

Вполнѣ признавая необходимость дать правительству средства противодѣйствовать пропагандѣ вредныхъ ученiй, благоразумный законодатель долженъ, однако, избѣгать всякаго излишества и увлеченiй въ выборѣ средствъ для сего

§ 6. Эстампы, рисунки, чертежи, планы, карты и ноты, съ присовокупленіемъ словъ, представ-

Св. Зак. (изд. 1857). Т. XIV, Уст. ценз. ст. 2, 43 и 44.

противодѣйствія. Не въ количествѣ репрессивныхъ орудій должна заключаться сила правительства, а въ толковомъ и дѣльномъ ихъ употребленіи. Желаніе одновременно дѣйствовать всѣми разнокалиберными и разносвойственными орудіями предупрежденія и преслѣдованія не только не можетъ усилить власть правительства, но, напротивъ, затрудняетъ его движеніе, возбуждаетъ недовѣріе и неудовольствіе, какъ бы обличая его въ слабости и неискусствѣ. Справедливый ропотъ общественнаго мнѣнія всегда будетъ стѣснять правительство въ употребленіи средствъ, неоправданныхъ дѣйствительною необходимостію и пользою. Вотъ почему желательно, чтобы и законъ носилъ въ самомъ себѣ свое оправданіе и не подвергался справедливымъ упрекамъ въ излишествѣ или несправедливости.

Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія, составленный изъ гг. генералъ-адъютантовъ графа *Адлерберга* 2 и *Тимашева* и тайнаго совѣтника *Муханова*, во всеподданнѣйшей запискѣ объ измѣненіи устройства комитета, между прочимъ, изъяснилъ: «*Главная причина* невыгоднаго положенія комитета состоитъ въ томъ, что онъ, какъ отдѣльное правительственное учрежденіе, призванъ дѣйствовать на ходъ и направленіе печати на-подобіе Французскаго Bureau de la presse, *оказался несовмѣстнымъ съ порядкомъ вещей, гдѣ существуетъ цензура предупредительная*».

По симъ соображеніямъ, Коммиссія, съ своей стороны, не считая порядокъ административныхъ взысканій совмѣстнымъ съ существованіемъ предварительной цензуры, предлагаетъ подчинить этимъ правиламъ только тѣ изданія, которыя, по желанію самихъ издателей и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, будутъ освобождены отъ предварительной цензуры.

Принявъ на себя полную и серьезную отвѣтственность, редакторъ журнала будетъ имѣть и возможность и побужденіе соображать требованіе закона и вести свое дѣло согласно съ нимъ. Законъ и практическія обстоятельства не будутъ заслонены отъ него лицемъ цензора; онъ самъ долженъ будетъ отдавать себѣ точный и ясный отчетъ въ каждой печатаемой имъ статьѣ. Съ другой стороны, правительство, устранивъ предварительный контроль цензуры, можетъ всегда ясно видѣть, въ какой мѣрѣ направленіе журнала или газеты соотвѣтствуетъ его видамъ, и соображать согласно съ тѣмъ свои дѣйствія.

Предоставивъ редакціямъ журналовъ и газетъ право печатать ихъ изданія подъ своею отвѣтственностію, правительство будетъ имѣть въ рукахъ цѣлую систему административныхъ взысканій; подробныя о семъ правила излагаются ниже въ главѣ сего раздѣла.

Къ § 6. Ни что не можетъ такъ гибельно дѣйствовать на общественную нравственность и съ такою силою воспламенять воображеніе, какъ наглядныя

ляются также, прежде изданія ихъ въ свѣтъ, на предварительное разсмотрѣніе цензуры.

§ 7. Сочиненія собственно духовнаго содержанія, т. е. заключающія въ себѣ изложеніе догматовъ православной вѣры, толкованія св. писанія, спеціально излагаемую исторію православной церкви, житія св. угодниковъ Божіихъ, изобличенія и

Св. Зак. (изд. 1857 г.) Т. XIV, Уст. ценз. ст. 37.

представленія соблазнительныхъ и возмутительныхъ предметовъ въ рисункахъ, эстампахъ, гравюрахъ и пр. Для прочтенія хотя одной страницы самаго возмутительнаго сочиненія, нужно время и извѣстная доля понятливости, тогда какъ въ рисункѣ сама мысль олицетворяется, получаетъ жизнь и дѣйствіе и, въ формѣ, доступной каждому, изображаетъ соблазнъ въ его живомъ и непосредственномъ примѣненіи. По этой причинѣ, даже и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ цензура не существуетъ, требуется разрѣшеніе полицейскаго начальства на право изданія эстамповъ, гравюръ и рисунковъ. Это полицейское разрѣшеніе замѣняется въ нашемъ законодательствѣ цензурою, и такъ какъ результаты ихъ тожественны, то Коммиссія не нашла основанія измѣнять существующій у насъ порядокъ предварительнаго разсмотрѣнія издаваемыхъ въ свѣтъ эстамповъ, гравюръ и рисунковъ.

На основаніи ст. 43 *Устава цензурнаго*, всѣ вообще планы, фасады, чертежи, рисунки по части строительной и путей сообщенія, представляемые въ цензуру, для пропуска въ печать, предварительно разсматриваются въ главномъ управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій, и тѣ токмо изъ нихъ дозволяется печатать, которыя главнымъ управленіемъ путями сообщенія и публичными зданіями будутъ одобрены. Коммиссія признала совершенно безполезнымъ оставить въ силѣ это постановленіе. Спеціальная цензура вѣдомства путей сообщенія ничѣмъ не можетъ быть оправдана: въ дѣлѣ искусства едва ли съ пользою можетъ быть допущена правительственная регламентація. Конечно, отъ вѣдомства путей сообщенія и публичныхъ зданій должно зависѣть разрѣшеніе на постройку зданія, по представленному плану или чертежу, въ смыслѣ безопасности и прочности постройки; но изданіе въ свѣтъ архитектурнаго чертежа не можетъ представлять никакой опастности, если общая цензура не нашла въ немъ какихъ-либо предосудительныхъ изображеній.

Что же касается географическихъ картъ, то цензура ихъ въ военно-топографическомъ депо, требуемая ст. 44-ю *Уст. ценз.*, можетъ быть сохранена только для подробныхъ, спеціальныхъ картъ Россійской имперіи и ея частей, такъ какъ изданія подобнаго рода, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, должны составлять государственную тайну. То же самое относится и до гидрографическихъ картъ морей Россіи, которыя должны быть разсмотрѣны гидрографическимъ департаментомъ морскаго министерства.

*К*ъ § 7. Статья эта заимствована изъ 37-й ст. *Устава цензурнаго*. Въ ней только признано неизлишнимъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія, въ видахъ точнѣйшаго опредѣленія того, что̀ подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры православнаго вѣдомства, и для предупрежденія недоразумѣній между свѣтскою и духовною цензурами.

опроверженія расколовъ и ихъ ученій, проповѣди на Славянскомъ и Русскомъ языкахъ, разсматриваются духовною цензурою, состоящею въ вѣдѣніи св. сунода.

§ 8. Изданія, освобожденныя ст. 1 и 2 настоящаго Устава отъ предварительной цензуры, могутъ, по желанію сочинителей или типографщиковъ, быть представляемы на предварительное разсмотрѣніе цензуры.

Постановленіе новое.

§ 9. Сочинители, издатели и редакторы не могутъ быть преслѣдуемы за содержаніе произведеній, обнародованныхъ съ разрѣшенія цензуры; но они ни въ какомъ случаѣ не освобождаются отъ отвѣтственности предъ судомъ по искамъ за о позореніе и поруганіе.

Постановленіе новое.

Къ § 8. Необходимость предоставить авторамъ и издателямъ освобожденныхъ отъ предварительной цензуры произведеній право добровольно подчиняться цензурѣ представляется очевидною, въ особенности въ первое время. Отвѣтственность, падающая на издателей и типографщиковъ, предѣлы которой опредѣлены въ законахъ о судопроизводствѣ, можетъ, во многихъ случаяхъ, ставить въ затрудненіе самыхъ благонамѣренныхъ издателей, а ежели отказать имъ въ правѣ искать обезпеченія въ предварительномъ пересмотрѣ цензурою, то это можетъ имѣть весьма невыгодныя послѣдствія для успѣха нашей литературы, въ особенности ученой.

Къ § 9. Могутъ ли вообще быть преслѣдуемы авторы и издатели за содержаніе произведеній, явившихся въ свѣтъ съ разрѣшенія предварительной цензуры? Вотъ вопросъ, который Коммиссія старалась изучить во всей подробности, ибо разрѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ должно имѣть рѣшительное вліяніе на характеръ всего законодательства о цензурѣ.

Вскорѣ послѣ изданія цензурнаго устава 1828 года, а именно въ 1831 году, по поводу одного частнаго случая, возникъ вопросъ: можно ли, на основаніи цензурнаго устава, возлагать на сочинителей или издателей отвѣтственность.

Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, князь *Ливенъ*, находилъ, что такъ какъ, на основаніи § 47 устава, отвѣтственность лежитъ исключительно на цензорѣ, то подвергать оной сочинителей и авторовъ совершенно бы противорѣчило смыслу устава. Мнѣніе это, по Высочайшему повелѣнію, передано было на обсужденіе ген.-адъют. *Васильчикова*, графа *Нессельрода*, ген.-адъют. *Бенкендорфа* и тайн. сов. *Дашкова*. Лица сіи, по внимательномъ разсмотрѣніи мнѣнія князя Ливена и по соображеніи его съ разумомъ и точными словами устава о цензурѣ, находили, «что § 47 сего устава, обращая, по строгой справедливости, отвѣтственность за изданіе вредной книги или статьи исключительно на тѣхъ, кои имѣли прямую и непосредственную обязанность воспретить оное, *отнюдь не могло освободить и не освобождаетъ* отъ законнаго преслѣдованія самихъ сочинителей или переводчиковъ, во всѣхъ случаяхъ, когда они, по существу представленной ими книги или статьи, подлежатъ дѣйствію общихъ уголовныхъ законовъ. Пропускъ къ напечатанію вредной книги есть собственно воля цензора; но что было преступленіемъ до изданія оной, то не перестаетъ

быть преступленіемъ и послѣ; и авторъ безбожнаго или возмутительнаго сочиненія, представившій оное въ цензуру и слѣдовательно изобличенный въ намѣреніи обнародовать оное, *долженъ быть преданъ суду* на основаніи общихъ законовъ, не смотря на данное ему отъ цензора одобреніе. Изъ сего слѣдуетъ, что правительство, отнюдь не нарушая цензурнаго устава и оставляя отвѣтственность за изданіе книги исключительно на цензорѣ, имѣетъ, однакоже, полное право требовать объявленія ему имени каждаго сочинителя или переводчика, въ произведеніяхъ коего будетъ усмотрѣно нарушеніе общихъ уголовныхъ законовъ, или стремленіе къ вредной для общаго спокойствія цѣли, *для преданія суду*, или же для учрежденія за нимъ полицейскаго надзора, смотря по существу вины его».

Не входя здѣсь въ юридическую оцѣнку правильности сего вывода, должно признать, что правительство наше оставило за собою право преслѣдовать судомъ авторовъ и издателей, не смотря на цензуру. Впослѣдствіи въ *Уложеніи о наказаніяхъ* положено видимое различіе: между сочиненіями, по содержанію своему клонящимися къ нарушенію постановленій, ограждающихъ святость вѣры или право Верховной власти, или оскорбительными для лица Государя Императора и членовъ Императорскаго Дома, и между сочиненіями, по содержанію своему нарушающими другія постановленія печати. *Составители* первыхъ, на основаніи ст.: 197, 207, 279, 282, 285 и 286 *Уложенія о наказаніяхъ*, подвергаются преслѣдованію суда и наказанію во всякомъ случаѣ, безъ различія того, были ли сіи сочиненія пропущены цензурою или нѣтъ; *составители же* вторыхъ подвергаются наказанію только тогда, когда напечатаютъ ихъ *тайно* отъ цензуры — ст. 1356, 308, 317, 319, 2194 и 2102 Т. XV Св. Зак.

Хотя нигдѣ положительно это различіе въ законѣ не выражено, но его можно съ основаніемъ вывести изъ сравненія содержанія приведенныхъ статей XV т. Св. Зак. уголовн. Въ самомъ дѣлѣ, въ ст. 197, 207, 279, 282, 285 и 286 постоянно говорится объ изобличенныхъ въ *составленіи* и распространеніи письменныхъ *или печатныхъ* сочиненій, а въ ст. 1361, кромѣ того, постановлены наказанія для цензора, намѣренно пропустившаго къ изданію что-либо противное упомянутымъ статьямъ. Изъ сего видно, что и составители и пропустившій цензоръ одинаково отвѣчаютъ за преступленія, въ сихъ статьяхъ упомянутыя. Напротивъ того, въ ст. 308, 317, 319, 2098 и 2102, въ которыхъ опредѣляются наказанія за проступки слова, нигдѣ не говорится о *печатномъ* сочиненіи, а только о письменныхъ и словесныхъ выраженіяхъ мысли; въ ст. же 1356 прямо опредѣляется наказаніе за безнравственныя сочиненія, издаваемыя *тайно отъ цензуры*. Такъ что въ сущности, по дѣйствующему нашему законодательству, составители сочиненій за *преступленія* печати преслѣ-

дуются не смотря на цензуру, за *проступки* же печати при цензурѣ отъ преслѣдованія освобождаются.

Но Высочайшимъ повелѣніемъ въ 1848 году, послужившимъ основаніемъ 74 статьи цензурнаго устава, уничтожено это различіе, по крайней мѣрѣ, для періодическихъ изданій: ибо въ статьѣ этой постановлено, «что издатели или редакторы повременныхъ изданій, ежели въ нихъ окажутся сочиненія, по своему прямому содержанію или косвеннымъ намекамъ принадлежащія къ роду тѣхъ, которыя означаются въ *Уложеніи о наказаніяхъ* въ ст. 197, 207, 279, 282, 285, 286, 317, 319, 2098 и 2102, подвергаются опредѣленнымъ въ сихъ статьяхъ наказаніямъ, независимо отъ отвѣтственности разсматривавшаго періодическое изданіе цензора». Не смотря на этотъ законъ, не было ни одного случая *судебнаго* преслѣдованія авторовъ или редакторовъ за содержаніе сочиненій, пропущенныхъ цензурою, но за то было немало случаевъ административныхъ взысканій съ авторовъ за содержаніе процензурованныхъ сочиненій *). Выше сего, а именно въ объясненіяхъ ст. 5 было замѣчено, что административныя взысканія съ авторовъ и редакторовъ за содержаніе одобренныхъ цензоромъ произведеній не могутъ быть оправданы и что нѣтъ закона, на которомъ бы правительство могло основывать право свое налагать подобныя взысканія безъ суда. Дѣйствовать же мимо закона силою особыхъ Высочайшихъ повелѣній представляется крайне неудобнымъ и, какъ замѣчено выше (въ объясн. ст. 5), даже вреднымъ для самаго правительства. Поэтому, говоря объ *отвѣтственности* авторовъ и издателей процензурованныхъ произведеній, Коммиссія имѣетъ въ виду только разобрать вопросъ объ ихъ законной отвѣтственности передъ судомъ.

Такъ какъ преступленія и проступки печати могутъ касаться правительства, общества и частныхъ лицъ, то и преслѣдованіе можетъ быть вчинаемо или оффиціальными органами или частными лицами.

Цензура, какъ учрежденіе правительственное, установляется исключительно съ цѣлію ограждать правительство и общество отъ злоупотребленій печати. Цензоры вооружаются властію и правительственнымъ авторитетомъ для произнесенія рѣшительнаго приговора о содержаніи сочиненія, предполагаемаго къ печати, и пропускъ цензора есть ни что иное, какъ формальное *разрѣшеніе* подлежащей власти на совершеніе дѣйствія, признаннаго безвреднымъ и не противнымъ законамъ **).

---

*) Съ 1854 по конецъ 1861 года, т. е. въ теченіе семи лѣтъ, было сдѣлано 144 выговора цензорамъ и 43 редакторамъ. Сверхъ того, въ этотъ же періодъ времени уволено 7 цензоровъ за цензурные промахи.

**) «Цензура» сказано въ ст. 1-ой Цензурнаго устава «имѣетъ обязанностію разсматривать произведенія словесности, наукъ и искусствъ, назначаемыя къ изданію въ

Послѣ такого разрѣшенія, едва ли можетъ быть юридически оправдано какое-либо судебное преслѣдованіе сего дѣйствія со стороны правительственной власти. Отвѣтственность цензора, разрѣшившаго печатаніе рукописи, должно бы, кажется, удовлетворять требованію правосудія.

Едва ли даже возможно допустить, чтобы явныя и умышленныя нарушенія законовъ печати могли имѣть мѣсто при цензурѣ. Самый опытъ убѣждаетъ, что законъ, подвергающій автора процензурованнаго сочиненія, отвѣтственности передъ судомъ не исполняется, и не достигаетъ своей цѣли, ибо никакой положительный законъ не можетъ оправдать дѣйствія, по существу своему несправедливаго.

Сущность всякаго преступленія слова заключается въ публикаціи, т. е. въ обнародованіи и распространеніи. Пока слово не высказано публично, рукопись не напечатана, нѣтъ еще, собственно говоря, преступленія, а потому нѣтъ вины, нѣтъ и преслѣдованія. Въ ст. [redacted] раздѣла III сего Устава прямо опредѣляется, что преступленіе или проступокъ слова заключаются только въ публичномъ произнесеніи или публичномъ обнаруженіи посредствомъ письма, печати, или инымъ образомъ, того, что запрещено закономъ подъ страхомъ наказанія, и въ объясненіи къ этой статьѣ разъяснено, что нельзя подвергать суду покушенія или приготовленія къ совершенію преступленія посредствомъ слова, на томъ основаніи, что слово, въ какую бы форму ни вылилось, въ устную ли рѣчь, въ письмо или печать, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалось публичнымъ, пока не передано публикѣ, остается только мыслію человѣка, и преслѣдовать такую мысль было бы то же, что преслѣдовать желанія, надежды и другія внутреннія движенія человѣческаго духа. А когда самая публикація, т. е. самое дѣйствіе, условливающее преступность факта, разрѣшается установленною властію, то не можетъ быть вмѣняемости сего преступленія тому лицу, которое получило отъ установленной власти разрѣшеніе на сію публикацію.

Само собою разумѣется, что ежели сочинители, издатели и редакторы, домогаясь получить разрѣшеніе цензуры на выпускъ въ свѣтъ предосудительнаго сочиненія, вовлекутъ цензора въ обманъ какими-либо незаконными или прямо подложными дѣйствіями, то за подобныя дѣйствія они не должны оставаться безъ отвѣтственности. Но въ этомъ случаѣ характеръ самого преступленія измѣняется. Оно входитъ въ разрядъ общихъ преступленій, учиненныхъ дѣйствіемъ, и виновные въ немъ должны судиться за подлогъ или обманъ или укрывательство и т. п. преступленія, общими уголовными законами предвидѣнныя.

свѣтъ внутри государства посредствомъ книгопечатанія, гравированія или литографіи, а равно и привезенныя изъ-за границы, и *дозволять* изданіе или продажу тѣхъ только изъ оныхъ, кои въ цѣломъ составѣ или въ частяхъ своихъ не противны изложеннымъ ниже въ ст. 3 общимъ постановленіямъ.

[redacted]
ственная
[redacted] ТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

Еслибы существовало правило, обязывающее автора сочиненія, касающагося чести частнаго лица, испрашивать разрѣшенія сего лица на обнародованіе оскорбительнаго сочиненія, то, конечно, никто не сталъ бы признавать за обиженнымъ право иска за публикацію, сдѣланную съ согласія и разрѣшенія сего обиженнаго или довѣреннаго отъ него лица. Но такъ какъ подобнаго правила существовать не можетъ, а цензоръ, исключительно обязанный охранять правительство и общество, не можетъ быть представителемъ частныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, то и пропускъ цензоромъ оскорбительныхъ для частныхъ лицъ позорныхъ сочиненій не долженъ устранять отвѣтственности авторовъ передъ сими лицами, безъ всякаго, впрочемъ, участія въ томъ правительственной преслѣдовательной власти.

На семъ основаніи, во всѣхъ Европейскихъ государствахъ, гдѣ существовала цензура, авторы процензурованныхъ сочиненій освобождались отъ всякаго преслѣдованія со стороны правительства за содержаніе сихъ сочиненій, но по иску частныхъ лицъ подлежали отвѣтственности, не смотря на цензуру.

Такъ во Франціи въ законѣ 1814 года было постановлено:

«Art. 10. Les auteurs et imprimeurs pourront requérir, avant la publication d'un écrit, qu'il soit examiné en la forme prescrite, par l'article 4; s'il est approuvé l'auteur et l'imprimeur seront déchargés de toute responsabilité,.si ce n'est envers les particuliers lésés».

Юридическая практика также весьма подробно разработала вопросъ объ отвѣтственности авторовъ за пропущенныя цензурою сочиненія.

Для изъясненія этого предмета приведемъ мнѣніе одного изъ лучшихъ комментаторовъ теоріи законовъ о прессѣ *):

«L'autorisation préalable de la censure met-elle l'auteur ou les auteurs à l'abri de toute poursuite?

«Nous croyons qu'il faut distinguer entre l'action publique et l'action civile. Quant à l'action publique, comment serait-elle exercée lorsque les censeurs, auxquels la loi a conféré une espèce de magistrature préventive, n'a pas empêché, arrêté, interdit la représentation? Poursuivre les auteurs, ne serait-ce point rendre en quelque sorte leurs complices et presque responsables les pouvoirs qui ont sanctionné leurs ouvrages. Qui dit censure exclut par cela même la répression. Lorsqu'une oeuvre doit être préalablement autorisée, pourquoi se préoccuperait-on des delits qu'elle peut contenir? Elle ne paraîtra que si elle est déclarée innocente, non pas criminelle, mais seulement suspecte, elle sera rejetée. L'autorisation préalable ne garantit pas la société seule, elle rassure l'écrivain; si l'action publique pouvait se montrer après elle, les auteurs diraient, non sans raison,

*) *J. Bories* et *F. Bonassies:* Dictionnaire pratique de la presse. T. II, p. 54—56.

§ 10. Правительство имѣетъ право запретить напечатанную съ одобренія цензуры книгу, и въ такомъ случаѣ книгопродавцы обязываются черезъ полицію подписками не имѣть и не продавать оной, подвергаясь за нарушеніе сего взысканію на основаніи § [illegible]. Напечатавшіе же одобренную и потомъ запрещенную книгу получаютъ отъ правительства удовлетвореніе за понесенный ими чрезъ то убытокъ.

Св. Зак. (изд. 1857 г.) Т. XIV, Уст. ценз. ст. 178.

que la censure est un piège et la poursuite une injustice. A quoi bon sévir alors qu'on peut empêcher?

Quant à l'action civile, elle pourra être suivie contre les auteurs d'ouvrages autorisés, par la partie qui s'y prétendra diffamée ou injuriée. En autorisant la publication les censeurs ne se sont préoccupés que de l'intérêt général. L'interêt des particuliers aura été par eux négligé ou inaperçu. L'autorisation ne sera donc pas une fin de non-recevoir, qui puisse être opposée aux tiers poursuivant devant les tribunaux la réparation des injures ou des diffamations dont ils seront victimes».

Нельзя не признать совершенной основательности приведенныхъ доводовъ, и хотя дѣйствующій законъ нашъ, какъ выше замѣчено, стремился подчинить авторовъ и издателей отвѣтственности передъ судомъ и за такія произведенія, которыя вышли въ свѣтъ съ разрѣшенія цензуры, но законъ этотъ, основанный на несправедливомъ началѣ, никогда до сихъ поръ не примѣнялся и служитъ только выраженіемъ недовѣрія правительства къ силѣ цензурной власти. При правильномъ судѣ, менѣе чѣмъ когда-либо, законъ этотъ можетъ быть полезенъ. Никакой безпристрастный судъ не рѣшится подвергнуть наказанію автора, не оцѣнивъ внимательно степень виновности его въ дѣйствіи, учиненномъ съ вѣдома и согласія цензурной власти. За симъ случаи явныхъ и вопіющихъ злоупотребленій печати при цензурѣ такъ рѣдки, что, въ предвидѣніи ихъ, неблагоразумно было бы оставлять въ законодательствѣ правило явно противное и смыслу и значенію всего цензурнаго учрежденія.

Къ § 10. Параграфъ этотъ почти подлинникомъ взятъ изъ нынѣ дѣйствующаго *Цензурнаго устава*, ст. 178. Коммиссія признала совершенно справедливымъ, освобождая авторовъ отъ личнаго преслѣдованія за содержаніе сочиненій, пропущенныхъ цензурою, вооружить правительство правомъ останавливать вредныя послѣдствія оплошности или упущенія цензора. Но, согласно нынѣ дѣйствующему закону, издатель книги, по всей справедливости, долженъ быть вознагражденъ за убытки, имъ понесенные.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОБЪ УСТАНОВЛЕНІЯХЪ И ЛИЦАХЪ, ЗАВѢДЫВАЮЩИХЪ ДѢЛАМИ КНИГОПЕЧАТАНІЯ.

Историческій обзоръ цензурныхъ установленій въ Россіи.

Въ прошломъ столѣтіи, когда у насъ выходило мало книгъ и еще менѣе журналовъ и газетъ, цензура не имѣла правильнаго образованія и не была подчинена вѣдѣнію самостоятельныхъ учрежденій. Предварительный просмотръ рукописей и разрѣшеніе ихъ къ печатанію составляли обязанность разныхъ административныхъ учрежденій: губернаторовъ, полиціи и коммиссіи народныхъ училищъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, цензурованіе книгъ принимала на себя сама императрица Екатерина II. Въ царствованіе императора Павла I-го вовсе запрещенъ былъ ввозъ иностранныхъ изданій. При императорѣ Александрѣ I цензура въ первый разъ получила организацію. Одновременно съ учрежденіемъ министерствъ, цензура внутренняя была отнесена къ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, а иностранная подчинена высшей полиціи. Въ 1804 году, при первомъ министрѣ народнаго просвѣщенія, графѣ *Завадовскомъ*, изданы были общія правила для цензуры; вмѣстѣ съ симъ предназначался верховный цензурный комитетъ, изъ трехъ министровъ: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, хотя не видно, чтобы этотъ комитетъ имѣлъ какое-либо дѣйствіе.

Въ началѣ царствованія императора Николая I-го, въ 1826 году, при министрѣ народнаго просвѣщенія *Шишковѣ*, изданъ былъ Цензурный уставъ, который, однако, существовалъ менѣе двухъ лѣтъ, и замѣненъ новымъ уставомъ, остающимся въ силѣ и до сихъ поръ. На основаніи этого устава, учреждены были цензоры и цензурные комитеты, безъ предварительнаго одобренія которыхъ ни одна рукопись не могла быть подвергаема тисненію. Кромѣ того, симъ же уставомъ учреждена была особая духовная цензура, подчиненная вѣдѣнію св. сунода; высшее же наблюденіе за цензурою въ Имперіи возложено на главное управленіе цензуры и министра народнаго просвѣщенія.

Вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе сего Устава, а именно въ 1831 году, возникли нѣкоторыя недоразумѣнія при его примѣненіи. Разсмотрѣніе сихъ недоразумѣній поручено было генер.-адъют. *Васильчикову*, графу *Нессельроду*, тайн. сов. *Дашкову* и генер.-адъют. *Бенкендорфу*. Лица сіи, во всеподданнѣйшей запискѣ, между прочимъ, изъяснили: «что, вникая въ причины нѣкоторыхъ недоразумѣній и противорѣчій въ исполненіи Устава, они не могутъ не отнести

ихъ отчасти къ *недостатку*, въ главномъ управленіи цензуры, *свѣдѣній о настоящемъ расположеніи умовъ и о соотношеніяхъ между обстоятельствами времени и стремленіемъ людей неблагонамѣренныхъ»*. Для отвращенія сего неудобства, въ главное управленіе цензуры, сверхъ членовъ отъ министерствъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, опредѣленъ еще членъ со стороны шефа жандармовъ.

За симъ, въ промежутокъ времени съ 1831 по 1848 годъ, постоянно учреждались, рядомъ съ общею цензурою, спеціальныя цензуры отдѣльныхъ вѣдомствъ и, между прочимъ, учрежденъ былъ особый военно-цензурный комитетъ.

Въ февралѣ 1848 года, по дошедшимъ до блаженной памяти Государя Императора Николая I-го свѣдѣніямъ о весьма сомнительномъ направленіи нашихъ журналовъ, Его Императорское Величество, на докладѣ о семъ генералъ-адъютанта графа *Орлова*, собственноручно написать изволилъ: «Необходимо составить *Особый Комитетъ*, чтобы разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура, и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы. Комитету донести Мнѣ съ доказательствами гдѣ найдетъ какія упущенія цензуры и ея начальства, т. е. министерства народнаго просвѣщенія».

Комитетъ, учрежденный на семъ основаніи подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, обозрѣлъ всѣ тогдашніе журналы и представилъ замѣчанія свои о направленіи и духѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вслѣдствіе сего учрежденъ былъ 2-го апрѣля 1848 года постоянный *негласный комитетъ*, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника *Бутурлина*, для высшаго надзора, въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ, за духомъ и направленіемъ книгопечатанія, на какомъ-бы языкѣ и по какому-бы вѣдомству сочиненія ни появлялись.

Комитетъ этотъ, кромѣ предсѣдателя, состоялъ изъ трехъ членовъ, семи помощниковъ ихъ и правителя дѣлъ.

Въ основаніе обязанностей комитета положены слѣдующія главныя начала:

1) Цѣль комитета есть высшій, въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ, надзоръ за духомъ и направленіемъ нашего книгопечатанія.

2) Комитетъ, не касаясь предварительной цензуры, разсматриваетъ единственно то, что уже вышло въ печать, и о всѣхъ наблюденіяхъ и замѣчаніяхъ своихъ доводитъ до Высочайшаго свѣдѣнія.

3) Какъ установленіе неоффиціальное, комитетъ не имѣетъ самъ по себѣ никакой власти, и всѣ его заключенія вступаютъ въ силу лишь чрезъ Высочайшее ихъ утвержденіе.

Въ дополненіе къ сему, Государь Императоръ, лично передавая членамъ комитета волю Свою, между прочимъ, объяснилъ, «что какъ Его Величеству нельзя самому читать всего выходящаго у насъ въ печать, *то они, члены, будутъ его глазами, пока это дѣло иначе устроится»*.

Впослѣдствіи правила комитета подвергались разнымъ существеннымъ измѣненіямъ. Сперва изъята изъ круга его дѣйствія вся литература духовная, что̀ послѣ распространено и на всѣ сочиненія, выходящія на языкахъ восточныхъ и Еврейскомъ. Потомъ повелѣно: единогласныя заключенія комитета приводить въ дѣйствіе собственною его властію, повергая на Высочайшее воззрѣніе лишь случаи особенно важные и законодательные вопросы. Впослѣдствіи, именно только въ 1854 году, въ число членовъ комитета назначенъ и министръ народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ, вслѣдъ за учрежденіемъ негласнаго комитета 2-го апрѣля 1848 года, объявлено было тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, графу *Уварову*, Высочайшее повелѣніе приступить немедленно къ соотвѣтственному обстоятельствамъ времени пересмотру Цензурнаго Устава и дополнительныхъ къ нему постановленій. Составленный вслѣдствіе сего проектъ новаго Цензурнаго Устава представленъ былъ въ томъ же году графомъ Уваровымъ въ государственный совѣтъ и подвергнутъ разсмотрѣнію, которое было окончено въ 1849 году при новомъ уже министрѣ народнаго просвѣщенія, князѣ *Ширинскомъ-Шихматовѣ*. Симъ проектомъ, въ замѣнъ главнаго управленія цензуры, учреждался особый цензурный департаментъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ семъ департаментѣ предполагалось сосредоточить управленіе внутреннею и иностранною цензурою. Сверхъ того, въ обязанность его входило разсмотрѣніе сочиненій, предназначаемыхъ къ изданію въ С.-Петербургѣ, а также книгъ и произведеній искусствъ, привозимыхъ изъ-за границы. Цензурные комитеты полагались въ Москвѣ, Ригѣ, Вильнѣ, Кіевѣ и Одессѣ, а отдѣльные цензоры въ Дерптѣ и Казани.

Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ этотъ проектъ въ 1849 и 1850 годахъ, не призналъ нужнымъ издавать новаго цензурнаго устава, такъ какъ основанія законоположенія 1828 года не измѣнялись, и потому нашелъ полезнымъ только внести послѣдовавшія съ 1828 года новыя узаконенія въ Сводъ Законовъ: затѣмъ, вмѣсто цензурнаго департамента, предложено было усилить составъ главнаго управленія цензуры нѣсколькими сановниками. Кромѣ того, найдено было необходимымъ назначать цензорами только лицъ, знакомыхъ съ ходомъ отечественной литературы и свободныхъ отъ постороннихъ служебныхъ занятій.

Означенныя предположенія государственнаго совѣта были Высочайше утверждены 14 іюля 1850 года. По поводу обсужденія сего вопроса, была высказана мысль о необходимости наблюденія за ходомъ литературы чрезъ чиновниковъ главнаго управленія цензуры.

Наконецъ 6 декабря 1855 года негласный комитетъ 2 апрѣля, по докладу бывшаго въ то время предсѣдателемъ, г. статсъ-секретаря барона *Корфа*, былъ упраздненъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ, баронъ М. А. Корфъ изло-

живъ вкратцѣ очеркъ дѣятельности комитета, между прочимъ, объяснялъ слѣдующее:

«Въ настоящее время, послѣ восьмилѣтняго почти существованія комитета, дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ:

«1) Въ писателяхъ и цензорахъ окончательно водворена та весьма дѣйствительная увѣренность, что надъ ними всегда, неусыпно, неослабно дѣйствуетъ глазъ правительства.

«2) Цензурныя постановленія приведены въ должную опредѣлительность и средства цензуры усилились и обезпечены въ полную соотвѣтственность кругу ея дѣйствій.

«3) Въ главѣ министерства народнаго просвѣщенія находится лицо, пользующееся Монаршимъ довѣріемъ. При семъ новомъ высшемъ управленіи, цензура, въ настоящемъ ея устройствѣ, дѣйствуетъ и безъ всякаго стороннаго вліянія съ такою бдительностію, что, вмѣсто сотень прежнихъ замѣчаній, въ нынѣшнемъ году былъ комитету поводъ всего лишь къ двумъ и то по предметамъ маловажной неосмотрительности, на которые, одновременно съ комитетомъ, было обращено вниманіе и со стороны министерства.

«Въ семъ положеніи не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что комитетъ 2-го апрѣля, существовавшій всегда лишьвъ видѣ *изъятія* изъ общаго порядка, окончательно совершилъ свое назначеніе и съ минованіемъ вызвавшихъ оный чрезвычайныхъ обстоятельствъ становится отнынѣ совершенно излишнимъ въ цензурной администраціи звеномъ. Словомъ, что дѣло, по выраженію блаженныя памяти Государя Императора, *устроилось иначе*. Осмѣлюсь сказать еще болѣе: комитетъ въ настоящее время не только пересталъ быть *полезнымъ*, но и сдѣлался *вреднымъ*. Его вмѣшательство въ дѣла, долженствующія имѣть свой законный ходъ, его посредничество между министерствомъ и Верховною властію, *которому нѣтъ примѣра ни въ какой другой части управленія*; этотъ видъ стороннаго надзора и контроля, при несуществованіи болѣе прежнихъ къ тому побужденій, все сіе вмѣстѣ *вредитъ единству дѣйствія* и власти министра и даже, можетъ быть, иногда усиливаетъ свыше мѣры строгость цензуры, что, конечно, не менѣе противно Высочайшимъ видамъ Вашего Императорскаго Величества, чѣмъ и предосудительная ея слабость. Во всѣхъ законодательствахъ принято за основаніе, что представленіе авторомъ книги въ цензуру избавляетъ его отъ всякаго личнаго преслѣдованія; опасеніе же авторовъ, что они, не смотря на пропускъ цензора, могутъ подвергнуться взысканію *безъ истребованія отъ нихъ сперва объясненій*, доводитъ иногда до цѣли совершенно противоположной: распространяется *рукописная* литература, гораздо болѣе опасная, ибо она читается съ жадностію, и противъ нея безсильны всѣ полицейскія мѣры».

Вслѣдствіе сихъ соображеній, послѣдовало 6 декабря 1855 года Высочайшее повелѣніе о закрытіи негласнаго комитета 2 апрѣля.

Участіе всѣхъ вѣдомствъ въ цензурномъ дѣлѣ болѣе и болѣе усиливалось, и сдѣлалось наконецъ не только весьма обременительнымъ для авторовъ и редакторовъ, но, кромѣ того, возбуждало постоянно самыя непріятныя столкновенія между представителями различныхъ вѣдомствъ. Въ видахъ упрощенія цензурнаго производства, послѣдовало въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1858 года Высочайшее повелѣніе о назначеніи довѣренныхъ отъ разныхъ вѣдомствъ чиновниковъ, для непосредственныхъ сношеній съ общею цензурою при разсмотрѣніи статей, касающихся по содержанію своему разныхъ правительственныхъ вопросовъ. По этому поводу упраздненъ былъ и военно-цензурный комитетъ.

Не смотря на всѣ сіи мѣры, періодическая литература, вслѣдствіе возбужденныхъ правительствомъ важныхъ государственныхъ вопросовъ, стала все болѣе и болѣе преодолѣвать всѣ цензурныя препятствія и высказывать независимыя мнѣнія по всѣмъ возбужденнымъ вопросамъ. Правительство скоро замѣтило, что однѣ предупредительныя цензурныя мѣры недостаточны для удержанія литературы въ границахъ, опредѣленныхъ Цензурнымъ Уставомъ. Оно признало необходимымъ, посредствомъ особаго учрежденія, само давать направленіе общественному мнѣнію. Съ сею цѣлію, по Высочайшему повелѣнію 24 января 1859 года, вновь учрежденъ былъ *негласный комитетъ* по дѣламъ книгопечатанія.

Комитетъ этотъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: бывшаго товарища министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника *Муханова* и генералъ-адъютантовъ: графа *Адлерберга* 2 и *Тимашева*.

Комитетъ обязанъ былъ имѣть неоффиціальный надзоръ за направленіемъ нашей литературы, соотвѣтственно видамъ правительства, какъ въ выходящихъ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ.

Вслѣдствіе сего ему было предоставлено:

1) Для необходимыхъ объясненій и совѣщаній, въ случаѣ надобности, требовать личной явки въ оный цензоровъ, равно и журналистовъ и литераторовъ.

2) Сноситься съ министерствами и главными управленіями, для полученія нужныхъ свѣдѣній и объясненій по вопросамъ, до подлежащихъ вѣдомствъ относящимся и обсуживаемымъ въ печатныхъ статьяхъ.

3) По распоряженію его печатать въ журналахъ статьи подъ рубрикою: *сообщено*, которыя, какъ исходящія отъ правительства, должны служить цензорамъ указаніемъ и руководствомъ для ихъ дѣйствій.

Комитетъ 24 января существовалъ недолго; въ томъ же году, въ октябрѣ члены комитета во всеподданнѣйшей запискѣ представили мнѣніе свое о необходимости измѣненія устройства комитета.

«Поставленный неоффиціальнымъ положеніемъ», сказано во всеподданнѣйшей запискѣ, «внѣ общей системы правительственныхъ учрежденій и въ то же время обязанный участвовать въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ общественныхъ, именно вопросовъ умственныхъ, комитетъ долженъ былъ затрогивать самыя щекотливыя стороны администраціи, общественнаго мнѣнія и печати, что дало ему видъ какого-то чрезвычайнаго, контролирующаго и, по его уединенности, видъ устрашающаго постановленія, не смотря на употребленные имъ всевозможные способы къ отстраненію всякихъ поводовъ къ подобному взгляду. Цензоры, подчиненные другому начальству, и естественно съ нимъ одинмъ исключительно поставленные во всѣ обычныя служебныя отношенія, теперь, въ кругу своихъ дѣйствій, увидѣли новую власть, коей указаній не могли не считать для себя вполнѣ обязательными,—что̀ къ затрудненіямъ, и безъ того обременяющимъ отправленіе ихъ должности, прибавило новыя, обыкновенно являющіяся тамъ, гдѣ однимъ дѣломъ распоряжаются двѣ власти. Литераторы, кромѣ вліянія обыкновенной цензуры, опасаясь отъ новаго учрежденія стѣснительнаго для себя сторонняго вмѣшательства, уклонились отъ всякихъ съ нимъ сношеній. Съ первыхъ уже дней своего существованія, комитетъ ощутилъ невыгодныя послѣдствія возбудившихся такимъ образомъ недоразумѣній и сталъ въ какое-то странное положеніе въ средѣ, гдѣ ему надлежало дѣйствовать. Почти всеобщее нерасположеніе быстро устремилось на встрѣчу первыхъ шаговъ его, и какъ моральное вліяніе въ дѣлахъ, возложенныхъ на комитетъ, составляло одно изъ первыхъ условій успѣха, то, при этихъ непреодолимыхъ препятствіяхъ къ пріобрѣтенію такого вліянія, дальнѣйшая дѣятельность комитета сдѣлалась не только затруднительною, но прямо невозможною.

«Главная причина невыгоднаго положенія комитета состоитъ въ томъ, что онъ, какъ отдѣльное правительственное учрежденіе, призванное дѣйствовать на ходъ и направленіе печати, на подобіе Французскаго Bureau de la presse, оказался несовмѣстнымъ съ порядкомъ вещей, гдѣ существуетъ цензура предупредительная».

Обращаясь за тѣмъ къ разбору существующихъ у насъ цензурныхъ учрежденій, члены комитета выражаютъ объ нихъ мнѣніе свое слѣдующими словами:

«Администрація цензуры лишена правильнаго устройства. Ей недостаетъ главныхъ необходимыхъ качествъ всякой правительственной силы — самостоятельности и сосредоточенности. Каждое управленіе имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣйствій, и своимъ служебнымъ назначеніемъ ограждено отъ всякаго постороннаго вмѣшательства въ свои распоряженія; одна цензура отъ него не изъята и служитъ предметомъ самыхъ разнородныхъ и даже противуположныхъ домогательствъ и требованій, тѣмъ болѣе затруднительныхъ, что за ними нерѣдко возбуждается и вопросъ о принятіи какой-либо мѣры, которая не всегда

согласуется съ общимъ ходомъ цензурныхъ дѣлъ. У цензуры есть своя спеціальность, своя, такъ сказать, техника, какъ во всякомъ правительственномъ кругу. Она должна дѣйствовать не по случайнымъ взглядамъ и соображеніямъ, а въ одномъ опредѣленномъ направленіи, обнимающемъ и соглашающемъ многоразличные и самые сложные интересы общества; и нельзя, чтобы каждый отдѣльный случай вводилъ въ кругъ ея новаго судью съ его понятіями и взглядами на вещи, можетъ быть, не лишенными основанія съ его точки зрѣнія, но невѣрными въ отношеніи къ цѣлой системѣ, которой должны слѣдовать цензора. Въ послѣднее время установлено правило обращаться къ разнымъ вѣдомствамъ за разрѣшеніемъ по литературнымъ произведеніямъ, коихъ содержаніе касается предметовъ ихъ управленія. Такимъ образомъ нерѣдко одно и то же сочиненіе должно проходить нѣсколько отдѣльныхъ цензуръ, не освобождаясь въ то же время отъ разсмотрѣнія цензуры общей. Кромѣ того, что этотъ порядокъ чрезвычайно стѣснителенъ для литераторовъ, онъ подвергаетъ цензуру весьма вредному раздробленію, которое, съ одной стороны, лишаетъ ее всякой системы, единства и послѣдовательности, а съ другой—ослабляетъ цензурную отвѣтственность, ибо каждое изъ лицъ, разсматривающихъ одно и то же сочиненіе, естественно, надѣется на другое, и въ случаѣ недосмотра или ошибки, всегда имѣетъ поводъ обратить вину на своего товарища, чему и были неоднократные примѣры. Вообще двухлѣтній опытъ доказалъ убѣдительно несостоятельность сей мѣры, которая, кромѣ вышеозначенныхъ неудобствъ, доселѣ ничего не произвела.

«Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія, имѣя въ виду всѣ вышеизложенныя обстоятельства и соображенія, находя, что въ настоящемъ своемъ видѣ и съ тѣми средствами, какія ему даны, онъ лишенъ возможности выполнить свою высокую задачу, и наконецъ убѣжденный въ томъ, что благоустроенная цензура есть одно изъ главныхъ условій успѣха, въ дѣлѣ на него возложенномъ, признаетъ необходимыми измѣненія, какъ въ своемъ собственномъ устройствѣ, такъ и въ цензурѣ вообще. Измѣненія сіи, по его мнѣнію, должны бы состоять въ слѣдующихъ положеніяхъ:

«1) Оставаясь въ настоящемъ своемъ составѣ, комитетъ соединяется съ главнымъ управленіемъ цензуры, съ которымъ онъ и образуетъ главную и высшую въ Имперіи цензурную власть. Комитету предоставляется обсуживать всѣ высшіе вопросы относительно направленія идей въ государствѣ, во всѣхъ проявленіяхъ ихъ въ печати, и относительно цензуры свои соображенія, по предварительному соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, вносить въ главное управленіе цензуры для окончательнаго рѣшенія и принятія нужныхъ мѣръ. Ему будетъ также принадлежать и непосредственное наблюденіе по редакціи предполагаемаго печатнаго правительственнаго органа или газеты.

Такимъ образомъ, стремясь оказывать государству по высшимъ вопросамъ, относительно печати, ту пользу, какую въ состояніи онъ приносить по духу своего учрежденія и составу, онъ, чрезъ свое соединеніе съ главнымъ управленіемъ цензуры, получаетъ дѣятельное оффиціальное участіе въ самыхъ мѣрахъ, какими осуществляются всѣ виды правительства по дѣламъ печати и цензуры. За симъ сама собою отмѣняется обязанность комитета имѣть непосредственныя сношенія съ цензорами и литераторами.

«2) Главное управленіе цензуры измѣняетъ свой составъ. Находясь подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, оно состоитъ: изъ президента академіи наукъ, товарища министра, изъ членовъ комитета по дѣламъ книгопечатанія, Высочайшимъ довѣріемъ назначаемыхъ, попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, оберъ-прокурора св. синода или его помощника и депутата отъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

«3) Главное управленіе цензуры есть высшая цензурная власть въ Имперіи, и въ немъ обсуживаются и окончательно рѣшаются, какъ всѣ общія, относительно цензуры и печати, мѣры, такъ и разные временно-возникающіе по нимъ вопросы и случаи, къ какому бы вѣдомству они ни относились. Въ случаяхъ, превышающихъ его власть и, по важности своей, требующихъ особыхъ законодательныхъ или чрезвычайныхъ распорядительныхъ мѣръ, оно испрашиваетъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества разрѣшенія. За тѣмъ всѣ отдѣльные цензоры, кромѣ цензоровъ духовнаго вѣдомства и министерства иностранныхъ дѣлъ, отмѣняются.

«4) Главному управленію цензуры подчинены всѣ цензурные комитеты, въ учебныхъ округахъ существующіе, равно и комитетъ цензуры иностранныхъ книгъ.

«5) Главное управленіе цензуры имѣетъ свои засѣданія еженедѣльно; но если потребуетъ надобность, оно можетъ собираться и болѣе одного раза въ недѣлю. Производство дѣлъ въ главномъ управленіи цензуры должно сколько возможно быть изъято отъ канцелярскихъ формъ и переписки.

«6) Для достиженія въ цензурѣ возможной послѣдовательности и правильнаго систематическаго движенія, и для сближенія цензоровъ съ руководящею и направляющею цензурною властію, они, по мѣрѣ надобности, приглашаются въ засѣданія главнаго управленія цензуры. Здѣсь сообщаются имъ, для руководства и вразумленія ихъ, виды правительства, касательно общаго направленія цензуры, а также разрѣшаются, безъ обременительнаго письменнаго производства, вопросы и сомнѣнія по текущимъ цензурнымъ случаямъ, если важность ихъ будетъ требовать сужденій высшей цензурной власти. Равнымъ образомъ, главному управленію цензуры предоставляется право, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, приглашать также въ собранія свои редакторовъ журна-

ловъ и литераторовъ, наиболѣе пользующихся вліяніемъ и извѣстностію въ публикѣ.

«7) Для того, чтобы Московскому цензурному комитету доставить способы обновлять, такъ сказать, свои понятія, относительно направленія, коему онъ долженъ слѣдовать, и имѣть свѣдѣнія о видахъ правительства, неудобныхъ къ передачи ихъ обыкновеннымъ письменнымъ порядкомъ, — въ два мѣсяца одинъ разъ или чаще, если того потребуютъ обстоятельства, попечитель Московскаго учебнаго округа вызывается въ Петербургъ, для присутствія въ главномъ управленіи цензуры, гдѣ онъ и имѣетъ право голоса наравнѣ съ прочими членами. Сверхъ того, комитету сему, по мѣрѣ надобности, будутъ сообщаемы протоколы важнѣйшихъ засѣданій главнаго управленія цензуры».

Съ своей стороны, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, дѣйств. тайн. сов. *Ковалевскій*, во всеподданнѣйшей запискѣ о недостаткахъ въ настоящемъ управленіи цензурою и о средствахъ къ исправленію ихъ, между прочимъ, изъяснилъ:

«По организаціи нынѣшняго цензурнаго управленія, единственными дѣятелями и отвѣтчиками являются цензора, а за ними непосредственно слѣдуетъ, какъ лицо отвѣтственное de facto, министръ народнаго просвѣщенія. Правда, между ними находятся еще мѣстные цензурные комитеты и главное управленіе цензуры; но первые состоятъ изъ тѣхъ же цензоровъ подъ предсѣдательствомъ попечителей учебныхъ округовъ, неимѣющихъ ни времени, ни возможности слѣдить за ихъ дѣйствіями. Еще менѣе можетъ исполнить это главное управленіе цензуры, состоящее подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія изъ лицъ, обремененныхъ другими государственными занятіями, для которыхъ цензура есть обязанность почти посторонняя. Дѣла въ этомъ управленіи производятся съ соблюденіемъ установленныхъ формъ. Между тѣмъ, литература идетъ быстрыми шагами; безпрерывно возникаютъ по цензурѣ вопросы, сомнѣнія, уклоненія и проч. Надобно кому-либо дѣйствовать, и такъ же быстро; а для собранія присутствія, для разсмотрѣнія дѣла, постановленія заключенія и приведенія его въ исполненіе — потребно много времени. Это положеніе обратило, по необходности, министра народнаго просвѣщенія въ личнаго исполнителя по цензурѣ. А какъ, при существенныхъ его занятіяхъ по министерству, ему невозможно со всею точностію лично исполнять безпрерывно умножающуюся обязанность по цензурѣ, то за нимъ остается одна только отвѣтственность. Между тѣмъ, распоряженія, исходящія не отъ присутственнаго мѣста, а отъ лица, какъ бы они добросовѣстны ни были, всегда сопровождаются недовѣріемъ. Можетъ быть, отъ этого и происходитъ, что тогда какъ нѣкоторые въ обществѣ обвиняютъ министра народнаго просвѣщенія въ послабленіи цензурѣ, журналисты вопіютъ противъ стѣсненій.

«По моему крайнему убѣжденію, одно только средство къ выходу изъ этого ненормальнаго положенія: подчинить цензуру такимъ образомъ организованному правленію, чтобы президентъ и члены его, не отвлекаясь многими посторонними занятіями, имѣли всю возможность слѣдить систематически за ходомъ литературы, направлять ее, сколько возможно, къ истинной цѣли просвѣщенія и государственной пользы, наблюдать постоянно за дѣйствіями цензоровъ, руководить ихъ, взыскивать съ нихъ по мѣрѣ вины и награждать по заслугамъ.

«Предсѣдателю и членамъ сего правленія необходимо пользоваться Высочайшимъ довѣріемъ Вашего Величества и вполнѣ сочувствовать истиннымъ успѣхамъ литературы. Это дастъ имъ возможность, съ одной стороны, ограждать литературу отъ излишнихъ притязаній, а съ другой — останавливать всякое вредное ея уклоненіе.

«Правленію сему должны быть непосредственно подчинены всѣ мѣстные цензурные комитеты и отдѣльные цензоры, какъ по внутренней, такъ и по иностранной цензурѣ. Въ немъ должны быть окончательно разрѣшаемы всѣ вопросы и дѣла, до цензуры относящіеся и возникающіе не только въ кругу самаго цензурнаго управленія, но и въ другихъ вѣдомствахъ, — съ тѣмъ, чтобы только въ случаѣ разногласія правленія съ министрами и главноуправляющими отдѣльными частями оно испрашивало Высочайшаго разрѣшенія Вашего Величества чрезъ своего предсѣдателя. Между членами правленія необходимо быть, по связи цензуры съ дѣлами министерствъ иностранныхъ дѣлъ, полиціи и народнаго просвѣщенія, представителямъ отъ сихъ управленій.

«Письмоводство въ правленіи должно быть облегчено, по возможности, отъ формальностей, несовмѣстныхъ съ дѣлами литературы. Для этого, между прочимъ, правленію можетъ быть предоставлено право требовать въ свое присутствіе не только цензоровъ, но и редакторовъ періодическихъ изданій и литераторовъ, для сообщенія имъ словесно своихъ мыслей и взглядовъ, для наставленій и замѣчаній. Опытъ показываетъ, что одно слово, кстати сказанное, одно замѣчаніе, во-время сдѣланное, приносятъ иногда болѣе пользы, чѣмъ несвоевременныя предписанія и циркуляры».

Всеподданнѣйшія записки негласнаго комитета по дѣламъ книгопечатанія и министра народнаго просвѣщенія разсмотрѣны были въ совѣтѣ министровъ, и за симъ послѣдовало, 12-го ноября 1859 года, Высочайшее повелѣніе: «1) Главное управленіе цензуры отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія и составить изъ онаго, подъ предсѣдательствомъ того лица, которое будетъ избрано Его Императорскимъ Величествомъ, особое оффиціальное государственное учрежденіе, для исключительнаго и непосредственнаго завѣдыванія цензурою въ Имперіи и Царствѣ Польскомъ. 2) Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія, въ нынѣшнемъ его составѣ, слить съ преобразуемымъ главнымъ упра-

вленіемъ цензуры. 3) Министру народнаго просвѣщенія взять обратно внесенный имъ въ государственный совѣтъ проектъ цензурнаго устава и передать оный тому лицу, которое будетъ назначено Государемъ Императоромъ для предсѣдательствованія въ главномъ управленіи цензуры, и на которое будетъ Его Величествомъ возложено составленіе подробныхъ соображеній объ устройствѣ главнаго управленія и о прочихъ предметахъ, до цензурнаго дѣла относящихся».

Вслѣдъ за симъ поручено было статсъ-секретарю барону *Корфу* составить подробное соображеніе о будущемъ устройствѣ отдѣльнаго главнаго управленія.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ барона *Корфа* по сему предмету предполагалось:

1) Вмѣсто существующаго нынѣ при министерствѣ народнаго просвѣщенія главнаго управленія цензуры, образовать, въ видѣ отдѣльнаго и самостоятельнаго государственнаго учрежденія, главное управленіе книгопечатанія, изъ предсѣдателей и членовъ, по личному назначенію Государя Императора.

2) Предсѣдателю главнаго управленія имѣть по этой части тѣ же права и обязанности, какія донынѣ принадлежали министру народнаго просвѣщенія, а по предметамъ, превышающимъ его власть, входить съ докладами непосредственно къ Его Величеству.

3) Всѣ цензурные комитеты и всѣхъ отдѣльныхъ цензоровъ, кромѣ только принадлежащихъ къ духовному вѣдомству, подчинить по цензурѣ, какъ внутренней, такъ и иностранной, исключительно главному управленію.

4) Затѣмъ участіе всѣхъ прочихъ вѣдомствъ въ цензурѣ произведеній книгопечатанія впредь прекратить.

Всѣ сіи предположенія не получили окончательнаго утвержденія и самая мысль объ образованіи отдѣльнаго государственнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія была оставлена, а вмѣсто того сдѣланы въ 1860 году нѣкоторыя измѣненія въ составѣ главнаго управленія цензуры, а именно: назначены три члена, которые, не отвлекаясь посторонними занятіями, имѣли бы возможность слѣдить за ходомъ и направленіемъ литературы, замѣчать всѣ уклоненія ея и о томъ вносить свои доклады въ общее присутствіе управленія. Доставляемые отъ сихъ членовъ матеріалы должны были разсматриваться и обсуживаться въ общемъ присутствіи главнаго управленія цензуры, которое, кромѣ ихъ и предсѣдателя, составлялось изъ нѣсколькихъ лицъ, назначаемыхъ по усмотрѣнію Его Императорскаго Величества и пользующихся Высочайшимъ довѣріемъ. Въ составѣ главнаго управленія назначенъ былъ и представитель отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, для спеціальнаго разсмотрѣнія статей, имѣющихъ предметомъ иностранную политику.

Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлены особые предсѣдатели въ С.-Петербургскій и

Московскій цензурные комитеты, вмѣсто предсѣдательствовавшихъ въ нихъ попечителей учебныхъ округовъ.

Съ преобразованіемъ главнаго управленія цензуры, упраздненъ былъ комитетъ по дѣламъ книгопечатанія 24 января 1859 года, обязанности котораго вошли въ кругъ дѣятельности этого управленія.

Но и на этомъ новомъ преобразованіи не остановилась законодательная дѣятельность правительства относительно цензурныхъ учрежденій.

Въ 1862 году, Высочайшимъ указомъ 10 марта, цензурное управленіе преобразовано на слѣдующемъ основаніи:

1) Главное управленіе цензуры упразднено.

2) Наблюденіе, чтобы въ книгахъ, брошюрахъ, періодическихъ изданіяхъ, гравюрахъ, эстампахъ и вообще произведеніяхъ печати не появлялось ничего противнаго цензурнымъ правиламъ, возложено на министерство внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы о случаяхъ замѣченныхъ упущеній министерство сіе сообщало для зависящаго распоряженія: а) относительно всякаго рода изданій изъятыхъ отъ общей цензуры, — тѣмъ управленіямъ и вѣдомствамъ, въ вѣдѣніи коихъ оныя состоятъ; б) относительно изданій, подлежащихъ общей цензурѣ, — министерству народнаго просвѣщенія, и в) относительно изданій, подлежащихъ духовной цензурѣ, — оберъ-прокурору святѣйшаго синода.

Прочія затѣмъ обязанности главнаго управленія цензуры возложены на министра народнаго просвѣщенія, причемъ предоставлены ему права сего учрежденія и подчинены ему непосредственно цензурные комитеты и отдѣльные цензоры вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Такимъ образомъ цензурное вѣдомство раздѣлилось на двѣ части: наблюдательная и преслѣдовательная власть предоставлена министерству внутреннихъ дѣлъ, а цензурно-предупредительная обязанность осталась въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

Вотъ краткій историческій обзоръ цензурныхъ учрежденій въ Россіи. Изъ него можно видѣть, съ какимъ усиліемъ въ послѣднія двадцать лѣтъ правительство наше стремилось изыскать лучшую форму для учрежденія, завѣдывающаго дѣлами печати. Неудавшіяся попытки различныхъ преобразованій могутъ, въ настоящее время, служить полезнымъ указаніемъ на тѣ существенные недостатки, которыхъ должно стараться избѣжать въ проектѣ новыхъ мѣръ, принимаемыхъ нынѣ правительствомъ.

Опытъ доказалъ, что отсутствіе *единства* и *самостоятельности* въ цензурныхъ учрежденіяхъ лишаетъ ихъ возможности послѣдовательно и разумно дѣйствовать для достиженія цѣли ихъ существованія; съ другой стороны, также опытъ убѣдительно свидѣтельствуетъ, что *совершенно отдѣльное* и самостоя-

тельное образованіе цензуры въ формѣ *особаго* государственнаго установленія неосуществимо. Между сими двумя крайностями есть, слѣдовательно, середина, которая должна послужить основаніемъ для будущихъ установленій, завѣдывающихъ дѣлами книгопечатанія.

Въ предлагаемомъ проектѣ сіи установленія, сохраняя единство и самостоятельность, связываются съ общимъ учрежденіемъ государственной полиціи, которой цензура должна, по самой сущности своей, быть неразрывною частію.

Для правильной оцѣнки достоинствъ предполагаемыхъ учрежденій, полезно вникнуть нѣсколько подробнѣе въ сущность началъ, положенныхъ въ ихъ основаніе.

Степень самостоятельности учрежденія условливаетъ силу, значеніе и единство дѣйствій въ извѣстномъ направленіи. Эта самостоятельность легко утрачивается, если она не ограждена отъ чуждыхъ вмѣшательствъ строгимъ очертаніемъ опредѣлительныхъ правъ и обязанностей. Въ дѣлѣ направленія и руководства умственными силами общества болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ дѣлѣ, важенъ нравственный авторитетъ, пріобрѣтаемый послѣдовательнымъ и самостоятельнымъ дѣйствіемъ въ одномъ, заранѣе обдуманномъ смыслѣ. Только при этомъ условіи высшее учрежденіе, завѣдывающее дѣлами книгопечатанія, можетъ быть до нѣкоторой степени регуляторомъ умственныхъ силъ общества.

Но какъ ни высоко это призваніе, оно не должно непосредственно лежать на верховной власти Государя Императора, котораго каждое проявленіе воли есть законъ, обязательный, неотвратимый и неподлежащій критической оцѣнкѣ общества. Вотъ почему въ общей системѣ цензурныхъ учрежденій министръ внутреннихъ дѣлъ составляетъ высшую инстанцію по всѣмъ административнымъ вопросамъ, возникающимъ по дѣламъ книгопечатанія.

Непосредственное участіе Верховной власти въ сихъ вопросахъ представляло бы много неудобствъ, которыя замѣчены уже были при учрежденіи комитета по дѣламъ книгопечатанія въ 1859 году. Первоначально предполагалось, вмѣсто сего комитета, образовать особое V отдѣленіе Собственной канцеляріи Государя Императора; но мысль эта скоро была устранена весьма справедливымъ замѣчаніемъ, «что наименовать новое учрежденіе V отдѣленіемъ значило бы объявить, что непосредственно отъ Государя Императора исходить будетъ направленіе литературы, а подобное предположеніе желательно бы отклонить, дабы мѣры, неблагопріятно принимаемыя публикою, не относились къ Особѣ Монарха».

Это справедливое замѣчаніе въ большей степени относится ко всѣмъ частнымъ случаямъ полицейскихъ и административныхъ мѣръ, которыя, по заведенному у насъ доселѣ порядку, нерѣдко принимаются отъ Высочайшаго Имени. Мѣры эти, непосредственно исходя отъ Высочайшей власти, возводятся

тѣмъ самымъ на степень закона, тогда какъ частное распоряженіе министра ближе бы соотвѣтствовало настоящему значенію случая, по поводу котораго оно принимается. Нѣтъ, быть можетъ, отрасли законодательства столь богатой отдѣльными Высочайшими повелѣніями, какъ цензурная, и нигдѣ безнаказанность ежедневныхъ нарушеній сихъ повелѣній такъ не очевидна, какъ тутъ. Достоинство и неприкосновенность Верховной власти требуютъ измѣненія такого порядка.

Но, кромѣ невыгодъ непосредственнаго участія Верховной власти въ полицейскихъ и административныхъ мѣрахъ цензуры, есть еще важныя неудобства въ существующемъ у насъ обыкновеніи именемъ Государя Императора налагать взысканія за цензурныя нарушенія. Не говоря уже о томъ, что подобныя взысканія, исходя отъ Верховной власти, получаютъ слишкомъ большое значеніе, они всегда принимаются за выраженіе личной оцѣнки Государемъ Императоромъ достоинствъ или недостатковъ извѣстнаго ученія, мнѣнія или направленія.

Такое оффиціальное заявленіе измѣняетъ значеніе частныхъ литературныхъ преній, лишаетъ полезное ученіе характера независимости для опроверженія противнаго мнѣнія путемъ нравственнаго убѣжденія.

Кромѣ того, при совершенной невозможности утруждать вниманіе Государя Императора постояннымъ наблюденіемъ за разнообразнымъ видоизмѣненіемъ мнѣній и направленій литературы, Высочайшая цензура всегда представляется дѣйствіемъ случайнымъ, а между тѣмъ она уменьшаетъ авторитетъ постоянныхъ цензурныхъ органовъ и даетъ поводъ косвенными путями уклоняться отъ ихъ законныхъ требованій *). По самому свойству своему, цензура находится въ соприкосновеніи не только со всѣми вѣдомствами, но даже и съ отдѣльными лицами, внѣ своего оффиціальнаго положенія сочувствующими тому или другому направленію литературы; отсюда происходитъ та, можно сказать, невоздержная ревность всѣхъ вѣдомствъ и даже отдѣльныхъ лицъ присвоивать себѣ цензурныя обязанности, и, минуя всѣ правильно устроенныя инстанціи, обращаться прямо къ Верховной власти. Послѣдствія такого порядка вещей вполнѣ были сознаны комитетомъ по дѣламъ книгопечатанія, учрежденнымъ въ 1859 году. Комитету этому дана была высшая, и, можно сказать, верховная власть надъ дѣлами книгопечатанія и онъ, во всеподданнѣйшей запискѣ своей, между прочимъ, выразилъ сознаніе собственной своей несостоятельности

*) Нѣтъ ни одного государства, въ которомъ бы распоряженія по цензурѣ объявлялись отъ имени Верховной власти. Во Франціи, гдѣ министры отвѣтственны только предъ императоромъ, министръ внутреннихъ дѣлъ дѣйствуетъ собственною властію, и только въ случаѣ совершеннаго прекращенія періодическаго органа это распоряженіе объявляется декретомъ. Во время существованія цензуры во Франціи, Германіи и другихъ государствахъ, никогда запрещенія статей или взысканія за онныя не дѣлались отъ имени монарха.

слѣдующими замѣчательными словами: «Поставленный неоффиціальнымъ своимъ положеніемъ внѣ общей системы правительственныхъ учрежденій, и, въ то же время, обязанный участвовать въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ общественныхъ, именно вопросовъ умственныхъ и нравственныхъ, онъ долженъ былъ затрогивать самыя щекотливыя стороны администраціи, общественнаго мнѣнія и печати, *что дало ему видъ какого-то чрезвычайнаго, контролирующаго и, по его уединенности, видъ устрашающаго установленія*, не смотря на употребленные имъ всевозможные способы къ отстраненію всякихъ поводовъ къ подобному взгляду. Цензоры, подчиненные другому начальству и, естественно, съ нимъ однимъ исключительно поставленные во всѣ обычныя служебныя отношенія, теперь, въ кругу своихъ дѣйствій, увидѣли новую власть, коей указанія не могли не считать для себя вполнѣ обязательными,—что̀ къ затрудненіямъ, и безъ того обременяющимъ отправленіе ихъ должности, прибавило новыя, обыкновенно являющіяся тамъ, гдѣ однимъ дѣломъ распоряжаются двѣ власти. Литераторы, кромѣ вліянія обыкновенной цензуры, опасаясь стѣснительнаго для себя стороняго вмѣшательства, уклонялись отъ всякаго съ комитетомъ сношенія. Комитетъ ощутилъ невыгодныя послѣдствія возбудившихся такимъ образомъ недоразумѣній и сталъ въ какое-то странное положеніе въ средѣ, гдѣ ему надлежало дѣйствовать. Почти *всеобщее нерасположеніе* быстро устремилось на встрѣчу первыхъ шаговъ его, а какъ моральное вліяніе въ дѣлахъ прессы составляетъ одно изъ первыхъ условій успѣха, то, при этихъ непреодолимыхъ препятствіяхъ къ пріобрѣтенію такого вліянія, дальнѣйшая дѣятельность комитета сдѣлалась *не только затруднительною, но прямо-невозможною*».

Откровенно отозвался комитетъ на довѣріе, сдѣланное Монархомъ, изъяснивъ коренные недостатки всякаго учрежденія, призваннаго участвовать въ цензурномъ дѣлѣ *внѣ* общей системы правительственныхъ учрежденій.

Руководствуясь симъ указаніемъ опыта и предшествовавшими соображеніями, Коммиссія пришла къ убѣжденію, что въ главѣ всего управленія дѣлами книгопечатанія должно быть поставлено оффиціальное правительственное лице, самостоятельно несущее предъ Государемъ и обществомъ отвѣтственность за дѣйствія свои по сему управленію.

Вопросъ о томъ, кто долженъ быть это лице? разрѣшается прямымъ указаніемъ мѣста, занимаемаго цензурою въ системѣ законодательства, а также опытомъ существующихъ у насъ нынѣ цензурныхъ установленій.

Цензурныя постановленія, по самой цѣли ихъ, входятъ въ составъ общихъ охранительныхъ полицейскихъ законовъ,—слѣдовательно цензурное вѣдомство есть часть общей государственной полиціи, сосредоточенной подъ вѣдѣніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Изъ краткаго историческаго очерка цензурныхъ учрежденій Россіи видно, что подчиненіе цензурнаго вѣдомства министр-

народнаго просвѣщенія было скорѣе дѣломъ случайнымъ, чѣмъ основаннымъ на какихъ-либо особенныхъ соображеніяхъ. Въ послѣднее время попытка раздѣлить цензуру на предупредительную и карательную, оставивъ первую въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и подчинивъ вторую министерству внутреннихъ дѣлъ, оказалась совершенно несостоятельною. Она въ извѣстной степени могла быть полезною, какъ временная мѣра, впредь до окончательнаго разрѣшенія возбужденныхъ вопросовъ о будущей организаціи цензуры, и теперь Коммиссія можетъ ограничиться указаніемъ на самый опытъ, чтобы убѣдить въ невозможности сохранить, на будущее время, эту двойственность завѣдыванія дѣломъ, требующимъ единства и строгой послѣдовательности.

Но, если сосредоточить вѣдѣніе всѣхъ дѣлъ печати въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, то самое управленіе этой частію должно непремѣнно быть отдѣлено отъ другихъ частей, входящихъ въ составъ сего министерства. Это необходимо не только потому, что вредно было бы обременить департаментъ полиціи исполнительной, которому, по свойству своему, цензурныя дѣла могутъ принадлежать, массою новыхъ обязанностей; но, главное, потому, что составъ управленія дѣлами книгопечатанія, по разнохарактерности подлежащихъ вѣдѣнію его дѣлъ, долженъ быть отличный отъ общаго состава министерскихъ департаментовъ, и отношенія министра къ сему управленію должны быть не тѣ, какія существуютъ между министромъ и департаментами министерства.

Какъ выше замѣчено было, Коммиссія поставила цѣлью дать учрежденію, завѣдывающему дѣлами книгопечатанія, *самостоятельность*, не отдѣляя его совершенно отъ существующихъ государственныхъ учрежденій. Эта цѣль, по мнѣнію Коммиссіи, совершенно достигается образованіемъ, на нижеизложенныхъ основаніяхъ, *Главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ*.

Такъ какъ, на основаніи настоящаго проекта устава, многія произведенія словесности, наукъ и искусствъ освобождаются вовсе отъ предварительной цензуры, то управленіе по дѣламъ книгопечатанія, кромѣ собственно цензуры, должно также вѣдать дѣла по судебному преслѣдованію. Эта послѣдняя обязанность, рѣзко отличаясь отъ обязанностей административныхъ и цензурныхъ, условливаетъ самую форму управленія.

По симъ дѣламъ оно должно быть коллегіальное по слѣдующимъ причинамъ:

1) Постоянный надзоръ за всѣми печатаемыми безъ цензуры произведеніями требуетъ внимательнаго чтенія разнородныхъ книгъ, брошюръ и другихъ изданій. Этимъ дѣломъ могутъ заниматься только лица, исключительно для сего назначенныя, и притомъ они должны быть связаны однимъ общимъ интересомъ и послѣдовательно дѣйствовать въ одномъ общемъ направленіи, а этого невозможно достигнуть иначе, какъ устройствомъ совѣщательнаго собранія, въ ко-

томъ, при обмѣнѣ мыслей, устанавливается единообразіе въ пониманіи главнѣйшихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ примѣненіемъ законовъ о печати.

2) Прежде чѣмъ начать судебный искъ, правительственная власть должна основательно и всесторонне обсудить всѣ возможныя послѣдствія подобнаго иска: этого требуетъ не только польза дѣла, но и достоинство самаго правительства. Хотя министръ, какъ высшая полицейская власть, долженъ имѣть право собственною властію предавать замѣченное имъ нарушеніе закона преслѣдованію судебной власти; но дабы онъ могъ, при всѣхъ своихъ многотрудныхъ занятіяхъ, безошибочно пользоваться этимъ правомъ, ему весьма полезно выслушать предварительно обстоятельныя мнѣнія совѣщательнаго собранія, основательно изучившаго вопросъ о томъ, *есть ли поводъ къ начатію судебнаго преслѣдованія*. Вопросъ этотъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ всегда будетъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ. Не нужно терять изъ вида, что преслѣдованіе это касается не фактическихъ какихъ-либо нарушеній, а мнѣній и убѣжденій, подверженныхъ всѣмъ измѣнчивымъ случайностямъ политическихъ обстоятельствъ. Чтобы рѣшиться начать судебное преслѣдованіе, не довольно оцѣнить одну только степень примѣняемости закона къ совершенному нарушенію; тутъ нужно принять въ соображеніе другія, болѣе общія обстоятельства, какъ-то: состояніе умовъ, нравовъ, вѣрованій, предразсудковъ и пр. Сколько при нормальномъ и спокойномъ состояніи общества преслѣдовательная власть должна быть умѣренна въ средствахъ репрессивныхъ, столько же должна она быть дѣятельна и предусмотрительна во времена смутныя, при разгарѣ страстей. Въ первомъ случаѣ, она должна умѣть воздерживать неблагоразумныя требованія крайнихъ консерваторовъ, во второмъ — имѣть достаточно мужества, чтобы открыто пренебрегать упреками враждующихъ партій. Коллегіальное учрежденіе, не нарушая законныхъ правъ министра, всегда будетъ имѣть возможность представить ему обо всѣхъ неудобствахъ и даже опасностяхъ преслѣдованія, въ случаяхъ, не заслуживающихъ особаго вниманія, но оно также не захочетъ искать пустой и ненадежной популярности, потворствуя распространенію вредныхъ ученій во времена смутныя и опасныя для спокойствія общественнаго. Однимъ словомъ, коллегіальное учрежденіе, предлагаемое проектомъ, не связывая и не ограничивая власти министра, является необходимымъ ему содѣйствующимъ органомъ. Въ сихъ видахъ, при главномъ управленіи дѣлами книгопечатанія проектомъ настоящаго устава учреждается *Совѣтъ*, составленный изъ лицъ, спеціально назначенныхъ для надзора за выходящими безъ цензуры книгами и другими изданіями. Всѣ вопросы о поводахъ къ начатію судебнаго преслѣдованія разсматриваются въ семъ Совѣтѣ и представляются на окончательное утвержденіе министра, отъ лица котораго самое преслѣдованіе передается судебнымъ органамъ.

Кто должны быть эти ὀрганы? о томъ подробно излагается ниже, въ раздѣлѣ о судопроизводствѣ; но здѣсь, для общей связи, нужно вкратцѣ объяснить этотъ вопросъ.

Коммиссіи поставила себѣ за долгъ какъ можно менѣе предлагать измѣненій, въ особенности въ дѣйствующихъ нынѣ судебныхъ учрежденіяхъ: во-1-хъ, потому, что общая реформа ихъ должна послѣдовать въ непродолжительномъ времени, и во-2-хъ, потому, что всякое новое судебное установленіе, не связанное съ общими существующими учрежденіями, никогда не можетъ дѣйствовать успѣшно и всегда нарушаетъ какое-либо изъ основныхъ началъ правильнаго суда.

Но между тѣмъ обвинительный процесъ, составляющій первое условіе возможности судебнаго преслѣдованія преступленій печати, требуетъ такого судебнаго ὀргана, котораго въ *дѣйствительности*, въ настоящее время, при нашемъ слѣдственномъ процесѣ, не существуетъ. Мы говоримъ не существуетъ въ *дѣйствительности*, потому что по закону онъ, въ извѣстной степени, есть, а именно — прокуроръ, на основаніи Св. Зак. (изд. 1857 г.) т. II, ст. 2474, есть не только оффиціальный преслѣдователь открытыхъ злоупотребленій, но онъ есть *вчинатель дѣлъ безгласныхъ*. Форма нашего уголовнаго процеса оставила, такъ сказать, въ тѣни эту сторону прокурорской дѣятельности, но она съ пользою можетъ нынѣ найти примѣненіе, при предстоящей потребности имѣть для дѣлъ печати законнаго и оффиціальнаго обвинителя передъ судомъ.

Итакъ, губернскій прокуроръ могъ бы быть тѣмъ судебнымъ ὀрганомъ, къ которому главное управленіе по дѣламъ книгопечатанія должно будетъ обращаться съ *извѣщеніемъ* объ обнаруженномъ нарушеніи и *съ приглашеніемъ* начать противъ виновныхъ судебное преслѣдованіе. Но на практикѣ непосредственное участіе губернскаго прокурора, обремененнаго многоразличными дѣлами, можетъ встрѣтить затрудненіе, ибо исполненіе всѣхъ обрядностей преслѣдованія будетъ требовать и времени и спеціальныхъ познаній. Для избѣжанія сего неудобства, Коммиссія признала полезнымъ возложить обязанность преслѣдованія на одного изъ губернскихъ стряпчихъ, по избранію прокурора. Лица сіи, не имѣя никакихъ особенно сложныхъ и многотрудныхъ обязанностей, могутъ вполнѣ замѣнить обязанность прокурора, тѣмъ болѣе, что, на основаніи ст. 2476 того же т. Св. Зак., надзору губернскихъ стряпчихъ въ особенности принадлежатъ дѣла уголовныя, по коимъ нѣтъ истца, а по силѣ ст. 2507 губернскіе стряпчіе уже и нынѣ употребляются въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ слѣдователи. По симъ соображеніямъ, ближайшимъ ὀрганомъ, къ которому главное управленіе будетъ обращаться съ извѣщеніемъ и съ приглашеніемъ начать преслѣдованіе, есть губернскій прокуроръ, который уже отъ себя назначаетъ для сего одного изъ губернскихъ стряпчихъ.

Правила о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ губернскаго стряпчаго и прокурора, до поступленія дѣла въ судъ и потомъ въ самомъ судѣ, подробно излагаются ниже въ раздѣлѣ о судопроизводствѣ.

Кромѣ дѣлъ судебнаго преслѣдованія, въ совѣтѣ главнаго управленія съ пользою могутъ быть разсматриваемы всѣ случаи, подлежащіе административнымъ взысканіямъ, налагаемымъ на періодическія изданія, освобожденныя отъ цензуры. Случаи эти также требуютъ внимательнаго соображенія, и совѣщательный голосъ Совѣта, безъ сомнѣнія, будетъ ограждать министра отъ случайныхъ ошибокъ, возможныхъ въ столь трудномъ и щекотливомъ дѣлѣ.

Но, кромѣ всѣхъ сихъ удобствъ образованія коллегіально-совѣщательнаго учрежденія при главномъ управленіи по дѣламъ книгопечатанія, есть еще одно соображеніе, которое говоритъ въ пользу сего установленія, а именно: оно не подвержено случайностямъ быстрыхъ перемѣнъ во взглядахъ и направленіи. Всякій новый министръ внутреннихъ дѣлъ будетъ находить въ немъ живое преданіе и богатый запасъ разнородныхъ свѣдѣній о видоизмѣненіяхъ партій и направленій нашей литературы и въ особенности журналистики.

До сихъ поръ весьма немногія изъ правительственныхъ лицъ слѣдили пристально за развитіемъ нашей отечественной литературы. Вниманіемъ въ высшихъ сферахъ нашего общества пользовалась почти исключительно литература иностранная, и въ то время, когда журналистика наша, быстро развиваясь, вырабатывала свои воззрѣнія, послужившія основаніемъ разнымъ литературнымъ мнѣніямъ, высшая сфера нашего образованнаго общества совершенно безучастно относилась къ этому начинающемуся пробужденію мысли и ея проявленію. Только въ рѣдкихъ случаяхъ общее вниманіе поражалось явленіемъ какой-либо слишкомъ смѣлой статьи. Тогда внезапно разражалось надъ частнымъ фактомъ строгое взысканіе, иногда по поводу его предписывалась общая мѣра, но почти всегда она являлась столь же несправедливою, какъ и мало дѣйствительною, потому что не основывалась на точномъ пониманіи существующихъ отношеній частнаго случая къ общему направленію различныхъ литературныхъ партій. Почти произвольно окрещивались эти партіи въ иностранныя наименованія; правительство относилось къ нимъ ко всѣмъ почти одинаково подозрительно, какъ бы считая недостойнымъ входить въ подробный разборъ ихъ относительной пользы или вреда*). Немногочисленная сначала, но съ каждымъ го-

*) Въ 1831 году, по поводу недоразумѣній, возникшихъ при примѣненіи Цензурнаго Устава 1828 г., коммиссія, составленная изъ ген.-адъют. *Васильчикова*, графа *Нессельрода*, ген.-адъют. *Бенкендорфа* и тайн. сов. *Дашкова*, между прочимъ, во всеподданнѣйшей запискѣ изъяснила: «что, *вникая* въ причины нѣкоторыхъ недоразумѣній и противорѣчій въ исполненіи Устава, мы не можемъ не отнести ихъ отчасти къ недостатку въ главномъ управленіи цензуры свѣдѣній о настоящемъ расположеніи умовъ и о соотношеніяхъ между обстоятельствами времени и стремленіемъ людей неблагонамѣренныхъ. Для отвращенія сего

домъ увеличивающаяся читающая публика, усиливала своими сочувствіями ту или другую партію, и вотъ почти незамѣтно образовалась новая сила, развитіе которой до сихъ поръ правительство тщетно думало удержать строгими предупредительными мѣрами.

Многіе полагаютъ, что послабленіе цензуры и снисходительность въ мѣрахъ взысканія дали, въ послѣднее время, особенную силу нашей прессѣ; но это не совсѣмъ справедливо: ея значеніе развивалось постепенно, несмотря на искусственныя преграды. Дѣло въ томъ, что правительство какъ бы не замѣчало стройнаго хода этого развитія и не принимало въ немъ никакого участія: вотъ, почему поразившее его явленіе кажется внезапнымъ и ничѣмъ не приготовленнымъ.

Безпристрастіе есть, конечно, весьма похвальное качество, и оно въ особенности должно отличать всѣ мѣры правительственныя; но это качество не нужно смѣшивать съ неблагоразумнымъ стремленіемъ безъ разбора стѣснять всякое проявленіе мысли, даже полезной самому правительству. А между тѣмъ исторія цензуры въ Россіи показываетъ, что правительство нерѣдко, совершенно по незнанію, принимало такія мѣры, которыя положительно вредили успѣху полезныхъ ученій, пытавшихся разоблачить неправду мнѣній противныхъ. Только этимъ можно объяснить тотъ печальный фактъ, что правительство наше, при всемъ сочувствіи, котораго оно не могло не возбудить къ себѣ въ отдѣльныхъ литературныхъ дѣятеляхъ, не можетъ еще ослабить силу того недовѣрія, съ какимъ привыкла относиться къ нему даже и умѣренная часть прессы.

Выше замѣчено было, что Совѣтъ по дѣламъ книгопечатанія, какъ мѣсто коллегіальное, не подвержено быстрымъ и случайнымъ измѣненіямъ во взглядахъ своихъ и направленіяхъ; въ немъ сохраняться будутъ преданія, въ которыхъ министръ внутреннихъ дѣлъ будетъ всегда находить охрану отъ ошибочныхъ воззрѣній на силу и значеніе различныхъ литературныхъ партій, и тѣмъ предупредится та шаткость въ мѣропріятіяхъ и та неопредѣлительность въ направленіи, которыя до сихъ поръ вредили правильнымъ отношеніямъ литературы къ правительству.

Итакъ, въ общемъ очертаніи, учрежденія, завѣдывающія дѣлами печати, по проекту Коммиссіи, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

1) Главное управленіе по дѣламъ книгопечатанія, состоящее при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

2) Начальникъ главнаго управленія, завѣдывающій всѣми дѣлами онаго.

3) Совѣтъ, состоящій при главномъ управленіи.

неудобства, мы единогласно полагаемъ, что въ главное правленіе цензуры надлежало бы опредѣлить, сверхъ членовъ отъ министерствъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, еще члена со стороны шефа жандармовъ».

§ 11. Высшій надзоръ и общее завѣдываніе дѣлами книгопечатанія и цензуры сосредоточивается при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ главномъ управленіи по дѣламъ книгопечатанія.

§ 12. На сіе управленіе исключительно возлагается обязанность обнаруживать всѣ нарушенія правилъ и законовъ, настоящимъ Уставомъ опредѣленныхъ, и предавать ихъ судебному преслѣдованію; а потому всѣ прочія вѣдомства по замѣченнымъ ими нарушеніямъ закона о печати обращаются къ министру внутреннихъ дѣлъ для преслѣдованія виновнаго (§ 21, п. 4).

4) Для надзора на мѣстахъ за типографіями и книжной торговлей: въ столицахъ — особые инспекторы, подчиненные военнымъ генералъ-губернаторамъ, а въ губернскихъ городахъ — чиновники по особымъ порученіямъ при губернаторахъ.

5) Существующіе нынѣ цензурные комитеты и цензоры, которыя поступаютъ въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ и причисляются къ управленію дѣлами книгопечатанія.

Всѣ административныя дѣла, какъ-то: a) по надзору за типографіями, литографіями и книжной торговлей; b) по разрѣшенію повременныхъ изданій и по надзору за соблюденіемъ всѣхъ полицейскихъ постановленій, опредѣляемыхъ настоящимъ Уставомъ; c) по освобожденію повременныхъ изданій отъ цензуры; d) по разрѣшенію вопросовъ и недоумѣній цензурныхъ комитетовъ, и e) общія административныя дѣла по всему управленію, разрѣшаются, по докладу начальника управленія, министромъ внутреннихъ дѣлъ безъ всякаго участія Совѣта.

Дѣла объ административныхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ на повременныя изданія, освобожденныя отъ предварительной цензуры, а также всѣ дѣла о судебномъ преслѣдованіи, рѣшаются министромъ внутреннихъ дѣлъ по выслушаніи мнѣнія Совѣта.

Ниже сего, въ объясненіи къ каждой отдѣльной статьѣ проекта, изложены подробныя соображенія Коммиссіи, послужившія основаніемъ сему предначертанію.

Къ §§ 11 и 12. Во внесенномъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта соображеніи государственной канцеляріи, объ основныхъ началахъ особенныхъ родовъ судопроизводства уголовнаго, по проекту, составленному II-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, предполагается судопроизводство по преступленіямъ противъ законовъ о печати отнести къ разряду *особенныхъ* родовъ судопроизводства и подчинить тѣмъ же правиламъ, какія установляются для судопроизводства по преступленіямъ государственнымъ. По общимъ началамъ уголовнаго судопроизводства, преданіе суду, т. е. обвиненіе и постановленіе судебнаго приговора, не слѣдуетъ предоставлять однимъ и тѣмъ же судьямъ, дабы судьи, постановляющіе приговоръ, не стѣснялись своимъ прежнимъ сужденіемъ по дѣлу, а подсудимые не видѣли въ своихъ судьяхъ преждевременныхъ своихъ обвинителей. Для удержанія этого правила и по особымъ родамъ судопроизводства, государственная канцелярія полагала бы постановить, что обвинительный актъ по преступленіямъ государственнымъ и печати составляется прокуроромъ областной палаты и вносится на разсмотрѣніе гражданскаго департамента. Если областная палата (по гражданскому департаменту) признаетъ дѣло подлежащимъ прекращенію, то представляетъ о томъ на усмотрѣніе кассаціоннаго сената, который и постановляетъ

§ 13. Цензура возлагается на цензурные комитеты и особыхъ цензоровъ и раздѣляется на внутреннюю и иностранную.

Примѣчаніе. Духовная цензура состоитъ подъ вѣдѣніемъ святѣйшаго синода.

§ 14. Надзоръ за типографіями, литографіями и книжной торговлей производится: въ столицахъ — чрезъ особыхъ инспекторовъ, при военныхъ генералъ-губернаторахъ состоящихъ, а въ губерніяхъ — черезъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ при губернаторахъ. Тѣ и другіе дѣй-

по сему предмету окончательное заключеніе. Если, напротивъ того, областная палата (по гражданскому департаменту) найдетъ достаточныя основанія къ преданію обвиняемаго суду, то утверждаетъ обвинительный актъ вполнѣ или съ надлежащими измѣненіями.

Изъ сего видно, что находящимся на разсмотрѣніи государственнаго совѣта проектомъ, какъ общаго, такъ и особеннаго порядка уголовнаго судопроизводства установляется особая обвинительная инстанція, независимая отъ суда, и когда послѣдуетъ на сихъ основаніяхъ общее судебное преобразованіе въ Россіи, то дѣла по преступленіямъ печати примутъ движеніе, согласное новому порядку. Но до того времени едва ли полезно создавать какую-либо временную обвинительную инстанцію для предварительнаго разсмотрѣнія вопроса о томъ, есть ли достаточный поводъ къ преданію суду виновныхъ въ обнаруженномъ главнымъ управленіемъ нарушеніи законовъ о печати. Подобная инстанція, не связанная съ другими судебными учрежденіями, не имѣла бы правильнаго значенія и крайне замедляла бы ходъ судебнаго преслѣдованія. Поэтому Коммиссія, въ проектѣ судопроизводства, предоставила прокурору и стряпчимъ непосредственно начинать искъ и обвиненіе въ уголовной палатѣ, призванной рѣшать дѣло въ существѣ.

Во Франціи съ 1835 года также предоставлено прокурорамъ право *прямо* призывать обвиняемыхъ по дѣламъ прессы въ судъ (citation directe), минуя обвинительныя инстанціи — chambre du conseil и chambre de mise en accusation. Коммиссія признала возможнымъ принять систему *прямаго призыва* (citation directe), тѣмъ болѣе, что учреждаемый при главномъ управленіи совѣтъ, хотя не имѣетъ значенія обвинительной инстанціи, но совѣщательнымъ голосомъ своимъ, участвуя въ рѣшеніи министра по вопросу о начатіи преслѣдованія, представляетъ нѣкоторую гарантію, что безъ достаточныхъ поводовъ къ обвиненію дѣло не будетъ предано судебному преслѣдованію.

Къ § 14. Надзоръ за типографіями и литографіями имѣетъ двѣ цѣли: во-1-хъ, предупрежденіе открытія тайныхъ типографій и литографій, а во-2-хъ, постоянное и своевременное извѣщеніе о приготовляемыхъ къ изданію въ свѣтъ произведеніяхъ печати или литографіи.

Предположенныя для достиженія сихъ цѣлей правила подробно излагаются ниже сего, въ раздѣлѣ II; что же касается до установляемыхъ органовъ наблюденія, то такъ какъ они обязаны дѣйствовать на мѣстахъ съ правами полицейской наблюдающей власти, то и должны быть непосредственно подчинены мѣстной административной власти. Временными правилами о надзорѣ за типографіями и литографіями, Высочайше утвержденными 14 мая 1862 г., установлены уже въ столицахъ особые чиновники при управленіяхъ оберъ-полиціймей-

ствуютъ на основаніи инструкцій, издаваемыхъ главнымъ управленіемъ дѣлами книгопечатанія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О ГЛАВНОМЪ УПРАВЛЕНІИ ПО ДѢЛАМЪ КНИГОПЕЧАТАНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О СОСТАВѢ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ.

§ 15. Главное управленіе по дѣламъ книгопечатанія находится въ С. Петербургѣ, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

§ 16. Главное управленіе составляютъ: 1) начальникъ главнаго управленія, завѣдывающій дѣлами онаго; 2) совѣтъ главнаго управленія, и 3) цензурные комитеты.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О ПРЕДМЕТАХЪ ВѢДОМСТВА ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ДѢЛАМИ КНИГОПЕЧАТАНІЯ.

§ 17. Дѣла главнаго управленія раздѣляются на: *a*) административныя и *b*) цензурныя.

§ 18. Дѣла административныя рѣшаются начальникомъ управленія, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ.

§ 19. Дѣла цензурныя рѣшаются министромъ внутреннихъ дѣлъ, по предварительному заключенію совѣта главнаго управленія.

§ 20. Къ дѣламъ *административнымъ* относятся:

1) Разрѣшеніе открытія типографій, литографій, металлографій и словолитень и надзоръ за сими заведеніями.

стеровъ для постояннаго надзора за типографіями, а въ губерніяхъ обязанность эта возложена на чиновниковъ особыхъ порученій при губернаторахъ. Коммиссія полагала бы наблюдающихъ чиновниковъ въ столицахъ переименовать въ инспекторовъ, подчинивъ ихъ военнымъ генералъ-губернаторамъ: ибо, по многосложности занятій сихъ лицъ въ столицахъ, положеніе ихъ должно быть до нѣкоторой степени самостоятельно и повышено.

Въ 1-мъ отдѣленіи сей главы исчисляются всѣ лица и мѣста, входящія въ составъ главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія.

Выше сего замѣчено было, что наименованіе новаго учрежденія *главнымъ управленіемъ по дѣламъ книгопечатанія* ближе соотвѣтствуетъ цѣли сего учрежденія, чѣмъ названіе департамента. Оно выражаетъ ту самостоятельность, которую въ дѣйствительности это учрежденіе должно имѣть.

2) Надзоръ за книжною торговлю.

3) Разрѣшеніе изданія газетъ, журналовъ, сборниковъ и другихъ повременныхъ изданій и опредѣленіе размѣра залога.

4) Освобожденіе журналовъ и газетъ, по просьбамъ ихъ издателей, отъ предварительной цензуры.

5) Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ судебныхъ опредѣленій по дѣламъ печати.

6) Составленіе проектовъ законодательныхъ мѣръ, для объясненія и дополненія дѣйствующихъ постановленій о печати.

7) Начертаніе правилъ и инструкцій для руководства инспекторамъ и чиновникамъ, коимъ ввѣренъ надзоръ за типографіями, литографіями и книжной торговлей.

8) Начертаніе инструкцій, для руководства цензурнымъ комитетамъ и цензорамъ.

9) Опредѣленіе и увольненіе лицъ, назначеніе которыхъ зависитъ отъ главнаго управленія.

§ 21. Къ дѣламъ *цензурнымъ* относятся:

1) Разрѣшеніе недоразумѣній, и вопросовъ представляемыхъ цензурными комитетами.

2) Разсмотрѣніе жалобъ сочинителей и издателей на дѣйствія комитетовъ и цензоровъ.

3) Наблюденіе за всѣми произведеніями, выходящими въ свѣтъ безъ предварительной цензуры.

4) Разсмотрѣніе всѣхъ, поступающихъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, начальника главнаго управленія, членовъ совѣта и посторонихъ вѣдомствъ, замѣчаній на произведенія, печатанныя безъ цензуры.

5) Разсмотрѣніе жалобъ на неправильныя опредѣленія полицейскими мѣстами штрафовъ и взысканій за парушеніе полицейскихъ постановленій о печати.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

О НАЧАЛЬНИКѢ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ПО ДѢЛАМЪ КНИГОПЕЧАТАНІЯ.

§ 22. Начальникъ главнаго управленія назначается Высочайшею властію, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ.

§ 23. Начальникъ главнаго управленія завѣдываетъ всѣми дѣлами управленія и предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ.

§ 24. При начальникѣ главнаго управленія состоитъ канцелярія, управляемая дѣлопроизводителемъ, который, вмѣстѣ съ симъ, есть докладчикъ совѣта.

§ 25. На непосредственную обязанность начальника управленія возлагается:

1) Имѣть во всякое время точныя свѣдѣнія объ всѣхъ существующихъ въ Имперіи типографіяхъ, литографіяхъ и словолитняхъ; 2) наблюдать по свѣдѣніямъ, получаемымъ отъ мѣстныхъ губернскихъ начальствъ, за всѣми произведеніями, приготовляемыми къ выходу въ свѣтъ; 3) входить по дѣламъ цензурнымъ непосредственно въ сношеніе съ предсѣдателями цензурныхъ комитетовъ и съ цензорами, передавая имъ словесно и письменно замѣчанія министра и свои собственныя; 4) распредѣлять для просмотра между членами совѣта и чиновниками, при управленіи состоящими, сочиненія, напечатанныя или литографированныя безъ цензуры; 5) предсѣдательствуя въ совѣтѣ управленія, наблюдать за правильнымъ ходомъ преній по воз-

Къ § 22. Начальникъ главнаго управленія долженъ быть непосредственно подчиненъ министру внутреннихъ дѣлъ и есть главный дѣятель во всемъ управленіи. Выборъ этого лица долженъ непремѣнно быть предоставленъ министру, ибо между нимъ и министромъ должна существовать полная солидарность и единство во взглядахъ и направленіи. Въ дѣлѣ, столь трудномъ, какъ наблюденіе за умственными, такъ сказать, силами общества, всякое разномысліе порождаетъ шаткость, неопредѣлительность дѣйствія, и, легко обнаруживаясь, лишаетъ управленіе всякаго авторитета. Исключительно занятый однимъ дѣломъ начальникъ управленія всегда будетъ имѣть большое вліяніе на дѣла книгопечатанія, потому онъ долженъ пользоваться довѣріемъ министра, иначе дѣятельность его будетъ безплодна.

Къ § *24.* Коммиссія не сочла нужнымъ опредѣлять составъ канцеляріи управленія; въ ней полагается только одинъ штатный дѣлопроизводитель, остальные служащіе легко могутъ быть по найму съ производствомъ вознагражденія изъ суммъ, отпускаемыхъ по штату въ полное распоряженіе управляющаго.

бужденнымъ вопросамъ и за точнымъ составленіемъ журналовъ засѣданій; 6) представлять министру ежегодный отчетъ о дѣйствіяхъ управленія въ продолженіе истекшаго года.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

О СОВѢТѢ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ.

§ 26. Совѣтъ главнаго управленія составляется, подъ предсѣдательствомъ начальника управленія, изъ членовъ, назначаемыхъ Высочайшею властію.

§ 27. Члены совѣта должны постоянно наблюдать, чтобы въ издаваемыхъ безъ предварительной цензуры произведеніяхъ словесности, наукъ и искусствъ не заключалось ничего законамъ противнаго, и для сего всѣ, поступающія изъ типографій и отъ издателей, на основаніи § 25, произведенія, распредѣляются начальникомъ управленія между членами, для внимательнаго просмотра.

§ 28. Каждый членъ совѣта, буде замѣтитъ въ разсматриваемомъ имъ произведеніи что-либо законамъ противное, обязанъ въ ближайшемъ засѣданіи заявить о семъ письменно, или словесно совѣту и представить свое заключеніе.

§ 29. Министръ внутреннихъ дѣлъ и начальникъ управленія передаютъ на обсужденіе совѣта,

Къ § 26. Одно изъ самыхъ существенныхъ условій успѣха предполагаемыхъ учрежденій заключается въ томъ, чтобы учрежденія сіи, хорошимъ выборомъ лицъ, пріобрѣли съ самаго начала довѣріе общества. Хотя совѣту предоставляется только власть совѣщательная, но коллегіальное учрежденіе его дастъ, безъ сомнѣнія, авторитетъ всему управленію, если въ немногочисленный составъ его будутъ выбраны люди, достойные уваженія. Табель о рангахъ не должна стѣснять въ назначеніи на подобныя мѣста. Дѣло, поручаемое совѣту, требуетъ отъ лицъ, коимъ оно ввѣряется, извѣстнаго приготовленія, опытности и знанія. Эти знанія не могутъ быть опредѣлены чинами. Важнѣйшія спеціальности могутъ имѣть въ членахъ совѣта своихъ представителей; но эти представители не должны быть депутатами отдѣльныхъ какихъ-либо вѣдомствъ, а независимыми цѣнителями произведеній, относящихся до ихъ спеціальности.

Къ § 27. Чтобы наблюдать за строгимъ соблюденіемъ законовъ о печати, нужно постоянно со вниманіемъ слѣдить за всѣми выходящими въ свѣтъ произведеніями. Этотъ важный трудъ весьма удобно возложить на членовъ совѣта, которые такимъ образомъ, отдѣльно взятые, получатъ значеніе преслѣдовательныхъ цензоровъ. При распредѣленіи между ними подлежащихъ просмотру сочиненій, начальникъ управленія, конечно, долженъ принимать въ соображеніе спеціальныя познанія членовъ, и такимъ образомъ устранится всякій поводъ вмѣшательства въ цензурное дѣло постороннихъ вѣдомствъ.

Къ § 28. Каждому члену совѣта предоставляется инициатива возбужденія вопроса о судебномъ преслѣдованіи зловреднаго сочиненія; но вопросъ этотъ, прежде представленія его министру, долженъ быть подробно обсуженъ въ совѣтѣ.

какъ собственныя свои замѣчанія о предосудительныхъ сочиненіяхъ, такъ и замѣчанія другихъ вѣдомствъ.

§ **30**. Совѣтъ, по выслушаніи заключенія члена или предложеній министра и начальника управленія и по обсужденіи содержанія разбираемаго произведенія, постановляетъ опредѣленіе о томъ, должно ли быть начато судебное преслѣдованіе, а если возбужденный вопросъ касается до повременнаго изданія, освобожденнаго отъ предварительной цензуры, на основаніи § 20 п. 4, то постановляетъ заключеніе о томъ, подлежитъ ли изданіе административному взысканію, и какому именно.

§ **31**. Слѣдя вообще за направленіемъ литературы, совѣтъ имѣтъ право входить прямо отъ себя къ министру внутреннихъ дѣлъ съ представленіями о принятіи какихъ-либо, по мнѣнію совѣта, полезныхъ законодательныхъ мѣръ.

§ **32**. Рѣшенія совѣта означаются въ журналѣ, составленіе котораго лежитъ на обязанности дѣлопроизводителя. Члены, несогласные съ общимъ рѣшеніемъ, могутъ представлять особыя мнѣнія.

§ **33**. Журналъ представляется министру начальникомъ управленія.

§ **34**. Отъ министра зависитъ принять мнѣніе совѣта, или нѣтъ.

§ **35**. Согласіе министра изъявляется на журналѣ собственноручнымъ его подписаніемъ: «*исполнить*».

§ **36**. Засѣданія совѣта бываютъ *обыкновенныя*, одинъ разъ въ недѣлю, и *чрезвычайныя*, по назначенію начальника управленія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

О ЦЕНЗУРНЫХЪ КОМИТЕТАХЪ И ЦЕНЗОРАХЪ.

§ **37**. Цензура, состоя подъ высшимъ надзоромъ главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія, возлагается на комитеты и отдѣльныхъ цензоровъ и раздѣляется на *внутреннюю* и *иностранную*. Первая разсматриваетъ произведенія словесности, наукъ и искусствъ, назначаемыя къ изданію внутри Имперіи; вторая дозволяетъ или запрещаетъ выпускъ въ публику или продажу книгъ, эстамповъ и т. п., привезенныхъ изъ-за границы.

§ **38**. Для *внутренней* цензуры полагаются: комитеты въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ, и отдѣльные цензоры въ Ригѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Казани.

§ **39**. Для *иностранной* цензуры полагаются; центральный цензурный комитетъ въ С. Петербургѣ, подвѣдомственные ему комитеты иностранной цензуры въ Ригѣ, Вильнѣ и Одессѣ, и отдѣльные цензоры по сей части въ Ревелѣ и Кіевѣ.

§ **40**. Въ Тифлисѣ учрежденъ Кавказскій цензурный комитетъ, для цензурованія журналовъ и газетъ и всякаго рода сочиненій, издаваемыхъ въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краяхъ. Сему же комитету ввѣрено разсмотрѣніе сочиненій, привозимыхъ изъ-за границы въ Закавказскій край, а также книгъ на восточныхъ языкахъ.

§ **41**. О составѣ цензурныхъ комитетовъ, о порядкѣ назначенія предсѣдателей ихъ, цензоровъ, правахъ и обязанностяхъ ихъ излагается въ раздѣлѣ о правилахъ предупредительной цензуры.

Къ § 41. Съ сокращеніемъ круга дѣятельности учрежденій, завѣдывающихъ предварительною цензурою, и съ сосредоточеніемъ всѣхъ дѣлъ печати въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, является необходимость сдѣлать нѣкоторыя измѣненія какъ въ составѣ сихъ учрежденій, такъ и въ распредѣленіи между ними занятій. Впрочемъ, уже въ проектѣ новаго устава о цензурѣ, внесенномъ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, дѣйств. тайн. сов. *Ковалевскимъ*, въ 1859 году, въ государственный совѣтъ, замѣчено было, «что цензурныя учрежденія въ настоящемъ положеніи ихъ не представляютъ того систематиче-

скаго устройства, какое необходимо для правильнаго движенія дѣла, имъ порученнаго. Цензуры внутренняя и иностранная, во многомъ различныя по своему назначенію, правиламъ и способу дѣйствія, нынѣ отчасти раздѣлены, отчасти же слиты. Цензоры лично подчинены попечителямъ учебныхъ округовъ, тогда какъ дѣйствія ихъ по иностранной цензурѣ завѣдываются комитетомъ цензуры иностранной. Въ Рижскомъ цензурномъ комитетѣ, занимающемся и внутреннею, и иностранною цензурою, исполняетъ нынѣ, по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, обязанности предсѣдателя одинъ изъ цензоровъ, потому что попечитель имѣетъ пребываніе въ Дерптѣ, между тѣмъ всѣ лица сего комитета подчинены попечителю, хотя рапорты цензоровъ объ иностранныхъ книгахъ поступаютъ прямо въ комитетъ цензуры иностранной, отъ котораго и получаются надлежащія разрѣшенія. Такое неправильное образованіе цензурныхъ учрежденій заключаетъ въ себѣ многія неудобства и по теченію дѣлъ и по управленію, а потому признано необходимымъ раздѣлить совершенно обѣ цензуры *)». Это справедливое замѣчаніе послужило основаніемъ тѣмъ измѣненіямъ въ настоящихъ цензурныхъ учрежденіяхъ, которыя нынѣ предлагаются Коммиссіею.

По проекту предполагаются цензурные комитеты для внутренней цензуры только въ С. Петербургѣ и Москвѣ; въ другихъ же городахъ: Ригѣ, Дерптѣ, Вильнѣ, Одессѣ и Казани — отдѣльные цензоры. Многолѣтній опытъ доказываетъ, что кругъ занятій иногородныхъ цензурныхъ комитетовъ весьма ограниченъ въ сравненіи съ занятіями столичныхъ комитетовъ, что и весьма естественно, такъ какъ въ настоящее время почти вся наша литературная дѣятельность сосредоточена въ періодическихъ изданіяхъ, которыя почти исключительно выходятъ въ столицахъ; съ освобожденіемъ же нѣкоторыхъ произведеній вовсе отъ предварительнаго цензурнаго разсмотрѣнія, кругъ занятій цензоровъ, по всей вѣроятности, еще сократится. По этому Коммиссія полагаетъ вполнѣ возможнымъ принять предположеніе проекта 1859 года, опредѣливъ во всѣхъ вышеозначенныхъ городахъ для внутренней цензуры лишь отдѣльныхъ цензоровъ.

Что же касается до цензуры иностранной, то совершенное отдѣленіе ея отъ цензуры внутренней также представляется весьма полезнымъ по причинамъ, изложеннымъ выше сего. По особеннымъ же свойствамъ дѣлъ иностранной цензуры, совершенно необходимо С. Петербургскій комитетъ иностранной цензуры поставить въ непосредственое сношеніе съ другими мѣстными комитетами, для однообразнаго дѣйствія по надзору за ввозимыми въ Россію произведеніями печати, а для сего С. Петербургскому комитету, какъ центральному, весьма удобно подчинить частные комитеты, какъ то и было предположено дѣйств.

*) Объяснительная записка къ проекту штата цензурнаго управленія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія 1859 года.

тайн. совѣти. *Ковалевскимъ*, во внесенномъ имъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта проектѣ въ 1859 году.

Такимъ образомъ, вмѣсто существующихъ нынѣ цензурныхъ комитетовъ: въ С. Петербургѣ — двухъ: одного для внутренней, другаго для иностранной цензуры, въ Москвѣ—одного, для внутренней цензуры, въ Ригѣ, Вильнѣ, Кіевѣ и Одессѣ, для обѣихъ цензуръ, и отдѣльныхъ цензоровъ: въ Дерптѣ—для внутренней (и отчасти иностранной), въ Ревелѣ—для иностранной и въ Казани—для восточной цензуры, полагаются по настоящему проекту: для *внутренней* цензуры—комитетъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ и отдѣльные цензоры въ Ригѣ, Дерптѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Казани, и для *иностранной* цензуры—центральный комитетъ въ С. Петербургѣ, комитеты: въ Ригѣ, Вильнѣ и Одессѣ и отдѣльные цензоры въ Ревелѣ и Кіевѣ. При этомъ раздѣленіи упраздняется Кіевскій цензурный комитетъ, замѣняемый отдѣльными цензорами, а комитеты Рижскій, Виленскій и Одесскій преобразуются къ комитеты иностранной цензуры, съ назначеніемъ одного цензора изъ каждаго комитета отдѣльнымъ цензоромъ для внутренней цензуры. Въ Казани прибавляется одинъ цензоръ для внутренней цензуры.

Въ раздѣлѣ правилъ о предупредительной цензурѣ опредѣлены съ подробностію отношенія цензурныхъ учрежденій, порядокъ опредѣленія и обязанности цензоровъ и другихъ чиновниковъ, при чемъ и самый составъ лицъ приведенъ въ соотвѣтственность съ настоящимъ кругомъ дѣйствія цензуры.

Подробности относительно устройства цензурнаго вѣдомства на Кавказѣ изложены въ отдѣльномъ для сего края положеніи.

РАЗДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

ПОЛИЦЕЙСКІЯ ОХРАНИТЕЛЬНЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О ТИПОГРАФІЯХЪ, ЛИТОГРАФІЯХЪ, МЕТАЛЛОГРАФІЯХЪ, СЛОВОЛИТНЯХЪ И КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ

Правила первой главы втораго раздѣла имѣютъ въ виду исключительно устройство надзора по дѣламъ печати, который естественно долженъ касаться: во-первыхъ—типографій и тому подобныхъ заведеній, занимающихся производствомъ тисненія, и во-вторыхъ — книжной торговли, служащей къ распространенію предметовъ тисненія. При составленіи этихъ правилъ, руководствомъ служили преимущественно постановленія о печати Французскія, Прусскія, Австрійскія, Саксонскія и отчасти Англійскія, отступленія отъ которыхъ дѣлались, однако, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда постановленія эти казались непримѣнимыми у насъ по нашимъ нравамъ и по степени развитія нашей общественной жизни. Существующія у насъ законоположенія по этому предмету также принимались къ соображенію настолько, насколько это могло быть допущено при ослабленіи системы предупредительной и замѣнѣ ея, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, системою карательною. Вообще же въ кодексъ правилъ о надзорѣ за книгопечатаніемъ включено только то, что можетъ дать дѣйствительныя средства наблюдать за произведеніями печати, прекращать во-время ея уклоненія отъ законнаго пути и преслѣдовать ея злоупотребленія; все же, не ведущее къ этой цѣли и могущее безъ всякой пользы лишь стѣснить типографскую или книгопродавческую промышленость, не нашло здѣсь мѣста. Стѣснительныя и ограничивающія мѣры справедливо употреблять только тамъ, гдѣ обнаружится дѣйствительное зло; но ни въ какомъ случаѣ онѣ не должны падать преждевременно своею тяжестію на такихъ лицъ, которыя не подали еще къ тому повода. Нарушеніе этого условія подорвало бы въ самомъ основаніи книгопродавческую и типографскую дѣятельность, вообще еще у насъ мало развитую, повело бы за собою неминуемо закрытіе многихъ типографій и книжныхъ лавокъ, усилило бы тайное печатаніе и тайное распространеніе книгъ и породило бы въ обществѣ справедливое неудовольствіе.

При изложеніи этой главы, для бо̀льшей системы, отдѣлены учрежденія, занимающіяся тисненіемъ, какъ-то: типографіи, литографіи и металлографіи, отъ учрежденій, производящихъ, или продающихъ принадлежности тисненія, т. е. словолитень, заводовъ для типографскихъ станковъ и магазиновъ, занимающихся продажей этихъ принадлежностей тисненія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О ТИПОГРАФІЯХЪ, ЛИТОГРАФІЯХЪ И МЕТАЛЛОГРАФІЯХЪ.

§ 42. Устройство и открытіе типографій, литографій и металлографій принадлежитъ, на основаніи Св. Зак. (изд. 1857 г.), т. XI, ст. 295, *Уст. торг.*, къ предметамъ свободной торговли, которою имѣютъ право заниматься лица всѣхъ состояній, неопороченныя по суду, съ соблюденіемъ условій, ниже изложенныхъ.

Къ § 42. По *Французскому* законодательству, для полученія права на открытіе типографіи и литографіи, требуется удостовѣреніе въ способности (capacité), доброй нравственности и преданности отечеству и государю лицъ, желающихъ заниматься этимъ ремесломъ. Способность къ типографскому ремеслу опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

По закону 30 августа 1777 г., требовались отъ всякаго типографщика особый экзаменъ въ типографскомъ дѣлѣ и свидѣтельство отъ учебнаго вѣдомства о нѣкоторомъ знаніи Латинскаго языка и объ умѣньи читать по-Гречески. Кромѣ того, такое лицо должно было имѣть не менѣе 20 лѣтъ отъ роду и пробыть предварительно четыре года ученикомъ и три года подмастерьемъ. Въ настоящее время требуется только показаніе четырехъ патентованныхъ типографщиковъ, удостовѣряющее въ знаніи просителемъ типографскаго искусства. Въ *Пруссіи* званіе типографщика дается только лицамъ, неопороченнымъ (unbescholten) *) и при томъ по испытанію, которое бываетъ изустное и письменное и производится коммиссіею, состоящею изъ типографщиковъ. Испытуемый долженъ разрѣшить двѣ задачи: одну, касающуюся технической части искусства, и другую, имѣющую предметомъ законоположенія, относящіяся до избраннаго имъ промысла. За письменнымъ испытаніемъ слѣдуетъ изустное, при чемъ отъ испытуемаго требуется, кромѣ техническаго, общее образованіе и знаніе иностранныхъ языковъ, насколько это нужно для его промышлености. Слѣдовательно и по Французскому и по Прусскому законодательству необходимы два условія для полученія права на открытіе типографіи: во-первыхъ, испытаніе, и во-вторыхъ, свидѣтельство о нравственныхъ качествахъ.

Нынѣ дѣйствующее законодательство наше не требуетъ испытанія отъ типографщиковъ и совершенно основательно: такое требованіе у насъ было бы неудобоисполнимо и нанесло бы сильный ударъ типографскому дѣлу. Да едва ли и вездѣ оно не приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, установляя родъ нѣкоторой монополіи въ типографскомъ ремеслѣ. Въ самой Пруссіи требованіе это возбуждаетъ уже неудовольствіе, такъ что на сеймѣ въ 1860 году было заявлено желаніе нижней палаты облегчить стѣснительныя мѣры, затрудняющія доступъ въ званіе типографщика. Опасаться, что безъ экзамена ремесломъ этимъ будутъ заниматься люди несвѣдущіе—совершенно напрасно; такія лица, еслибы они и явились, останутся безъ работы; въ этомъ случаѣ, самымъ вѣрнымъ и единственнымъ цѣнителемъ достоинства трудовъ каждаго ремесленника бу-

*) Опороченнымъ считается всякій, лишенный нѣкоторыхъ правъ состоянія по суду, или исключенный изъ какого-либо общества по его приговору.

§ 43. Желающіе завести типографію, литографію или металлографію получаютъ разрѣшеніе на занятіе этими ремеслами: въ столицахъ — отъ генералъ-губернаторовъ, а въ прочихъ мѣстахъ — отъ начальниковъ губерній, при чемъ они обязаны:

а) представить документы о своемъ званіи;

детъ само общество, которое смотритъ не на патенты производителей дѣла, а на самое дѣло. Но, не требуя испытанія, законодательство наше считаетъ, однако, необходимымъ давать разрѣшеніе на открытіе типографій и литографій не иначе, какъ по предварительномъ удостовѣреніи о благонадежности лицъ, желающихъ имѣть таковыя заведенія (Св. Зак. т. 1 Учрежден. Мин. ст. 1367); въ этомъ отношеніи, оно сходится съ Французскимъ и Прусскимъ законодательствами, уступая, впрочемъ, послѣднему въ опредѣлительности. Кто, въ самомъ дѣлѣ, можетъ принять на себя рѣшеніе, дѣйствительно-ли такое-то лицо имѣетъ добрую нравственность и предано отечеству и государю, какъ требуютъ того Французскіе законы, или что такое-то лицо благонадежно. И наконецъ, что значитъ здѣсь благонадежность? Не заключаютъ-ли въ себѣ такія требованія полной возможности административнаго произвола и не ослабляютъ-ли они такимъ образомъ самой силы закона, обращая его въ мертвую букву? Поэтому въ текстѣ ст. 42 принята болѣе опредѣлительная редакція Прусскаго закона, устраняющаго отъ права заниматься типографскимъ ремесломъ только лицъ, опороченныхъ по суду.

За тѣмъ было бы полезно, согласно съ нынѣ существующими законами, оставить ремесло типографское въ числѣ предметовъ свободной торговли, для занятія которою не требуется ни записки въ гильдію, ни платежа гильдейскихъ повинностей. Постановляя такую мѣру, законодательство наше, безъ сомнѣнія, имѣло въ виду поощреніе типографій, литографій и тому подобныхъ заведеній, которыя до сихъ поръ еще находятся у насъ далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, а потому и нуждаются въ продолженіи такого поощренія. Особенно въ жалкомъ видѣ, за немногими исключеніями, находятся у насъ литографіи, многіе содержатели которыхъ едва зарабатываютъ себѣ насущный хлѣбъ, не имѣя ни средствъ, ни возможности входить въ состязаніе съ заграничными литографами. Да и типографіи наши, бо́льшею частію, въ техническомъ отношеніи стоятъ чрезвычайно низко, сравнительно съ иностранными типографіями, не говоря уже о томъ, что печатаніе у насъ при всемъ томъ обходится несравненно дороже, чѣмъ въ любомъ Европейскомъ государствѣ.

Къ §§ 43, 44 и 45. Во *Франціи* всякое лицо, имѣющее требуемыя условія, изложенныя выше, въ объясненіи къ § 42, при разрѣшеніи на открытіе типографіи или подобнаго заведенія, получаетъ патентъ непосредственно изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Введеніе такой системы у насъ было бы весьма стѣснительно: затягивая дѣло, при медленности нашего дѣлопроизводства, такой порядокъ, ограничивая свободу ремесла, не принесетъ у насъ и пользы. Мѣстный начальникъ губерніи можетъ также удобно рѣшить степень права прося-

б) показать число скоропечатныхъ машинъ и станковъ, какіе у нихъ будутъ въ типографіяхъ, литографіяхъ и металлографіяхъ, и

в) представить письменное обязательство, что они, при производствѣ своего ремесла, будутъ подчиняться во всемъ требованіямъ, постановленнымъ въ законахъ о книгопечатаніи.

§ 44. Въ столицахъ — въ канцеляріяхъ генералъ-губернаторовъ, а въ прочихъ мѣстахъ — въ канцеляріяхъ начальниковъ губерній ведутся именные списки всѣхъ типографій, литографій и металлографій, съ показаніемъ числа, какъ находящихся въ сихъ заведеніяхъ скоропечатныхъ машинъ и станковъ, такъ и вновь пріобрѣтаемыхъ ими, а потому содержатели ихъ обязаны о всякой перемѣнѣ въ числѣ машинъ и станковъ доносить: въ столицахъ — въ канцеляріи генералъ-губернаторовъ, а въ прочихъ мѣстахъ — въ канцеляріи начальниковъ губерній.

§ 45. Объ открытіи каждаго такого заведенія, равнымъ образомъ и объ увеличеніи въ нихъ числа скоропечатныхъ машинъ и станковъ, въ столицахъ — генералъ-губернаторы, а въ прочихъ мѣстахъ — начальники губерній сообщаютъ министру внутреннихъ дѣлъ, гдѣ ведется также подробный реестръ всѣмъ подобнаго рода заведеніямъ, съ находящимися въ нихъ принадлежностями тисненія.

Примѣчаніе. Разрѣшеніе, данное на открытіе типографіи, имѣетъ силу въ продолженіе двухъ лѣтъ; по истеченіи же означеннаго срока, требуется на право открытія типографіи новое разрѣшеніе.

теля на типографское ремесло, а потому переписка объ этомъ предметѣ будетъ только лишнею формальностію. Во Франціи, по декрету 11 февраля 1811 года, въ Парижѣ можетъ быть только 80 типографій и число ихъ въ департаментахъ также опредѣлено разными постановленіями министерства внутреннихъ дѣлъ. Мало того, закономъ 5 февраля 1810 года опредѣлено, чтобы въ каждой типографіи въ Парижѣ было не болѣе четырехъ, а въ департаментахъ — не болѣе двухъ печатныхъ станковъ. Можетъ быть, подобное ограниченіе числа типографій и даже печатныхъ станковъ и представляетъ нѣкоторыя удобства въ отношеніи наблюденія за ними, но за то такая мѣра сопряжена и съ неудобствами весьма важными: она превратила бы у насъ типографское искусство въ монополію, стѣснительную для общества, и, при недостаткѣ свободной конкурренціи, увеличивъ цѣнность книгъ, и безъ того высокую, между прочимъ, по дороговизнѣ бумаги и прочихъ принадлежностей тисненія, пала бы прямымъ и тяжелымъ налогомъ на образованіе, поставивъ препоны правильному его развитію, а потому въ текстѣ ст. 43 и 44 не введены стѣсненія касательно числа типографій и печатныхъ станковъ, а опредѣлены только условія, при которыхъ правительство будетъ имѣть обо всемъ этомъ постоянныя и подробныя свѣдѣнія.

Наконецъ, по новости своей и по разладу съ главными началами Русскаго законодательства, стремящагося къ поощренію всѣхъ видовъ промышленности, мѣра ограниченія числа типографій произвела бы у насъ всеобщее неудольствіе.

Въ *Пруссіи* на открытіе типографіи требуется дозволеніе окружнаго правленія (Bezirks-Regierung), которое, разумѣется, дается только лицамъ, удовлетворяющимъ вышеизложеннымъ требованіямъ закона.

Въ *Англіи* всякому предоставляется полная свобода учреждать типографіи, литографіи, словолитни и фабрики печатныхъ станковъ; желающій открыть такое заведеніе обязанъ только объявить о своемъ намѣреніи, въ присутствіи постороннаго свидѣтеля, въ канцелярію мировой управы своего округа (Clerc of the peace) и получить отъ нея свидѣтельство или удостовѣреніе, что онъ дѣйствительно заявилъ свое намѣреніе. Такая система еще проще и оказывается, какъ показалъ опытъ, вполнѣ достаточною для того, чтобы правительство всегда могло слѣдить за учрежденіями, занимающимися тисненіемъ или производствомъ принадлежностей тисненія. По простотѣ своей, она выше системы, обусловливающей открытіе типографіи требованіемъ разрѣшенія; но въ текстѣ § 42 принята, однако, послѣдняя система, какъ болѣе подходящая къ духу нашихъ учрежденій.

Въ § 43 между условіями, требуемыми отъ лицъ, желающихъ заниматься

§ 46. Передача типографій, литографій и металлографій другому лицу допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго начальства; разрѣшеніе это дается на основаніяхъ, изложенныхъ выше въ § 43.

Примѣчаніе. Лица, пріобрѣтшія типографію, литографію, или металлографію по наслѣдству, обязаны не позже полугодичнаго срока удовлетворить требованіямъ ст. 45 или передать другимъ доставшіяся имъ по наслѣдству заведенія.

типографскимъ ремесломъ, помѣщено требованіе письменнаго обязательства, что лица сіи будутъ подчиняться во всемъ дѣйствующимъ у насъ законамъ о книгопечатаніи. Внесеніе такого условія въ законъ, представляя столько же достаточное обезпеченіе для правительства и общества, какъ и присяга, требуемая въ подобныхъ случаяхъ Французскимъ законодательствомъ, имѣетъ преимущество предъ Французскою системою присяги, по отсутствію торжественности, къ которой у насъ не привыкли, и по совпаденію съ нынѣ дѣйствующимъ, при существованіи цензуры, закономъ, по которому отъ содержателей типографій требуется обязательство не печатать ничего безъ дозволенія цензуры или полицейскаго начальства, по принадлежности.

Къ § 45. Во *Французскомъ* законодательствѣ разрѣшеніе на учрежденіе типографіи присвоено исключительно лицу, имѣетъ характеръ личный, и потому передача типографій и тому подобныхъ заведеній однимъ лицемъ другому не допускается, а всякое лицо, желающее принять отъ кого-либо типографію, должно получить патентъ и принести присягу, если оно при томъ имѣетъ требуемыя условія. Исключеніе дѣлается только для вдовъ типографщиковъ, не вступившихъ въ новый бракъ; онѣ могутъ продолжать ремесло своихъ покойныхъ мужей, безъ новаго разрѣшенія; по прочимъ наслѣдникамъ дается такое позволеніе только временно, и они обязываются взять патентъ на производство ремесла и принести присягу *). Въ *Пруссіи*, по смерти типографщика, вдова его, или наслѣдники, не могутъ продолжать занятія покойнаго лично, а должны поручить веденіе этого дѣла лицу, удовлетворяющему условіямъ, требуемымъ по закону.

Подобное ограниченіе права передачи типографіи было бы у насъ новостью слишкомъ рѣзкою и при томъ безполезною въ смыслѣ обезпеченія правительства и общества отъ злоупотребленій печати. Для правительства все равно, кто бы ни содержалъ типографію, если только лицо это удовлетворяетъ существующимъ для полученія этого права требованіямъ; отказавшись отъ монопольной системы Французской, ограничивающей число типографій, нельзя допустить логически и системы личнаго права на содержаніе типографій и тому подобныхъ заведеній.

---

*) Такое-же ограниченіе постановлено во Французскомъ законодательствѣ и для книгопродавцевъ и ихъ наслѣдниковъ.

§ 47. Всякая типографія, литографія или металлографія, открытая кѣмъ-либо, или принятая отъ другаго лица, безъ разрѣшенія подлежащаго начальства, считается тайною и виновные въ томъ подвергаются надлежащей по закону отвѣтственности. Равнымъ образомъ одинаковому взысканію съ содержателями тайныхъ типографій, литографій или металлографій подвергаются и такія лица, которыя въ существующихъ у нихъ заведеніяхъ подобнаго рода, хотя бы и открытыхъ съ дозволенія правительства, имѣютъ скоропечатныя машины и станки, о которыхъ не было сообщено ими, на основаніи ст. 43 подлежащему начальству.

§ 48. Всякій, желающій имѣть для собственной надобности ручной печатный станокъ небольшаго размѣра, обязанъ испросить на то разрѣшеніе: въ столицахъ—отъ генералъ-губернатора, а въ прочихъ мѣстахъ — отъ начальника губерніи. Нарушеніе этого условія подвергаетъ виновнаго одинаковому взысканію съ содержаніемъ тайныхъ типографій.

§ 49. Всякая типографія, литографія и металлографія должна имѣть шнуровую книгу, скрѣпленную по листамъ, въ столицахъ — инспекторами книгопечатанія, состоящими при управленіи генералъ-губернаторовъ, а въ прочихъ мѣстахъ — чиновниками, особо для сего назначенными отъ начальниковъ губерній. Въ книгу эту должна быть вносима всякая работа, предполагаемая къ напечатанію, съ объясненіемъ, печатается ли она безъ предварительнаго представленія въ цензуру, или съ одобренія послѣдней и съ показаніемъ въ обоихъ случаяхъ числа экземпляровъ и формата изданія.

Къ § 47. Опредѣленіе это можетъ считаться достаточнымъ для указанія характера тайныхъ типографій и литографій; средствами же, препятствующими учрежденію и размноженію ихъ, должны служить достаточный надзоръ и строгія наказанія. По *Французскому* законодательству, кромѣ уничтоженія подобныхъ заведеній, виновные подвергаются взысканію 10,000 франковъ и шестимѣсячному тюремному заключенію. Въ *Англіи* мировой судья, подозрѣвающій кого-либо, на основаніи показанія подъ присягой, въ содержаніи типографіи безъ удостовѣренія, или не въ томъ мѣстѣ, которое означено имъ, имѣетъ право приказать полицейскому чиновнику, предписаніемъ за собственною подписью и печатью, войти въ домъ въ дневное время и конфисковать всѣ типографскіе станки, вмѣстѣ съ литерами и другими матеріалами, равно какъ и всю напечатанную уже бумагу.

Къ § 48. Имѣть ручные печатные станки небольшаго размѣра, съ указанною въ этомъ параграфѣ цѣлію, не запрещается и во Франціи, и для этого не требуется ни патента, ни принесенія присяги, но только предварительное дозволеніе: въ Парижѣ—министра внутреннихъ дѣлъ, а въ департаментахъ—префектовъ. Безвредность такого дозволенія можетъ быть вполнѣ обезпечена, если только, при продажѣ подобныхъ станковъ, будетъ соблюдаемъ достаточный контроль за тѣмъ, кому именно они продаются и для какого употребленія.

Къ § 49. Подобныя шнуровыя книги типографіи, литографіи и металлографіи обязаны имѣть во Франціи и въ Пруссіи. Этой мѣры предосторожности противъ злоупотребленій печати нельзя не признать полезною. При введеніи ея въ наше законодательство о книгопечатаніи, необходимо, однако, повѣрку этихъ книгъ предоставлять не обыкновеннымъ полицейскимъ чиновникамъ, какъ это дѣлается во Франціи, что̀ повело бы у насъ къ разнаго рода стѣсненіямъ типографскаго ремесла, но особымъ лицамъ, получившимъ высшее образованіе, которыя въ столицахъ, по множеству типографій, литографій и металлографій, въ нихъ находящихся, должны посвящать себя исключительно этому дѣлу; въ текстѣ они названы *инспекторами книгопечатанія*. Число ихъ должно зависѣть отъ числа типографій и подобныхъ имъ заведеній; каждому инспектору можно бы поручить до 50 типографій, литографій и металлографій, и на инспекторовъ же возложить наблюденіе за словолитнями и вообще заведеніями, производящими, или продающими типографскія принадлежности. Въ провинціяхъ, гдѣ вообще мало у насъ типографій, обязанности инспекторовъ могли бы исполнять особыя довѣренныя лица изъ служащихъ чиновниковъ, по назначенію начальниковъ губерній.

§ 50. Повѣрка записаннаго въ шнуровой книгѣ съ дѣйствительно произведенными и производящимися работами совершается: въ столицахъ — инспекторами книгопечатанія, а въ прочихъ мѣстахъ — назначенными отъ начальниковъ губерній особыми чиновниками, во всякое время, по ихъ усмотрѣнію.

§ 51. Типографіи, литографіи и металлографіи, по отпечатаніи сочиненія, обязаны представлять до выпуска въ свѣтъ: а) по семи экземпляровъ сочиненій, напечатанныхъ съ одобренія цензуры, — въ цензурные комитеты, и б) по семи же экземпляровъ сочиненій, изъятыхъ отъ цензуры, — въ канцеляріи военныхъ генералъ-губернаторовъ, въ столицахъ, и въ канцеляріи начальниковъ губерній, въ прочихъ мѣстахъ Имперіи; въ полученіи таковыхъ экземпляровъ выдаются немедленно росписки. За тѣмъ напечатанное сочиненіе можетъ быть выпущено въ свѣтъ по истеченіи трехдневнаго срока. Одинъ изъ означенныхъ семи экземпляровъ остается по принадлежности при цензурномъ комитетѣ или канцеляріи военнаго генералъ-губернатора или начальника губерніи, а изъ остальныхъ шести экземпляровъ цензурные комитеты и упомянутыя канцеляріи немедленно отправляютъ по

Къ § 50. Во *Франціи* отъ типографщиковъ требуется: а) предварительное объявленіе до напечатанія о томъ, какое именно сочиненіе и въ какомъ количествѣ предполагается къ напечатанію, и б) предварительное представленіе, по отпечатаніи, подлежащему начальству, опредѣленнаго числа экземпляровъ, до выпуска ихъ въ свѣтъ. Первая мѣра предосторожности, совсѣмъ излишняя при цензурѣ, не нужна и безъ цензуры: такъ какъ въ шнуровую книгу вносится все, что предполагается печатать, и книга эта повѣряется инспекторомъ книгопечатанія, который поэтому имѣетъ возможность, въ случаѣ настоятельной необходимости, остановить во-время выпускъ въ свѣтъ вреднаго сочиненія; притомъ исполненіе такой мѣры на дѣлѣ было бы весьма тягостно и для типографій и для канцелярій, откуда первыя должны получать росписки въ полученіи подобныхъ предварительныхъ объявленій. Поэтому даже *Прусское* законодательство, вообще строгое въ дѣлахъ печати, вмѣняетъ типографщикамъ въ обязанность одно только представленіе сочиненія въ извѣстномъ числѣ экземпляровъ по отпечатаніи его, что̀ принято также въ текстѣ настоящаго параграфа. Въ *Англіи* требованія въ этомъ отношеніи еще снисходительнѣе: тамъ типографщикъ долженъ только хранить у себя по одному экземпляру каждаго напечатаннаго имъ изданія, съ показаніемъ имени и мѣста жительства того лица, которое заказало ему работу, и экземпляръ этотъ представляетъ мировому судьѣ только въ случаѣ требованія послѣдняго.

Къ § 51. Представленіе извѣстнаго числа экземпляровъ существуетъ и во Франціи и въ Саксоніи, и въ Пруссіи, и въ Англіи: во *Франціи* требуется пять экземпляровъ, изъ которыхъ одинъ поступаетъ, между прочимъ, въ императорскую библіотеку; въ *Пруссіи* одинъ экземпляръ идетъ въ королевскую Берлинскую библіотеку и одинъ въ университетъ той провинціи, въ которой напечатано сочиненіе. У насъ требуется въ настоящее время 7 экземпляровъ, которые распредѣляются въ разныя мѣста. Въ текстѣ настоящей статьи требуется также 7 экземпляровъ, изъ которыхъ два остаются у мѣстъ, повѣряющихъ дѣла книгопечатанія, три дѣлаются общимъ достояніемъ публики, поступая въ публичныя библіотеки обѣихъ столицъ и въ библіотеку Императорской академіи наукъ, что̀ въ свою очередь можетъ послужить къ обогащенію этихъ общеполезныхъ учрежденій, безъ особаго стѣсненія для типографій; одинъ поступаетъ въ университетъ учебнаго округа, гдѣ книга напечатана, и остальной экземпляръ, согласно съ настоящимъ положеніемъ о цензурѣ, въ Гельсингфорскій университетъ.

Съ цѣлію же улучшенія библіотекъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а также образованія и усиленія мѣстныхъ публичныхъ библіотекъ, предполагается передача въ эти библіотеки, по истеченіи 2-лѣтняго

одному экземпляру въ главное управленіе по дѣламъ книгопечатанія, въ Императорскую публичную библіотеку, въ Императорскую академію наукъ, въ университетъ того округа, гдѣ напечатано сочиненіе, въ публичную библіотеку при Румянцовскомъ музеумѣ въ Москвѣ и въ Гельсингфорскій Александровскій университетъ.

Примѣчаніе 1. Относительно порядка выпуска въ свѣтъ повременныхъ изданій смотри ниже § настоящаго Устава.

Примѣчаніе 2. Сочиненія, оставшіяся въ цензурныхъ комитетахъ и въ канцеляріяхъ военныхъ генералъ-губернаторовъ и начальниковъ губерній, хранятся въ означенныхъ мѣстахъ въ теченіи двухъ лѣтъ, послѣ чего въ столицахъ препровождаются къ попечителямъ учебныхъ округовъ, для помѣщенія по усмотрѣнію ихъ въ библіотекиучебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а въ прочихъ мѣстахъ передаются въ мѣстныя публичныя библіотеки.

§ **52**. Постановленія § 51 для печатныхъ сочиненій и литографированныхъ изданій примѣняются, въ равной мѣрѣ, къ эстампамъ, гравюрамъ и музыкальнымъ нотамъ со словами.

§ **53**. Отъ предварительнаго представленія подлежащему начальству опредѣленнаго числа экземпляровъ каждаго напечатаннаго труда освобождаются:

а) объявленія, дѣлаемыя отъ присутственныхъ мѣстъ, и *б*) произведенія, имѣющія предметомъ общежитейскія и домашнія потребности, какъ-то: свадебные и разные другіе пригласительные билеты, визитныя карточки, этикеты, объявленія о продажѣ вещей, о перемѣнѣ квартиры, театральныя афиши и т. п.

Отвѣтственности за печатаніе такихъ произведеній подвергается типографія, литографія или металлографія только въ такомъ случаѣ, если подъ формою ихъ будетъ скрываться совершенно другое, чуждое симъ предметамъ содержаніе.

срока, книгъ, представляемыхъ въ цензурные комитеты и въ канцеляріи генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ. Достигая этой цѣли, такая мѣра освободитъ означенныя канцеляріи отъ лишней обязанности хранить книги, которыя, послѣ двухъ лѣтъ со времени ихъ изданія, будутъ для нихъ не нужны, такъ какъ искъ по истеченіи 2-лѣтняго срока прекращается.

Къ § 52. Мѣра эта принята и во Французскомъ, Прусскомъ и Саксонскомъ законодательствахъ.

Къ § 53. Заимствовано изъ Французскаго, Прусскаго и Саксонскаго законодательствъ. Во Франціи различаются сочиненія большія (*labeurs*) отъ сочиненій мелкихъ (*les ouvrages de ville*, ou *bilboquets*). Послѣднія освобождаются отъ предварительнаго объявленія и предварительнаго представленія, хотя трудность отличать ихъ нерѣдко подаетъ поводъ къ недоумѣніямъ.

§ 54. На каждомъ выпускаемомъ въ свѣтъ экземплярѣ изъ типографіи, литографіи или металлографіи, должны быть обозначены имя и мѣсто жительства типографщика, литографщика или металлографщика, а если сочиненіе подвергалось предварительной цензурѣ — то и одобреніе цензуры. Исключенію изъ этого правила подлежатъ только предметы, обозначенные § 53.

§ 55. Типографіи и литографіи, открываемыя правительственными установленіями, если онѣ принимаютъ частные заказы, подлежатъ дѣйствію вышеозначенныхъ правилъ, наравнѣ съ частными типографіями и литографіями. Отвѣтственность въ такомъ случаѣ падаетъ на управляющихъ сими типографіями и литографіями.

§ 56. За несоблюденіе вышеозначенныхъ условій, типографіи, литографіи и металлографіи подлежатъ преслѣдованію и взысканію на основаніи III-го раздѣла сего Устава.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О ЗАВЕДЕНІЯХЪ, ПРОИЗВОДЯЩИХЪ И ПРОДАЮЩИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТИСНЕНІЯ.

§ 57. Дозволеніе на учрежденіе словолитенъ и мастерскихъ для производства скоропечатныхъ машинъ и станковъ, также на открытіе магазиновъ для продажи оныхъ, дается, на основаніи *Устава о промышлености фабричной и заводской* и *Устава торговаго и ремесленнаго*, всѣмъ лицамъ безъ различія, имѣющимъ право заниматься торговлею или ремесломъ.

МОСКОВСКАЯ ЕПАРХІАЛЬНАЯ

Къ § 54. Безъ этой мѣры, принятой во Франціи, Пруссіи, Саксоніи и Австріи, нельзя было бы преслѣдовать злоупотребленія печати, еслибы они явились. У насъ и при цензурѣ предупредительной требуются эти условія на тотъ случай, еслибы типографія напечатала что-нибудь несогласно съ рукописью, одобренною цензоромъ. Даже въ Англіи, отличающейся наиболѣе либеральными учрежденіями въ дѣлахъ печати, требуется, чтобы на первомъ и послѣднемъ листахъ каждаго печатнаго сочиненія были непремѣнно выставлены имя и мѣстожительство типографщика. Наблюденіе за исполненіемъ этого условія поручается самому обществу, а потому предоставляется каждому, кому попадется какое-либо сочиненіе безъ этого обозначенія, или съ обозначеніемъ завѣдомо ложнымъ, немедленно арестовать владѣющаго такимъ сочиненіемъ и представить его суду.

Къ § 55. При существованіи у насъ значительнаго числа казенныхъ типографій, принимающихъ частные заказы, справедливость требуетъ подчинить и эти типографіи, литографіи и металлографіи одинаковымъ условіямъ съ частными заведеніями этого рода.

Къ § 57. Во *Франціи* желающіе получить дозволеніе на устройство какого-либо завода или мастерской должны избрать опредѣленное мѣсто жительства, приложить къ просьбѣ описаніе и размѣръ машинъ, которыя будутъ употребляемы на фабрикѣ или въ мастерской, и наконецъ, по открытіи фабрики или мастерской, представить свидѣтельство отъ мѣстныхъ властей, что заведеніе ихъ дѣйствительно существуетъ и имѣетъ надобность въ вышеозначенныхъ машинахъ.

Введеніе этихъ формальностей у насъ было бы не только безполезно, но и вредно для нашихъ мастерскихъ, производящихъ принадлежности тисненія.

§ 58. Каждое такое заведеніе, производящее или продающее вышеозначенныя принадлежности тисненія, должно имѣть шнуровую книгу, скрѣпленную по листамъ, въ столицахъ—инспекторами книгопечатанія, а въ прочихъ мѣстахъ—чиновниками, особо для сего назначенными отъ начальниковъ губерній. Въ книгу эту вносится всякая продажа, сдѣланная на фабрикѣ или въ магазинѣ, съ означеніемъ имени, званія и мѣста жительства покупателя.

§ 59. Печатные станки и шрифты могутъ быть продаваемы только типографщикамъ и литографщикамъ или лицамъ, получившимъ, на основаніи § 48, разрѣшеніе имѣть ручной печатный станокъ небольшаго размѣра.

Мастерскихъ этихъ такъ мало и производство ихъ такъ ограниченно, что въ отношеніи къ нимъ, необходимо употреблять поощрительныя, а не стѣснительныя мѣры; иначе выписка изъ-за границы печатныхъ станковъ и другихъ принадлежностей тисненія, въ настоящее время весьма значительная, не смотря на высокую таможенную пошлину, еще болѣе усилится, и этого рода заведенія прекратятъ свое существованіе.

Въ *Англіи* фабриканты и продавцы печатныхъ станковъ и шрифтовъ открываютъ, подобно типографщикамъ, заведенія свои безъ всякаго разрѣшенія, заявляя только о томъ письменно въ канцелярію мировой управы.

Къ §§ 58 и 59. Заведеніе шнуровой книги для записыванія всякой продажи на фабрикѣ или въ магазинѣ будетъ у насъ новостью, однакожь совершенно необходимою при ослабленіи цензуры, для предотвращенія средствъ тайнаго печатанія. Во *Франціи* требуется, сверхъ того, представленіе объявленія о всякой продажѣ, въ Парижѣ — въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а въ департаментахъ — въ префектуры, и заводчики и фабриканты обязаны продавать всякаго рода машины только лицамъ, имѣющимъ у себя заведенія, на которыхъ нужны машины, и потому пользующимся позволеніемъ покупать эти машины. При покупкѣ позволеніе это представляется продавцу-заводчику, который обязанъ предъявлять его подлежащимъ властямъ при ревизіи завода. Требованіе отъ фабрикантовъ и продавцевъ представлять объявленіе о всякой продажѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, или въ префектуры, кажется намъ стѣснительнымъ и даже излишнимъ въ бо́льшей части случаевъ, потому что всякая продажа записывается въ книгу и книга подвергается повѣркѣ. Съ другой стороны, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что покупатели принадлежностей тисненія суть: типографщики, литографщики и металлографщики, которые подлежатъ уже въ этомъ отношеніи надзору, на основаніи § 50; затѣмъ такими покупателями могутъ быть еще лица, владѣющія ручными станками небольшаго размѣра, и эти лица, по § 48, также не оставлены безъ надзора.

Въ *Англіи* продавцы печатныхъ станковъ или шрифтовъ обязаны также вести точный именной списокъ всѣмъ своимъ покупателямъ и предъявлять его во всякое время, по требованію мироваго судьи; но въ отношеніи званія и образа занятій покупателей не сдѣлано тамъ никакого ограниченія. Англійскій законъ считаетъ необходимымъ знать имена покупателей; далѣе требуетъ, чтобы имѣющіе у себя печатные станки предъявляли о томъ подлежащему начальству, и затѣмъ лицъ, уличенныхъ въ тайномъ держаніи и употребленіи станковъ, подвергаетъ взысканію. Система простая и, при отличномъ устройствѣ Англійской полиціи, совершенно достигающая своей цѣли.

§ 60. Повѣрка шнуровой книги на фабрикахъ и въ магазинахъ, производящихъ и продающихъ принадлежности тисненія, производится въ разное время, по усмотрѣнію, тѣми же лицами, которыя назначены, какъ сказано въ § 50, для повѣрки шнуровыхъ книгъ въ типографіяхъ, литографіяхъ и металлографіяхъ.

§ 61. Фабриканты и продавцы принадлежностей тисненія, за неисполненіе вышеозначенныхъ правилъ, подвергаются наказаніямъ, постановленнымъ въ III-мъ раздѣлѣ настоящаго Устава.

§ 62. О привозѣ изъ-за границы скоропечатныхъ машинъ, печатныхъ станковъ и шрифтовъ таможни сообщаютъ непосредственно отъ себя: если товары эти идутъ въ столицы—въ канцеляріи генералъ-губернаторовъ, а если въ другія мѣста—въ канцеляріи начальниковъ губерній, съ обозначеніемъ, въ какомъ количествѣ и на чье имя привезенное чрезъ таможню здресовано. Свѣдѣнія эти, для должныхъ соображеній, передаются изъ означенныхъ канцелярій лицамъ, наблюдающимъ за тисненіемъ, т. е. въ столицахъ—инспекторамъ книгопечатанія, а въ прочихъ мѣстахъ—особымъ чиновникамъ, назначеннымъ для этой цѣли начальниками губерній.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

о книжной торговлѣ.

§ 63. Книжную торговлю составляютъ:

во-первыхъ—продажа книгъ въ книжныхъ магазинахъ, или лавкахъ, и отпускъ книгъ на прокатъ изъ кабинетовъ или библіотекъ для чтенія, и

во-вторыхъ — продажа книгъ и всякаго рода изданныхъ въ Россіи повременныхъ изданій отдѣльными нумерами, внѣ лавокъ, на площадяхъ

Къ § 60. Во Франціи повѣрка шнуровыхъ книгъ возложена на полицейскихъ чиновниковъ. У насъ было бы болѣе удобно контроль за сбытомъ принадлежностей тисненія поручить лицамъ, наблюдающимъ вообще за тисненіемъ въ типографіяхъ и литографіяхъ, какъ потому, что при такой системѣ контроль за книгопечатаніемъ, чрезъ сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ, становится полнѣе и вѣрнѣе, такъ и потому, что особые контролеры по дѣламъ книгопечатанія, избираемые изъ лицъ довѣренныхъ, представляютъ болѣе ручательства, чѣмъ обыкновенные полицейскіе чиновники, въ томъ, что надзоръ будетъ производимъ въ законныхъ предѣлахъ, съ огражденіемъ интересовъ общественныхъ и частныхъ и безъ стѣсненія промышленой дѣятельности лицъ, занимающихся производствомъ или продажею принадлежностей тисненія.

Къ § 62. Мѣра предосторожности весьма нелишняя, если принять въ соображеніе, что бо́льшая часть принадлежностей тисненія привозится у насъ изъ-за границы; скоропечатные, напримѣръ, станки всѣ у насъ выписные; даже шрифты и краска доставляются въ значительномъ количествѣ изъ-за границы. Поэтому, надзора за однимъ внутреннимъ производствомъ принадлежностей тисненія еще недостаточно для пресѣченія средствъ тайнаго печатанія. Да и самые магазины наполнены преимущественно привозными предметами этого рода, а потому повѣрка ихъ, безъ свѣдѣній, требуемыхъ настоящимъ параграфомъ, была бы весьма затруднительна, если не невозможна.

Къ § 63. У насъ, какъ и во всѣхъ западныхъ государствахъ, существуетъ собственно четыре вида книжной торговли, которые, по существенному ихъ характеру, можно подвести подъ два разряда, изъ которыхъ только первый составляетъ книжную торговлю, производимую на правильныхъ началахъ, а второй относится скорѣе къ промыслу, предпринимаемому и совершаемому случайно мелкими промышленниками для добыванія насущнаго хлѣба. Французское законодательство также различаетъ собственно книгопродавцевъ и содержателей ка-

или улицахъ, и разноска ихъ по разнымъ мѣстамъ.

§ 64. Заводить въ городахъ книжныя лавки и кабинеты для чтенія предоставляется всѣмъ лицамъ безъ различія, также акціонернымъ компаніямъ и товариществамъ, взявшимъ, на основаніи

бинетовъ для чтенія отъ продавцевъ площадныхъ (étalagistes) и разнощиковъ (colporteurs). Послѣдніе могутъ торговать безъ патента и безъ принесенія присяги, подвергаясь, однако, нѣкоторымъ ограниченіямъ. Такъ до 1849 года площадные или уличные продавцы книгъ (étalagistes) могли продавать, не взявши патента, только азбуки, альманахи, псалтыри, не превышающіе объемовъ двухъ печатныхъ листовъ набора *cicero*. Разнощикамъ (colporteurs) дозволялась, также безъ патента, продажа только указовъ, постановленій судебныхъ, подлежащихъ обнародованію, альманаховъ, тарифовъ и небольшихъ книгъ, не превосходящихъ объемомъ восьми листовъ. Послѣ февральскаго переворота, въ 1849 году, національное собраніе постановило болѣе строгіе законы о надзорѣ за разносной продажей книгъ, а съ 1852 г. учреждена особая коммиссія для просмотра всѣхъ книгъ и картинъ, допускаемыхъ къ такой продажѣ. Съ этого времени уличные торговцы и разнощики могутъ продавать только дозволенныя коммиссіею книги, которыя для этой цѣли снабжаются особымъ штемпелемъ.

У насъ, по нынѣ дѣйствующимъ законамъ, площадные или уличные продавцы книгъ и разнощики не различаются. Въ приложеніи къ статьямъ 349 и 356 *Устава торговаго* (Т. XI, Св. Зак., изд. 1857 г.), въ росписи мелочей, коп могутъ быть продаваемы въ будкахъ, внѣ гостиныхъ дворовъ и домовъ, на столахъ и ларяхъ, на рынкахъ и улицахъ, значатся и *старыя книги и эстампы* въ разноску. На этихъ основаніяхъ, правомъ этимъ пользуются въ одинаковой мѣрѣ и уличные продавцы и разнощики. Впрочемъ, такое право значительно ограничено Высочайше утвержденнымъ 8-го мая 1850 г. постановленіемъ государственнаго совѣта, по которому въ столицахъ и тѣхъ городахъ, въ коихъ существуютъ книжныя лавки, запрещается продажа книгъ разнощиками на улицахъ или площадяхъ, но о запрещеніи продажи эстамповъ ничего не упоминается.

Особаго вниманія здѣсь заслуживаетъ выраженіе: *старыя книги*. Что оно означаетъ? Давно напечатанныя, т. е. старинныя, или и недавно напечатанныя, но подержанныя. Такая неопредѣленность допускаетъ уличныхъ продавцевъ и разнощиковъ продавать всякаго рода книги, что они и дѣлаютъ. Дѣйствительно ли эти постановленія объ уличныхъ продавцахъ и разнощикахъ книгъ соотвѣтствую настоящимъ потребностямъ, и что могло бы подвергнуться здѣсь измѣненію, объ этомъ сказано будетъ ниже въ объясненіи къ § 67.

Къ § 64. Въ *Пруссіи* на производство книжной торговли имѣютъ право лица, неопороченныя по суду, или неисключенныя изъ какого-либо общества, по его приговору, и выдержавшія, кромѣ того, изустное и письменное испытаніе, которое производится коммиссіею изъ книгопродавцевъ.

дѣйствующихъ нынѣ законовъ, узаконенное гильдейское свидѣтельство на право торговли.

Письменное испытаніе состоитъ въ рѣшеніи двухъ задачъ: одной — по технической части и другой—по части законоположеній, относящихся до книжной торговли. Изустное испытаніе служитъ для удостовѣренія въ общемъ образованіи испытуемаго, отъ котораго, между прочимъ, требуется знаніе исторіи литературы. Выше замѣчено, при объясненіи къ § 42, по поводу испытанія на право производства типографскаго ремесла, почему подобныя испытанія у насъ непримѣнимы, да и вездѣ скорѣе вредны, чѣмъ полезны, а потому къ прежнимъ доводамъ достаточно присовокупить еще одно замѣчаніе.

Для развитія нашей книжной торговли нужны: усиленіе издательской дѣятельности, облегченіе средствъ къ распространенію книгъ по всей Имперіи и возбужденіе бо̀льшей любознательности чрезъ распространеніе образованія въ массѣ народа. Безъ этихъ условій малоуспѣшна будетъ дѣятельность и книгопродавца образованнаго, примѣры чему представляютъ наши книгопродавцы, не смотря на то, что между ними встрѣчаются въ настоящее время люди весьма образованные.

Во *Франціи* книгопродавецъ долженъ имѣть патентъ и принести присягу въ томъ, что онъ не будетъ ни продавать, ни раздавать сочиненій, противныхъ обязанностямъ въ отношеніи къ государю и интересамъ государства. Патентъ дается только лицамъ, доказавшимъ свою добрую нравственность и преданность государю и отечеству; представленіе доказательствъ *способности*, какъ это постановлено въ отношеніи къ типографщикамъ, не требуется отъ книгопродавцевъ.

Въ текстѣ § 64 предоставлено право заводить книжныя лавки не только отдѣльнымъ лицамъ, но и акціонернымъ компаніямъ, товариществамъ, что̀ гораздо лучше во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ предоставленіе такого права одному лицу, какъ это принято въ Прусскомъ и Французскомъ законодательствахъ, съ тою цѣлію, чтобы имѣть всегда на виду отвѣтственное лицо, съ котораго можно было бы взыскать, въ случаѣ нарушенія правилъ, постановленныхъ для книжной торговли. Акціонерныя компаніи и товарищества имѣютъ ту несомнѣнную выгоду, что: во-первыхъ, бо̀льшимъ количествомъ капитала доставляютъ возможность ширѐ развить торговлю; во-вторыхъ, коллегіальнымъ способомъ обсужденія торговыхъ операцій могутъ придать самой торговлѣ болѣе раціональный характеръ, и въ-третьихъ, наконецъ, у насъ, при недостаткѣ капиталовъ у людей образованныхъ, имѣющихъ желаніе предпринять книжную торговлю, составляютъ существенную для пользы этого дѣла необходимость.

Отвѣтственность за нарушеніе правилъ о торговлѣ и здѣсь существуетъ точно также, и падаетъ на лицо, которому будетъ довѣрено компаніею упра-

§ 65. Лица, получившія по гильдейскому свидѣтельству право на учрежденіе книжнаго магазина, обязаны: въ столицахъ—генералъ-губернаторамъ, а въ прочихъ мѣстахъ—начальникамъ губерній:

а) заявить, гдѣ именно будутъ находиться ихъ магазины и кабинеты и кто именно долженъ считаться отвѣтственнымъ лицомъ въ каждомъ магазинѣ или кабинетѣ, и

б) представить письменное обязательство, что они, при производствѣ торговли, будутъ подчиняться во всемъ постановленнымъ касательно сей торговли законамъ.

§ 66. Въ столицахъ — въ канцеляріяхъ генералъ-губернаторовъ, а въ прочихъ мѣстахъ — въ канцеляріяхъ начальниковъ губерній, ведутся списки всѣмъ книжнымъ магазинамъ и кабинетамъ для чтенія, съ обозначеніемъ отвѣтственныхъ лицъ въ каждомъ изъ этихъ магазиновъ и кабинетовъ; свѣдѣнія эти сообщаются по принадлежности въ главное управленіе по дѣламъ книгопечатанія.

§ 67. Продажа книгъ и различнаго рода повременныхъ изданій отдѣльными нумерами не въ лавкахъ, а на улицахъ и площадяхъ, а равно и разноска ихъ по разнымъ мѣстамъ дозволяются на правахъ свободной торговли, согласно съ нынѣ дѣйствующими законами, всѣмъ лицамъ, при чемъ уличные продавцы и разнощики могутъ производить такую торговлю во всякомъ мѣстѣ и всякаго рода книгами, напечатанными на Русскомъ языкѣ и въ Россіи, съ соблюденіемъ условій, постановленныхъ въ настоящемъ Уставѣ.

вленіе книжною торговлею въ томъ или другомъ мѣстѣ, что̀ представляетъ еще болѣе гарантіи за соблюденіе правилъ, чѣмъ возложеніе отвѣтственности на какое-либо чисто-самостоятельное лицо, потому что довѣренное отъ компаніи лицо отвѣчаетъ въ такомъ случаѣ и предъ правительствомъ и предъ своими довѣрителями, интересы которыхъ оно заставляетъ страдать нарушеніемъ правилъ, предписанныхъ законами.

Къ §§ 65 и 66. Изложенныя здѣсь правила достаточны для того, чтобы правительство могло знать какъ о всѣхъ существующихъ книжныхъ магазинахъ и кабинетахъ для чтенія, такъ и объ управляющихъ этими заведеніями, что̀ дастъ возможность контроля за ними и облегчитъ средства взысканія, въ случаѣ нарушенія установленныхъ правилъ.

При отсутствіи разныхъ стѣснительныхъ условій, которыми сопровождается, какъ сказано выше, въ Прусскомъ и особенно Французскомъ законодательствахъ, разрѣшеніе на право книжной торговли, постановленыя здѣсь требованія Коммиссія находитъ удобоисполнимыми и не противорѣчащими существующимъ у насъ законамъ о книжной торговлѣ.

Къ § 67. Въ настоящее время, какъ замѣчено выше въ объясненіи къ § 63, для уличныхъ продавцевъ и разнощиковъ книгъ у насъ существуютъ два ограниченія: 1) предоставленіе имъ только продажи старыхъ книгъ и 2) запрещеніе производить продажу въ столицахъ и городахъ, имѣющихъ книжные магазины.

По *Французскому* законодательству, уличные продавцы и разнощики также могутъ продавать, какъ сказано выше, только извѣстнаго рода книги, снабженныя дозволительнымъ штемпелемъ особой коммиссіи; въ *Саксоніи* ограниченіе въ этомъ отношеніи выражено въ общихъ чертахъ, именно: что мѣстная полиція можетъ дать дозволеніе на подобную продажу только извѣстныхъ произведеній; но ни въ Саксонскомъ, ни въ Прусскомъ, ни даже во Француз-

скомъ законодательствахъ, столь щедрыхъ на разнаго рода ограниченія, не постановлено запрещенія продавать книги на улицахъ и въ разноску въ городахъ имѣющихъ книжные магазины.

У насъ оба вышеприведенныя ограниченія приносятъ положительный вредъ. Первое ограниченіе вредно уже потому, что оно, по неопредѣлительности своей, даже не можетъ быть исполнено, давая такимъ образомъ поводъ обойти законъ. Но еслибы ограниченіе было выражено и совершенно ясно, какъ напримѣръ во Французскомъ законодательствѣ, то и въ такомъ случаѣ оно было бы скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Разнощики, или, какъ называются они у насъ, офени, ходебщики, варяги суть единственныя лица, чрезъ посредство коихъ книги проникаютъ у насъ въ отдаленные уголки Имперіи, не имѣющіе и не могущіе имѣть никакихъ сношеній съ книгопродавцами, ведущими правильную торговлю. Спрашивается теперь: какая же выгода сваливать въ эти уголки, какъ теперь дозволяется, только старый, залежалый хламъ, или книги, не имѣющія никакого достоинства? Не значитъ ли это поддерживать между массой населенія вкусъ къ такого рода книгамъ, какъ Бова Королевичъ, Еруслань Лазаревичъ, Приключенія милорда Георга Англійскаго и т. п.? Такіе ходебщики не могутъ сдѣлать подрыва и книгопродавцамъ, а напротивъ будутъ весьма полезными ихъ коммиссіонерами въ развитіи ихъ книжной торговли. Опасаться, что они, подъ предлогомъ своего промысла, будутъ распространять вредныя книги — напрасно: потому что они ведутъ промыселъ свой открыто, и слѣдовательно подвержены безпрерывному и повсемѣстному контролю; желающіе же, или имѣющіе выгоды въ распространеніи вредныхъ книгъ, дѣлаютъ это всегда тайно, чтобы избѣжать такимъ образомъ законной кары. Наконецъ, что̀ принять за норму при такомъ ограниченіи? *Извѣстнаго рода книги*; но это значило бы замыкать образованіе народа въ опредѣленный кругъ. Да и кто возьметъ на себя рѣшить, какія именно книги нужны массѣ народа и какія не нужны; всякой, конечно, будетъ пріобрѣтать только то, что ему по силамъ и по вкусу,—иначе, надобно предположить въ немъ намѣреніе напрасно бросать деньги, что̀ несовмѣстно съ здравымъ смысломъ. *Извѣстный объемъ книги*; но это было бы безполезно (что̀ признало и Французское законодательство, уклонившись отъ этой нормы): потому что иная книга небольшаго объема можетъ быть гораздо вреднѣе книги большаго объема. Не лучше ли, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, предоставить уличнымъ продавцамъ и разнощикамъ продажу всякаго рода книгъ, напечатанныхъ въ предѣлахъ Имперіи и на Русскомъ языкѣ, какъ это сдѣлано въ текстѣ § 67-го. Такая мѣра не будетъ ограниченіемъ, потому что публика, покупающая у офеней, не нуждается въ книгахъ на иностранныхъ языкахъ, а между тѣмъ она пріобрѣтетъ возможность покупать на Русскомъ языкѣ всѣ полезныя и нужныя книги; съ другой

§ 68. Лица, желающія производить уличную и разносную продажу книгъ и повременныхъ изданій отдѣльными нумерами, должны имѣть свидѣтельства на право разносной торговли, согласно съ существующими для таковой торговли правилами, и, кромѣ того, дозволеніе мѣстнаго полицей-

стороны, требованіе, чтобы разнощики могли продавать только книги, напечатанныя въ Россіи, послужитъ преградой къ распространенію вредныхъ книгъ, печатаемыхъ на Русскомъ языкѣ за границей. Къ этимъ доводамъ въ пользу дозволенія разносчикамъ продавать всякаго рода книги, можно присовокупить еще одно практическое замѣчаніе. Книги, продаваемыя разносчиками, состоятъ преимущественно изъ сочиненій небольшаго объема, которыя, на основаніи настоящаго Устава, подлежатъ цензурѣ: обстоятельство это уже одно само по себѣ представляетъ достаточную гарантію за отсутствіе неблагонамѣреннаго содержанія такихъ книгъ.

Не менѣе вредно и второе ограниченіе касательно мѣста продажи книгъ, не существующее, какъ уже замѣчено выше, даже и во Франціи. Какое основаніе лишать уличныхъ продавцевъ и разнощиковъ права продавать книги въ городахъ, имѣющихъ книжные магазины? Конечно, это ограниченіе сдѣлано не для выгоды книгопродавцевъ, потому что послѣдніе не могутъ имѣть въ томъ выгоды; оно безполезно и въ смыслѣ предотвращенія злоупотребленій, потому что уличные продавцы и разнощики подлежатъ, по сущности ихъ промысла, еще бо̀льшему контролю, чѣмъ книгопродавцы, торгующіе въ лавкахъ гдѣ не всѣ книги могутъ быть на виду. А между тѣмъ ограниченіе это приноситъ ущербъ и лицамъ, занимающимся этимъ промысломъ, и потребителямъ и самой книжной торговлѣ. Въ большихъ городахъ, гдѣ наболѣе развита любознательность, уличные продавцы и разнощики могутъ разсчитывать на бо̀льшій сбытъ; лишать ихъ права продавать здѣсь — значитъ отнимать у нихъ въ значительной долѣ средства къ существованію. Потребители также не менѣе терпятъ отъ этого. Это — простые люди, мѣщане, подгородные крестьяне, мелкіе чиновники, которые не пойдутъ въ книжные магазины, гдѣ они чувствовали бы себя въ неловкомъ положеніи, но охотно будутъ покупать книги, разложенныя на ларяхъ и столахъ по улицамъ. Запрещеніе этой продажи ведетъ только къ уменьшенію числа читающихъ между этими людьми, а изъ этого обстоятельства, какъ прямое слѣдствіе, вытекаетъ вообще ослабленіе книжной торговли.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, въ текстѣ § 67 предоставляется уличнымъ продавцамъ и разнощикамъ право торговли во всѣхъ мѣстахъ безъ исключенія.

Къ § 68. Для контроля надъ разнощиками книгъ достаточны означенныя въ этой статьѣ требованія. Дозволеніе на торговлю и полицейское наблюденіе за производствомъ ея считаются достаточными въ отношеніи къ уличнымъ продавцамъ и разнощикамъ книгъ и во Франціи, Пруссіи и Саксоніи. И тамъ признаютъ невозможнымъ подчинить ихъ одинаковымъ условіямъ съ книгопродавцами, ведущими правильную торговлю. Во *Франціи* такое разрѣ-

ского начальства на производство означеннаго промысла и документъ о своемъ званіи.

§ 69. Книжные магазины и кабинеты для чтенія имѣютъ право держать у себя и продавать или давать для чтенія книги, напечатанныя въ Россіи на Русскомъ или иностранныхъ языкахъ, всѣ, изданныя согласно постановленіямъ настоящаго устава, а изъ книгъ, печатанныхъ за границей, на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ,—только такія которыя не значатся въ общемъ каталогѣ запрещенныхъ книгъ.

§ 70. Если книга, вышедшая въ Россіи съ соблюденіемъ вышеозначенныхъ условій, подверглась впослѣдствіи запрещенію, то за распространеніе такой книги, пока она не внесена въ каталогъ запрещенныхъ, продавцы и содержатели кабинетовъ для чтенія не подвергаются отвѣтственности.

§ 71. Списокъ запрещенныхъ книгъ, напечатанныхъ на Русскомъ или иностранныхъ языкахъ за границей, долженъ быть извѣстенъ всѣмъ книгопродавцамъ и содержателямъ кабинетовъ для чтенія, а потому каталоги такихъ запрещенныхъ книгъ печатаются по распоряженію главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія и пополняются ежемѣсячно, которое обязано, по требованію содержателей книжныхъ магазиновъ и кабинетовъ для чтенія, доставлять имъ означенные каталоги. Въ каталоги эти вносятся и книги, вышедшія въ

шеніе дается, на основаніи засвидѣтельствованія мѣстнаго мера о доброй нравственности просителя, при чемъ требуются также особое показаніе примѣтъ просителя и квитанція въ исправномъ платежѣ имъ податей. Само собою разумѣется, что при этой системѣ министерству внутреннихъ дѣлъ почти невозможно имѣть постоянныя свѣдѣнія о всѣхъ такихъ лицахъ, — иначе пришлось бы завалить канцеляріи присутственныхъ мѣстъ нѣсколькихъ инстанцій безплодною работою сообщенія свѣдѣній о нихъ. Подобная работа безплодна потому, что она можетъ удовлетворять только пустому любопытству, не принося ни малѣйшей пользы дѣлу и нисколько не способствуя ни облегченію, ни усиленію контроля.

Къ §§ 69 и 70. Для обезпеченія общественнаго порядка отъ распространенія вредныхъ книгъ и въ видахъ гарантіи самихъ книгопродавцевъ и содержателей кабинетовъ для чтенія, необходимо постановить, чтобы въ обращеніи у нихъ находились изъ Русскихъ только такія, которыя изданы согласно съ постановленіями настоящаго Устава, а изъ напечатанныхъ за границей—такія, которыя не значатся въ особомъ каталогѣ запрещенныхъ книгъ. Во *Франціи*, Пруссіи и Саксоніи обращеніе туземныхъ книгъ допускается свободно, если на книгѣ значится названіе типографіи и если не послѣдовало потомъ запрещенія такой книги, что оговорено и здѣсь въ ст. 69. Въ *Англіи* обозначеніе имени и мѣста жительства типографщика не только на первомъ, но и на послѣднемъ листѣ каждаго отпечатаннаго сочиненія считается также необходимымъ условіемъ; продающіе же или распространяющіе сочиненія безъ такого обозначенія, или съ ложнымъ обозначеніемъ, могутъ быть арестованы каждымъ и представлены мировому судьѣ. По нынѣ дѣйствующимъ законамъ, у насъ требуется означеніе, сверхъ того, на книгѣ одобренія цензора, которое для сочиненій, не подвергающихся цензурѣ, само собою разумѣется, будетъ излишнимъ.

Къ § 70. Въ отношеніи выписки иностранныхъ книгъ, книгопродавцы наши теперь значительно стѣснены, потому что имъ не извѣстенъ въ точности каталогъ запрещенныхъ книгъ. Выписывая книги, они дѣлаютъ это на свой страхъ, и весьма часто, послѣ различныхъ проволочекъ, бываютъ вынуждены отсылать выписанныя книги обратно на свой счетъ, если онѣ не одобряются комитетомъ цензуры иностранной. Такой порядокъ, невыгодный для книгопродавцевъ, убыточенъ и для потребителей, потому что ведетъ къ увеличенію цѣнности книгъ и замедляетъ ихъ пріобрѣтеніе. Поэтому необходимо издавать при главномъ управленіи по дѣламъ книгопечатанія полные и точные каталоги книгъ, запрещенныхъ къ обращенію, и каталогами этими снабжать книгопродавцевъ.

Въ *Саксоніи* дѣлается это совершенно гласно. Тамъ министерство внутреннихъ

Россіи съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, но впослѣдствіи запрещенныя.

§ 32. Нарушеніе вышеозначенныхъ правилъ книгопродавцами, содержателями кабинетовъ для чтенія, уличными продавцами и разнощиками книгъ подвергаетъ виновныхъ взысканіямъ, порядокъ и степень которыхъ опредѣлены въ III-мъ раздѣлѣ настоящаго Устава.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

дѣлъ о всѣхъ запрещенныхъ книгахъ печатаетъ въ Лейпцигскихъ газетахъ, и такое объявленіе, по истеченіи трехъ дней, дѣлается уже обязательнымъ для всѣхъ книгопродавцевъ. Едва ли эта мѣра не раціональнѣе, хотя она у насъ встрѣтила бы сильное противодѣйствіе со стороны тѣхъ лицъ, которыя думаютъ, что гласное объявленіе запрещенныхъ книгъ усилитъ ихъ распространеніе.

Соображенія, по которымъ обнародованіе всякаго сочиненія должно подлежать извѣстнымъ условіямъ и формальностямъ, примѣняются еще гораздо въ большей степени къ повременнымъ изданіямъ, какъ къ такимъ произведеніямъ печати, которыя обыкновенно болѣе другихъ распространяются въ обществѣ. Современныя новости, сообщаемыя сими изданіями, обсужденіе вопросовъ и происшествій, занимающихъ общее вниманіе, и наконецъ разныя объявленія правительственныя, промышленыя и другія, касающіяся всякаго рода житейскихъ потребностей, создаютъ для этихъ изданій обширный кругъ читателей. Вліяніе газетъ и журналовъ увеличивается еще какъ тѣмъ, что онѣ предлагаются для чтенія во многихъ публичныхъ мѣстахъ (кофейняхъ, клубахъ и др.); такъ и тѣмъ, что журнальныя статьи пишутся не для спеціалистовъ, а для наименѣе приготовленныхъ читателей, которыхъ необходимо завлекать приманчивостью формы и забавлять разнообразіемъ содержанія. По всѣмъ этимъ причинамъ, вліяніе повременной литературы на общество таково, что съ нимъ никакъ не можетъ сравниться дѣйствіе, производимое книгами, брошюрами и другими, отдѣльно выходящими сочиненіями. Извѣстно, что одно и то же сочиненіе, появившееся въ журналѣ, будетъ прочитано гораздо бо̀льшимъ числомъ лицъ, нежели въ томъ случаѣ, если оно издано отдѣльно. Поэтому, какъ съ одной стороны польза, приносимая сочиненіемъ, будетъ въ такомъ случаѣ значительнѣе, такъ съ другой стороны и вредъ, имъ наносимый, будетъ глубже и обширнѣе. По этой причинѣ, почти во всѣхъ Европейскихъ государствахъ, даже и въ тѣхъ, въ которыхъ, при конституціонной формѣ правленія, свобода печати считается одною изъ основъ гражданской свободы, повременныя изданія подчинены дѣйствію нѣкоторыхъ особыхъ полицейскихъ законовъ, съ цѣлью —

§ 73. Повременными изданіями признаются: 1) газеты и журналы, выходящіе въ свѣтъ отдѣльными нумерами, листами или книжками, въ опредѣленные сроки; 2) сборники, или собранія новыхъ, оригинальныхъ или переводныхъ сочиненій или статей разныхъ писателей, издаваемыхъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ и выходящихъ болѣе двухъ разъ въ годъ.

Примѣчаніе 1. Принадлежащими къ составу газеты или журнала считаются лишь такія приложенія, которыя выходятъ съ ними одновременно и нераздѣльно, и не продаются особо ни по подпискѣ, ни отдѣльными нумерами. Напротивъ того, всякое изданіе, имѣющее характеръ особаго журнала или газеты, и которое можетъ быть пріобрѣтаемо отдѣльно, по подпискѣ или покупкою каждаго нумера, не считается приложеніемъ къ другому повременному изданію, хотя бы и имѣло одно общее съ нимъ заглавіе, и посему, всѣ установляемыя настоящимъ Уставомъ условія появленія въ свѣтъ должны быть соблюдаемы каждымъ изъ обоихъ изданій порознь.

Примѣчаніе 2. Къ сборникамъ не относятся: 1) собранія напечатанныхъ уже прежде сочиненій и переводовъ, въ родѣ христоматій; 2) собранія древнихъ актовъ; 3) мѣстные календари; 4) словари языковъ.

оградить правительство, общество и интересы частныхъ лицъ отъ вреда, какой имъ можетъ быть наноснмъ злоупотребленіемъ печатнаго слова.

Къ § 73. Такъ какъ въ основаніяхъ проекта законодательства о книгопечатаніи принято различать повременныя, или періодическія изданія отъ прочихъ произведеній печати и подвергать первыя дѣйствію нѣкоторыхъ особыхъ постановленій, то необходимо прежде всего точно опредѣлить, какія изданія законъ относитъ къ числу повременныхъ. Съ перваго взгляда кажется, что опредѣленіе понятія *періодическаго изданія* не представляетъ никакихъ трудностей; и дѣйствительно, дотолѣ, доколѣ изданія этого рода не составляютъ предмета особыхъ законовъ, нарушеніе которыхъ влечетъ за собою судебныя и полицейскія взысканія, терминъ: *періодическое изданіе* — въ томъ смыслѣ, какъ онъ существуетъ въ общемъ употребленіи, опредѣлить не трудно. Но задача измѣняется, когда требуется дать юридическое опредѣленіе слова. Нельзя указать ни одного такого внѣшняго признака, по которому можно было бы безошибочно отличить повременное изданіе отъ всякаго другаго и устранить возможность спора въ этомъ отношеніи. Поэтому, ни въ одномъ изъ иностранныхъ законодательствъ, въ которыхъ періодическая пресса подчинена дѣйствію особыхъ постановленій, мы не встрѣчаемъ юридическаго опредѣленія періодическаго изданія. При невозможности подобнаго опредѣленія, эти законодательства предоставляютъ судамъ рѣшеніе вопроса въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ: относится ли то, или другое изданіе къ числу періодическихъ или нѣтъ.

Шассанъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи *Traité des délits et contraventions de la parole, de l'écriture et de la presse* (2 éd. Tom. I p. 570), даетъ пространное опредѣленіе періодическаго изданія, извлеченное путемъ толкованія изъ многоразличныхъ случаевъ судебной Французской практики. Опредѣленіе его слѣдующее:

Sous le point de vue de la publication, on donne le nom de journal à tout écrit paraissant:

Quotidiennement ou non;

Soit à jour fixe, soit par livraison, régulièrement ou irrégulièrement;

A des intervalles inégaux et avec l'annonce qu'on ne s'astreindra à aucune régularité dans l'émission de l'écrit;

Sous le même titre, mais en formant une série de publications par ordre numérique;

Ou bien sous des titres différents, alors même que l'une des deux feuilles serait présentée comme étant le supplément de l'autre;

A des époques successives;

Déterminées, ou indéterminéis, même sans abonnés, ni listes d'abonnements;

Et alors même que l'écrit est en vers et ne renferme que des satires contre des personnages politiques et des allusions aux événements du jour.

Tous les écrits, en un mot, quels que soient le mode et l'époque de leurs publications succesives, qui, par leur titre, leur plan et leur esprit, forment un ensemble et un tout, peuvent être considérés par les tribunaux comme appartenant à la classe des journaux ou écrits périodiques. C'est pour les magistrats une question d'application qui toutefois ne constitue par tellement une question de fait qu'elle puisse toujours échapper au contrôle de la Cour suprême.

Въ *Англіи*, по закону 1819 года, считаются періодическими изданіями и вслѣдствіе того подлежащими дѣйствію постановленій о сихъ изданіяхъ, всякіе листы или брошюры, посвященные новостямъ или предметамъ политическимъ или религіознымъ, появляющіеся въ промежутки времени менѣе 26 дней, имѣющіе не болѣе 2 листовъ печати, или продающіеся дешевле 6 пенсовъ.

Прусскій законъ о книгопечатаніи (12 мая 1851) подвергаетъ дѣйствію особыхъ постановленій только газеты и повременныя изданія, выходящія въ свѣтъ въ мѣсячные или кратчайшіе, хотя бы и неопредѣленные сроки; но что̀ законъ разумѣетъ подъ именемъ газеты и повременнаго изданія, о томъ нигдѣ не сказано. Вопросъ о семъ возникъ и былъ рѣшенъ въ формѣ толкованія закона въ зиму 1858 — 1859 года, по случаю процеса нѣкоего Фрезе, который подъ заглавіемъ *Lithographirte Kammer-Korrespondenzen* составлялъ ежедневно отчеты о засѣданіяхъ обѣихъ палатъ и сообщалъ ихъ въ литографированныхъ экземплярахъ абонированнымъ у него редакціямъ газетъ. Главный судъ призналъ это изданіе относящимся къ числу тѣхъ, которыя, по закону 1851 года, подлежатъ обязанности внесенія залога, и началъ противъ Фрезе искъ; но каммергерихтъ, постановленіемъ 24 мая 1859 года, рѣшилъ, что означенная *Kammer-Korrespondenz* не должна быть относима къ числу періодическихъ изданій, и привелъ на то слѣдующія основанія: газета или журналъ назначается для *самостоятельнаго* и непосредственнаго опубликованія; этого признака не представляетъ изданіе *Kammer-Korrespondenz:* ибо назначеніе его состоитъ лишь въ томъ, чтобы обратиться въ составную часть газеты, какъ самостоятельнаго цѣлаго, и уже отъ усмотрѣнія и воли абонентовъ зависитъ брать оттуда, въ какомъ имъ угодно размѣрѣ, для обнародованія. Литографическая корреспонденція, въ родѣ той, о которой идетъ рѣчь, можетъ по этому быть уподоблена тѣмъ писаннымъ письмамъ, которыя доставляются редакціямъ ихъ корреспондентами, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ и тотъ же корреспондентъ, для своего собственнаго облегченія и для ускоренія дѣла, производитъ техническимъ способомъ столько копій съ своего письма, сколько лицъ, которыхъ онъ долженъ удовлетворить. Каждый нумеръ корреспонденціи г. Фрезе

есть *письмо*, а каждый экземпляръ онаго — *копія подлинника* (*Schwarck*, Das Gesetz über die Presse vom 12. Mai 1851. Berlin, 1862, стр. 51).

Съ Прусскимъ сходенъ и *Австрійскій* законъ 27 мая 1852, въ которомъ § 9 гласитъ: «Als eine periodische Druckschrift ist jene anzusehen, welche entweder täglich, oder doch zum mindesten einmal im Monate, wenn auch in ungleichen Zeitabschnitten erscheint». — Слѣдовательно, какъ по Прусскому, такъ и по Австрійскому законамъ, повременными изданіями, на которыя простирается дѣйствіе особыхъ полицейскихъ постановленій, считаются лишь такія, которыя выходятъ не менѣе 12 разъ въ годъ; всѣ прочія, появляющіяся рѣже сего, приравнены съ обыкновенными произведеніями печати.

Нашъ Цензурный Уставъ равномѣрно не содержитъ въ себѣ точнаго опредѣленія того, что̀ должно разумѣть подъ *повременнымъ изданіемъ;* но при существованіи системы предварительной цензуры, при которой на выпускъ въ свѣтъ какого бы то ни было произведенія печати требуется предварительное разрѣшеніе, отсутствіе такого опредѣленія и не можетъ порождать никакихъ недоразумѣній. Но иначе будетъ тогда, когда одни произведенія печати (объемомъ менѣе 20 листовъ; см. § 1 сего проекта) будутъ выходить въ свѣтъ безъ предварительной цензуры; другія же (повременныя) будутъ подвержены дѣйствію особыхъ постановленій, нарушеніе коихъ будетъ навлекать отвѣтственность и взысканія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда недостатокъ совершенно точнаго, юридическаго опредѣленія того, что законъ разумѣетъ подъ словомъ *повременное изданіе*, должно будетъ породить собою на практикѣ немало такихъ случаевъ, въ которыхъ представятся поводы къ спорамъ между издателями и администраціею. Имѣя это въ виду, коммиссія старалась редакціею настоящаго параграфа заключить объемъ произвольныхъ толкованій въ возможно тѣсные предѣлы. Основаніемъ для сего параграфа послужила главнѣйшимъ образомъ 16-я статья нынѣ дѣйствующаго цензурнаго устава; но при этомъ коммиссія сочла необходимымъ принять слѣдующія измѣненія означенной статьи. Удержавъ изъ 2 пункта 16 статьи цензурнаго устава опредѣленіе того, что такое сборникъ, она признаетъ умѣстнымъ опустить слѣдующія затѣмъ слова: *Сборникъ можетъ выйти въ свѣтъ одинъ только разъ или выходитъ ежегодно. Содержаніе его бываетъ литературное, ученое или художественное, съ раздѣленіемъ, если признается нужнымъ, по родамъ литературы, наукъ и искусствъ. Издаваемые одновременно сборники должны выходить въ свѣтъ не иначе, какъ въ полномъ объемѣ своемъ, а не отдѣльными томами и выпусками.* Причины, по которымъ нѣтъ надобности сохранить эти слова въ текстѣ закона, понятны сами собою. Законъ долженъ опредѣлять нормы для дѣйствій, а не заниматься поясненіемъ понятій, лежащихъ внѣ его сферы. Если въ законѣ сказано, что сборникъ есть собраніе сочиненій или статей разныхъ

§ 74. Всякій, желающій выдавать въ свѣтъ одно изъ повременныхъ изданій, обозначенныхъ въ предыдущемъ параграфѣ, обязанъ предварительно испросить на то разрѣшеніе правительства. Прошенія о семъ подаются въ главное управленіе по дѣламъ книгопечатанія. Въ нихъ должны быть означены:

а) Названіе или заглавіе изданія, программа онаго и сроки выхода въ свѣтъ.

писателей, то безполезно говорить, что *содержаніе его бываетъ литературное, ученое или художественное, съ раздѣленіемъ, если признается нужнымъ, по родамъ литературы, наукъ и искусствъ*, ибо это уже разумѣется само собою. Точно также нѣтъ надобности говорить, что сборникъ *можетъ выйти въ свѣтъ одинъ разъ, или же выходить ежегодно*. Ежегодно ли, чаще ли, или рѣже выходитъ сборникъ, онъ уже будетъ относиться къ разряду срочно появляющихся изданій, обозначенныхъ въ п. 1 настоящаго параграфа проекта Коммиссіи. Наконецъ, нѣтъ по вода стѣснять издателей тѣмъ опредѣленіемъ, которое заключается въ словахъ: *издаваемые одновременно сборники должны выходить въ свѣтъ не иначе, какъ въ полномъ объемѣ своемъ, а не отдѣльными выпусками или томами*. Если всякое сочиненіе можно выпускать отдѣльными выпусками или томами, то почему не дозволять этого сборнику, тѣмъ болѣе, что такое опредѣленіе находится въ противорѣчіи и съ тѣмъ, что сказано выше — что̀ сборникъ можетъ выходить ежегодно. По симъ соображеніямъ, дабы не затруднить безъ нужды изданія сборниковъ, Коммиссія признала подвести подъ норму повременныхъ изданій тѣ изъ нихъ, которыя будутъ выходить въ свѣтъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ болѣе двухъ разъ въ годъ.

Примѣчаніе 1-е къ настоящему параграфу содержитъ въ себѣ опредѣленіе, необходимость котораго понятна сама собою при постановленіяхъ, подвергающихъ появленіе повременныхъ изданій извѣстнымъ формальностямъ. Цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы предупредить возможность обходить законъ. Подобное постановленіе существуетъ въ Австріи (§ 9 закона о печати 27 мая 1852). Во Французскомъ законѣ оно хотя не выражено опредѣлительно, но вытекаетъ изъ толкованія законовъ и принято въ судебной практикѣ (*Chassan*, I, примѣч. 5 къ стр. 570).

Второе примѣчаніе къ настоящему параграфу составлено изъ окончанія п. 2 статьи 16 нынѣ дѣйствующаго Цензурнаго Устава, съ тѣмъ лишь различіемъ, что, вмѣсто: *разнаго рода словари*, въ проектъ внесено: *словари языковъ*, на томъ основаніи, что словари энциклопедическіе или реальные относятся къ сборникамъ.

Къ § 74. Въ отношеніи права на изданіе газетъ и журналовъ, Европейскія законодательства можно раздѣлить на три разряда: 1) въ *Бельгіи* всякій имѣетъ право печатать что ему угодно, въ томъ числѣ газеты и журналы, не имѣя надобности дѣлать о томъ заявленія правительству или представлять ему напечатанное прежде выпуска въ свѣтъ *); 2) въ *Англіи*, *Пруссіи*, *Саксоніи*, *Голландіи*, *Португаліи*, *Швейцаріи* и нѣкоторыхъ другихъ, всякій, желающій издавать газету или журналъ, обязанъ только сдѣлать о томъ прежде заявленіе

*) Arrêté du 16 octobre 1830. *Schuermans*, Code de la presse. Bruxelles. 1861, стр. 56.

б) Имена и мѣсто жительства издателя и отвѣтственнаго редактора, а если ихъ нѣсколько, то каждаго изъ нихъ.

в) Типографія, въ которой будетъ производиться печатаніе.

Кромѣ того, при прошеніи должны быть приложены: а) документы о личности какъ издателя, такъ и отвѣтственнаго редактора; б) письменное, за собственноручною подписью заявленіе отвѣтственнаго редактора, что онъ принимаетъ на себя завѣдываніе изданія, или части онаго, и какой именно; в) въ случаѣ, если издатель или отвѣтственный редакторъ состоитъ въ государственной службѣ, то письменное разрѣшеніе ихъ ближайшаго начальства на принятіе ими обязанностей издателя или редактора.

Въ случаѣ, если званіе издателя и отвѣтственнаго редактора будетъ совмѣщаться въ одномъ и томъ же лицѣ, то сіе должно быть сказано въ прошеніи.

полицейскому управленію; и 3) во Франціи (decret organique du 17 — 23 février 1852) и въ Австріи (Pressordnung vom 27 mai 1852, § 10) желающій издавать журналъ долженъ испросить, установленнымъ порядкомъ, разрѣшеніе правительства. Необходимость предварительнаго разрѣшенія существуетъ и въ нашихъ дѣйствующихъ законахъ (ст. 16 Цензурнаго Устава); посему это начало принято и Коммиссіею въ основу ея проекта.

Необходимость предварительнаго разрѣшенія предполагаетъ возможность, для правительства, отказать въ правѣ изданія журнала такому лицу, которое ему уже извѣстно со стороны своей неблагонамѣренности или которое не представляетъ достаточныхъ ручательствъ въ томъ, что будетъ вести журналъ въ направленіи, полезномъ для общества. Трудность, или даже совершенная невозможность указать опредѣленныя условія, при которыхъ кому-либо можетъ быть отказано въ правѣ изданія журнала, заставила Коммиссію отказаться отъ попытки ввести въ законъ болѣе опредѣлительности, и отнять у него тотъ характеръ произвола, котораго въ немъ нельзя отрицать. Несовершеннолѣтіе, медицински доказанное поврежденіе разсудка, опороченность судомъ — все это лишь немногіе изъ возможныхъ случаевъ, въ которыхъ правительство можетъ признать необходимымъ отказать кому-либо въ правѣ изданія журнала. Поэтому Коммиссія не признала возможнымъ вводить въ законъ какія-либо опредѣленія, всегда недостаточныя, означенныхъ случаевъ, предоставляя разрѣшеніе повременныхъ изданій вполнѣ усмотрѣнію правительства, отъ котораго зависитъ, благоразумнымъ примѣненіемъ такого постановленія, смягчить и устранить тѣ неудобства, которыя могутъ быть порождаемы произволомъ.

Въ редакціи настоящей статьи Коммиссія сочла необходимымъ ввести различіе между издателемъ (éditeur, bailleur de fonds) и отвѣтственнымъ редакторомъ (rédacteur responsable) и внести въ законъ требованіе, чтобы по каждому изданію былъ названъ отвѣтственный редакторъ. Въ нынѣшнемъ нашемъ цензурномъ законодательствѣ не дѣлалось никакого различія между этими двумя агентами журнальнаго дѣла; да и по обычаямъ нашего книгопечатанія, слова *издатель* и *редакторъ* принимаются даже въ общеупотребительномъ языкѣ нерѣдко какъ синонимы. Причина этого заключается, конечно, въ томъ, что до сихъ поръ, при неразвитости у насъ журналистики, большею частью редакторъ-литераторъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и промышленикомъ-издателемъ; правительство же, при существованіи предварительной цензуры, мало заботилось о томъ, кто издаетъ журналъ. Дѣйствительно, хотя по дѣйствующимъ законамъ, разрѣшеніе журналовъ было подчинено извѣстнымъ формальностямъ и условіямъ, тѣмъ не менѣе, при существующемъ и въ законѣ смѣшеніи понятій издателя и редактора, правительство мало обращало вниманія на то, подъ чьей редакціей выходитъ журналъ. Были примѣры, что журналъ, право

на *изданіе* котораго было дано одному лицу, выходилъ подъ *редакціей* другаго лица, котораго имя даже выставлялось, съ титуломъ редактора, на заглавномъ листѣ (Современникъ). На иныхъ изданіяхъ имя редактора даже и вовсе не выставляется и остается неизвѣстно публикѣ. Эти случаи объясняются лишь тѣмъ, что правительство видѣло въ предварительной цензурѣ достаточное средство обезпеченія не только государственныхъ выгодъ, но и интересовъ частныхъ лицъ. Между тѣмъ, цензура, если и можетъ служить охраною существующаго государственнаго порядка, то ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должна принимать на себя невозможной для нея задачи — огражденія личности гражданъ. Понятіе о чести чрезвычайно условно и относительно. Что̀ не обидно для одного, можетъ быть обидно для другаго, и никакой цензоръ не въ состояніи быть судьею того, напоситъ ли или нѣтъ какая нибудь-статья обиду частному лицу. Посему, въ отношеніи права частныхъ исковъ, Коммиссія приняла въ основу своего проекта, отвѣтственность авторовъ статей и редакторовъ журналовъ, не только при карательной системѣ законовъ, но и при предварительной цензурѣ; а отсюда необходимое слѣдствіе, что по каждому изданію долженъ быть и отвѣтственный редакторъ, котораго обязанности могутъ быть отправляемы и самимъ издателемъ, или же поручаемы другому лицу.

Въ случаѣ, когда издатель журнала считаетъ нужнымъ поручить званіе редактора другому лицу, ему принадлежитъ право избранія такого лица; въ сихъ случаяхъ проектъ Коммиссіи предоставляетъ правительству право одобренія или неодобренія сдѣланнаго издателемъ выбора.

По отношенію къ назначенію отвѣтственнаго редактора, иностранное законодательство можно раздѣлить на двѣ категоріи. Къ одной относятся законы Пруссіи, Саксоніи и нѣкоторыхъ другихъ Германскихъ государствъ, гдѣ на учрежденіе новаго журнала не требуется особаго разрѣшенія правительства, и гдѣ поэтому и избраніе редактора предоставлено совершенно на волю издателя. Въ сихъ странахъ законъ постановляетъ только, что отвѣтственный редакторъ долженъ имѣть извѣстныя качества. Такъ *Прусскій* законъ 12 мая 1851 года (§ 22) постановляетъ, что отвѣтственными редакторами могутъ быть только такія лица, которыя имѣютъ полное распоряженіе своимъ лицемъ и имуществомъ, пользуются всѣми гражданскими правами, и имѣютъ жительство въ предѣлахъ подсудности Прусскихъ судовъ. По *Саксонскому* закону 14 марта 1851 года, отвѣтственными редакторами могутъ быть только лица, мужескаго пола, не моложе 25 лѣтъ отъ рода, живущія въ Саксоніи, и пользующіяся какъ полнымъ правомъ распоряженія своимъ лицемъ и имуществомъ, такъ и политическими почетными правами. Другую категорію составляютъ законы Франціи и Австріи, гдѣ назначеніе отвѣтственныхъ редакторовъ поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія правительства. *Французскій* законъ (decret

§ 33. Если какое-либо правительственное установленіе признаетъ нужнымъ выпускать въ свѣтъ такое оффиціальное повременное изданіе, въ составъ коего входитъ и неоффиціальная часть, то министръ или главноуправляющій того вѣдомства, къ коему означенное установленіе принадлежитъ, сносится предварительно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, притомъ сообщаетъ ему имя отвѣтственнаго редактора, а если неоффиціальной части представляется, программою изданія, помѣщать

organique sur la presse, du 17 février 1852) требуетъ предварительнаго разрѣшенія правительства на назначеніе отвѣтственнаго редактора журнала, и установляетъ, что такое разрѣшеніе можетъ быть выдаваемо только Французскому подданному, совершеннолѣтнему, пользующемуся гражданскими и политическими правами. По *Австрійскому* закону (27 мая 1852 г.), редакторъ всякаго періодическаго изданія долженъ имѣть жительство въ мѣстѣ изданія журнала, имѣть отъ роду не менѣе 24 лѣтъ и быть Австрійскимъ гражданиномъ; кромѣ того, онъ долженъ имѣть право полнаго распоряженія своимъ лицемъ и имуществомъ, быть безукоризненной нравственности и имѣть ту степень ученаго образованія, какая необходима для веденія литературнаго предпріятія.

Коммиссія полагаетъ, что если правительству предоставлено безусловное право разрѣшенія или неразрѣшенія тому или другому лицу быть редакторомъ, то затѣмъ уже излишне опредѣлять закономъ же, какія качества долженъ имѣть редакторъ. Такія опредѣленія могутъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, лишь стѣснять правительство, и во всякомъ случаѣ порождать множество канцелярскихъ обрядовъ, безполезныхъ для дѣла и обременительныхъ. Напримѣръ, трудно себѣ представить, какими оффиціальными формальностями Австрійское правительство доходитъ до убѣжденія въ томъ, что какое-нибудь лице, предложенное въ редакторы, есть человѣкъ *безукоризненной нравственности*. Оцѣнка нравственности человѣка принадлежитъ всегда къ числу самыхъ трудныхъ задачъ, и ни въ какомъ случаѣ неразрѣшима путемъ оффиціальныхъ формальностей. При томъ, причины, по которымъ правительство можетъ счесть необходимымъ отказать кому-либо въ правѣ быть редакторомъ журнала, могутъ быть весьма различнаго рода; и предвидѣть ихъ впередъ, и исчислить всѣ, было бы невозможно. Еслибы впослѣдствіи, на практикѣ, оказалось необходимымъ ближайшимъ образомъ опредѣлить случаи, въ коихъ отказывается кому-либо въ правѣ быть редакторомъ журнала, то сіе удобнѣе сдѣлать въ формѣ инструкціи или предписанія министерскаго, чѣмъ вводить въ законъ.

Къ § 75. Журналы и газеты, издаваемые правительственными мѣстами, если содержатъ въ себѣ неоффиціальную часть, представляютъ собою въ этой части характеръ совершенно частныхъ изданій, и потому самыя простыя начала справедливости требуютъ, чтобы такія изданія были уравнены, въ отношеніи обязанности внесенія залога, съ прочими частными повременными изданіями. Къ тому же, необходимо допустить, что въ этой неоффиціальной части могутъ являться и такія статьи, которыя могутъ сдѣлаться предметомъ частнаго иска: ибо ни предварительная цензура, ни характеръ оффиціальности газеты не должны отнимать у частныхъ лицъ права искать себѣ удовлетворенія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они находятъ, что честь ихъ затронута или интересамъ ихъ

статьи по внутренней или внѣшней политикѣ, по общественнымъ дѣламъ или по политическимъ наукамъ, то препровождаетъ и залогъ, на основаніи §§ 84 и 85.

§ 76. Разрѣшенія на повременныя изданія духовнаго содержанія выдаются на основаніи правилъ устава о духовной цензурѣ.

нанесенъ ущербъ. Странно было бы, еслибы правительство, предоставляя каждому право искать себѣ законнымъ путемъ удовлетворенія за обиды, нанесенныя печатнымъ словомъ въ частныхъ журналахъ, въ то же время открыло бы, въ неоффиціальныхъ столбцахъ оффиціальныхъ органовъ свободное поприще для безнаказаннаго оскорбленія гражданъ. Этого, конечно, и допустить нельзя, а изъ этого—прямое слѣдствіе, что, по отношенію къ частнымъ искамъ, редакторъ неоффиціальной части казеннаго журнала долженъ подлежать отвѣтственности, одинаковой съ редакторами частныхъ изданій, т. е. можетъ подвергаться, по судебному приговору, и тюремному заключенію, и денежному штрафу, который въ сихъ случаяхъ долженъ падать на собственныя денежныя средства редактора, ибо нѣтъ никакого повода и никакой справедливости обременять государственный бюджетъ уплатою штрафовъ изъ казенныхъ суммъ. Другой вопросъ—найдетъ ли правительство достаточное число способныхъ людей, которые, при существованіи этого закона, согласились бы принять на себя обязанности отвѣтственнаго редактора, иногда за весьма умѣренное жалованіе и безъ всякаго участія въ выгодахъ предпріятія. Можетъ быть, отвѣтъ на этотъ вопросъ должно было бы дать отрицательный; но это приводитъ только къ другому вопросу: нужно ли и удобно ли правительству издавать такое большое, какъ нынѣ, число оффиціальныхъ газетъ и журналовъ съ неоффиціальною частью *). Коммиссія не считаетъ себя уполномоченною входить въ обсужденіе этого вопроса; тѣмъ не менѣе, по тѣсной связи его съ вопросомъ о правильнѣйшемъ устройствѣ дѣлъ по книгопечатанію, Коммиссія не можетъ не выразить своего убѣжденія, что съ принятіемъ по дѣламъ книгопечатанія болѣе правильной системы законодательства, замѣною предварительной цензуры карательною системою, означенный вопросъ о казенныхъ періодическихъ изданіяхъ непремѣнно требуетъ особаго подробнаго разсмотрѣнія, для того, чтобы согласить систему казенныхъ газетъ и журналовъ съ новымъ законодательствомъ по дѣламъ печати.

---

*) Къ этой категоріи изданій въ настоящее время относятся: 1) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія; 2) Сѣверная почта; 3) Журналъ министерства государственныхъ имуществъ; 4) Журналъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій; 5) Артиллерійскій журналъ; 6) Инженерный журналъ; 7) Горный журналъ; 8) Военный сборникъ; 9) Journal de St. Pétersbourg; 10) Вѣдомости С. Петербургской городской полиціи 11) Морской сборникъ; 12) Журналъ министерства юстиціи; 13) Военно-медицинскій журналъ; 14) Русскій инвалидъ; 15) Вѣдомости московской городской полиціи; 16) Губернскія и областныя вѣдомости (числомъ до 52).

§ 77. Получившій установленнымъ порядкомъ разрѣшеніе на какое-либо повременное изданіе сохраняетъ въ теченіе года право приступить къ выпуску въ свѣтъ таковаго изданія; если же въ теченіе сего срока, считающагося со времени выдачи разрѣшенія, онъ не началъ выпускать въ свѣтъ свое изданіе, то таковое считается несостоявшимся, а выданное разрѣшеніе — потерявшимъ силу. Въ случаѣ, еслибы онъ потомъ пожелалъ приступить къ тому же изданію, то входитъ о семъ съ новымъ прошеніемъ.

§ 78. Точно также всякое повременное изданіе, уже выходившее въ свѣтъ, но по какимъ-либо причинамъ не появлявшееся въ теченіе года, считается прекратившимся, и на возобновленіе онаго требуется новое разрѣшеніе.

§ 79. На всякую передачу повременнаго изданія отъ одного издателя другому, равно какъ на замѣну одного отвѣтственнаго редактора другимъ, испрашивается разрѣшеніе правительства порядкомъ, указаннымъ въ § 74. О перенесеніи изданія изъ одной типографіи въ другую, издатель долженъ извѣщать: въ столицахъ — канцеляріи военныхъ генералъ-губернаторовъ, а въ прочихъ мѣстахъ—канцеляріи начальниковъ губерній.

§ 80. Получившій разрѣшеніе на такое повременное изданіе, въ программу коего входятъ внутренняя или внѣшняя политика, общественныя дѣла или политическія науки, обязанъ, прежде

Къ §§ 78 и 79. Изложеніе сихъ параграфовъ основано на Высочайшемъ повелѣніи, состоявшемся по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія 5 мая 1862 (см. въ прилож.), съ тѣмъ лишь отступленіемъ, что Коммиссія сочла нужнымъ опустить правило, что *существующему періодическому изданію, не выходившему въ свѣтъ въ теченіе года, предоставляется послѣ сего, безъ особаго на то разрѣшенія, только выпускъ недоданныхъ по подпискѣ нумеровъ.* Ограниченіе годичнымъ срокомъ какъ дѣйствительности разрѣшенія на приступъ къ изданію новаго журнала, такъ и права на продолженіе журнала, уже существующаго, почему-либо временно прекратившаго выпускъ нумеровъ, имѣетъ своимъ основаніемъ, конечно, лишь то единственное соображеніе, что въ теченіе означеннаго срока могутъ случиться такія перемѣны обстоятельствъ, по которымъ правительство можетъ быть вынуждено отказать въ разрѣшеніи на изданіе такого журнала, который за годъ предъ тѣмъ былъ разрѣшенъ или выходилъ свѣтъ. Къ допущенію такого предположенія Коммиссія побуждается тѣмъ, что, въ противномъ случаѣ, съ бо́льшею правильностію можно было бы здѣсь, вмѣсто годичнаго срока (который очевидно слишкомъ кратокъ и иногда можетъ быть стѣснителенъ), примѣнить одинъ изъ тѣхъ сроковъ давности, которыми по Своду Гражданскихъ Законовъ теряется однажды пріобрѣтенное право. Если же предположеніе Коммиссіи о принятіи въ настоящемъ случаѣ годичнаго срока справедливо, то, для бо́льшей послѣдовательности, необходимо также допустить, что и для существовавшаго уже изданія, не выходившаго въ свѣтъ въ теченіе года, необходимо испрошеніе новаго разрѣшенія даже и на выдачу однихъ недоданныхъ по объявленной уже подпискѣ нумеровъ.

Къ § 79. Если на то, чтобы быть издателемъ или же отвѣтственнымъ редакторомъ повременнаго изданія необходимо предварительное разрѣшеніе правительства, то изъ этого́ слѣдуетъ, что и всякая передача изданія изъ однѣхъ рукъ въ другія или замѣна одного редактора другимъ должны совершаться лишь съ разрѣшенія правительственной власти. Но нѣтъ никакого основанія требовать того же для переноса изданія изъ одной типографіи въ другую; и весьма достаточно, если о таковомъ перепосѣ главное управленіе по дѣламъ книгопечатанія будетъ только извѣщаемо, *для свѣдѣнія*, чрезъ посредство мѣстныхъ властей.

Къ § 80. Предложеніемъ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія на имя предсѣдателя Коммиссіи, отъ 13 марта 1862 за № 17, вмѣнено Коммиссіи въ обязанность обсудить предположеніе объ установленіи денежныхъ залоговъ съ періодическихъ изданій и составить правила для залоговъ. Вслѣд-

приступа къ печатанію перваго нумера или листа такого изданія, внести въ главное управленіе по дѣламъ книгопечатанія надлежащій залогъ, согласно правиламъ, ниже сего изложеннымъ.

ствіе сего Коммиссія занялась подробнымъ изученіемъ иностранныхъ законодательствъ по предмету залоговъ съ періодическихъ изданій, съ тѣмъ, чтобы такимъ изученіемъ дойти до разъясненія того, какія начала выработала исторія этихъ законодательствъ по отношенію къ сказанному предмету, и что̀ изъ этихъ началъ и въ какой мѣрѣ примѣнимо къ состоянію нашей періодической прессы. Залоги съ періодическихъ изданій есть изобрѣтеніе новѣйшаго времени, и введеніе ихъ въ государствахъ материка Европы почти вездѣ совпадаетъ съ отмѣною системы предварительной цензуры. Первая мысль о сихъ залогахъ принадлежитъ *Франціи* *), въ которой она впервые внесена въ законодательство въ 1819 году, какъ мѣра для обезпеченія уплаты денежныхъ штрафовъ, налагаемыхъ по суду за преступленія, совершаемыя печатью, равно какъ и судебныхъ издержекъ. А именно, закономъ 9 іюня 1819 года тамъ было установлено, что издатели политическихъ газетъ обязаны вносить залогъ: въ департаментахъ Сены, Сены-и-Марны и Сены-и-Оазы—10.000 фр. для газеты ежедневной, и 5.000 фр. для газеты, выходящей рѣже чѣмъ ежедневно, но чаще чѣмъ разъ въ мѣсяцъ. Для газетъ, издаваемыхъ въ прочихъ департаментахъ залоги требовались въ размѣрѣ еще менѣе значительномъ. Что цѣль такого залога состояла единственно въ обезпеченіи уплаты судебныхъ штрафовъ, это видно изъ того, что высшій размѣръ его (10.000 фр.) равняется высшему размѣру денежнаго штрафа, установленнаго закономъ 17 мая 1819 года за преступленія, совершенныя печатнымъ словомъ (а именно статьею 9 сего закона, за оскорбленіе особы короля наибольшій штрафъ 10.000 фр.), для того, чтобы въ случаѣ судебнаго преслѣдованія за преступленіе, совершенное печатью, обвиняемый могъ быть судимъ на свободѣ, не подвергаясь предварительному аресту. Эта цѣль ясно высказана Французскимъ министромъ, въ *Exposé des motifs*, читанномъ имъ въ засѣданіи палаты депутатовъ, 22 марта 1819 года, при представленіи проектовъ законовъ 17 мая, 26 мая и 9 іюня 1819 г.; въ этомъ *Exposé des motifs*, въ отношеніи поводовъ къ установленію залоговъ съ повременныхъ изданій, читаемъ: «La mise en liberté provisoire du prévenu d'un délit, moyennant caution, est dans le droit commun soumise à la discretion du juge; dans bien des cas, il n'en peut être autrement. Dans cette matière spéciale (т. е. en matière de délit de la presse), il est sans inconvénient, et dès lors il est juste qu'elle soit de droit. Pour garantir ce droit, le projet de loi fixe le maximum du cautionnement qui pourra être exigé». См. *Boriés* et *Bonassies*, *Dictionnaire pratique de la presse*. Paris 1847, tom 2, Code de la presse, стр. 199). Впослѣдствіи, при частыхъ и быстрыхъ перемѣнахъ, происходившихъ въ

*) Она приписывается Шатобріану. См. *Chassan*, *Traité des délits de la presse*. Том. I. стр. 564.

образѣ правленія Франціи, подвергались столь же частымъ и значительнымъ измѣненіямъ и законы о печати, а вмѣстѣ съ ними многократно измѣнялись и размѣры залоговъ съ газетъ и журналовъ, при чемъ они были постепенно увеличиваемы, такъ что изъ простаго обезпеченія судебныхъ штрафовъ, они наконецъ превратились въ родъ ценса, назначеннаго къ тому, чтобы предоставить политическую прессу въ руки людей зажиточныхъ, въ которыхъ можно предполагать болѣе наклонности охранять собственность и другія основы общества. Нынѣ существующія во Франціи правила о сихъ залогахъ установлены органическимъ декретомъ 17 февраля 1852 г., по которому подлежатъ обязанности внесенія залога газеты и вообще періодическія изданія, занимающіяся предметами политическими или соціальной экономіи (traitant de matières politiques ou d'économie sociale). Величина залога слѣдующая: въ департаментахъ Сены, Сены-и-Оазы, Сены-и-Марны и Роискомъ, для изданія, являющагося болѣе 3 разъ въ недѣлю — 50.000 франковъ; для изданія, выходящаго въ свѣтъ 3 раза въ недѣлю или рѣже — 30.000 фр. Въ прочихъ департаментахъ, въ городахъ съ народонаселеніемъ 50.000 душъ и болѣе, залогъ для изданій, выходящихъ болѣе трехъ разъ въ недѣлю, 25.000 фр., въ прочихъ городахъ — 15.000 фр.; для изданій же, выходящихъ три раза въ недѣлю и рѣже — залогъ требуется половинный противъ этихъ суммъ.

Въ *Англіи*, залоги съ періодическихъ изданій установлены закономъ 1819 года, съ цѣлью обезпеченія уплаты судебныхъ штрафовъ и издержекъ, и опредѣлены: для журнала, издаваемаго въ Лондонѣ или въ районѣ 20 миль вокругъ него, въ 300 фунт. стерл., а во всѣхъ прочихъ мѣстахъ королевства — въ 280 фунт.

Въ *Бельгіи* нѣтъ никакихъ залоговъ, какъ нѣтъ и другихъ какихъ-либо полицейскихъ мѣръ для предупрежденія преступленій печати; Бельгійскій законъ ограничивается преслѣдованіемъ и наказаніемъ совершеннаго уже печатью преступленія.

Государства *Германскаго* союза, отмѣнивъ у себя, въ 1848 году, бывшую у нихъ дотолѣ систему предварительной цензуры, перешли къ системѣ карательныхъ законовъ по преступленіямъ печати, и при этомъ ввели у себя и залоги съ періодическихъ изданій, съ цѣлью обезпеченія уплаты судебныхъ штрафовъ и издержекъ.

Въ *Пруссіи*, законъ 17 марта 1848 г., отмѣнившій предварительную цензуру, установилъ нѣкоторыя правила о книгопечатаніи, и между прочимъ, въ § 4, залоги съ періодическихъ изданій; но не успѣлъ еще этотъ законъ быть приведенъ въ дѣйствіе, какъ уложеніемъ 6 апрѣля 1848 г. многія распоряженія его, и именно § 4 о залогахъ, были отмѣнены. Впослѣдствіи, хотя временными постановленіями 30 іюня 1849 и 5 іюня 1850 г. были опредѣлены нѣко-

торые пункты законодательства по дѣламъ печати, однако окончательное устройство сей части послѣдовало только въ законѣ 12 мая 1851 г. Этимъ закономъ опредѣлено: «всякій, желающій издавать газету или журналъ въ мѣсячные или кратчайшіе, хотя бы и неправильные сроки, обязанъ до приступа къ изданію внести залогъ» (§ 11). Этотъ залогъ составляетъ: а) въ городахъ, отнесенныхъ по промысловому налогу, закономъ 30 мая 1820 г., къ первому разряду—5,000 талеровъ, б) въ городахъ втораго разряда—3,000, в) въ городахъ третьяго разряда—2,000, г) во всѣхъ прочихъ мѣстахъ—1,000 талеровъ. (§ 12). Эти суммы уменьшаются на половину для газетъ и журналовъ, выходящихъ три раза или менѣе чѣмъ три раза въ недѣлю (§ 13). Отъ обязанности внесенія залога изъемлются періодическія изданія: а) содержащія въ себѣ одни простыя объявленія, дѣлаемыя по должности, семейныя извѣстія, объявленія изъ міра промышленности, о публичныхъ увеселеніяхъ, о продажахъ, объ украденныхъ, потерянныхъ и найденныхъ вещахъ, или вообще подобныя извѣстія изъ житейскаго быта, равно какъ изданія, посвященныя, за исключеніемъ вопросовъ политическихъ и общественныхъ, предметамъ чисто-ученымъ, техническимъ и промышленымъ; в) изданія обѣихъ палатъ и королевскихъ установленій (Behörden). (§ 17).

Уже изъ самыхъ размѣровъ этихъ залоговъ видно, что главная цѣль при ихъ установленіи заключалась въ томъ, чтобы имѣть всегда готовое средство для покрытія судебныхъ штрафовъ по преступленіямъ печати (см. *Rönne*, Das Gesetz über die Presse vom 12. Mai 1851, Breslau 1851, стр. 98). Между тѣмъ какое вліяніе установленіе ихъ должно было имѣть на прессу, можно судить изъ того, что тотчасъ же по введеніи въ дѣйствіе сказаннаго закона, 97 газетъ и журналовъ — большею частью еженедѣльныхъ — прекратили свое существованіе по невозможности внесенія залога, какъ это видно изъ оффиціальныхъ свѣдѣній Прусскаго министерства (Rönne, l. c., стр. 101).

Почти то же должно сказать и объ Австріи. И тамъ залоги съ періодическихъ изданій установлены только по уничтоженіи предварительной цензуры, отмѣненной постановленіемъ 14 марта 1848 года. Система же залоговъ впервые введена патентами 13 и 14 марта 1849 г., а потомъ окончательно организована общимъ закономъ *Pressordnung*—27 мая 1852. Главнѣйшія постановленія этого закона, въ отношеніе залоговъ, заключаются въ слѣдующемъ: «Для всякаго періодическаго изданія, которое, хотя бы и между прочимъ занимается современною политическою исторіею, обсуждаетъ политическіе, религіозные или соціальные вопросы, и вообще имѣетъ политическое содержаніе, вносится залогъ (§ 13)». Этотъ залогъ составляетъ, для періодическаго изданія, выходящаго въ свѣтъ не менѣе 3 разъ въ недѣлю, въ городѣ, имѣющемъ свыше 60,000 жителей, или въ двухмильной окрестности его, 10,000 конвенціон-

ныхъ гульденовъ; въ мѣстахъ съ населеніемъ свыше 30,000 жит.—7000 гульд., во всѣхъ прочихъ мѣстахъ—5,000 г.; для изданія, выходящаго менѣе 3 разъ въ нѣдѣлю, залогъ сокращается на половину противъ выше показаннаго (§ 4).

Прусскій и Австрійскій законы послужили образцами для большей части и другихъ Германскихъ государствъ. Поэтому излишне было бы исчислять ихъ здѣсь поименно. Для примѣра приведемъ здѣсь только Саксонію. Предварительная цензура отмѣнена здѣсь закономъ 23 марта 1848 года и затѣмъ 14 марта 1851 года изданъ общій законъ о дѣлахъ печати, которымъ и установлены залоги съ періодическихъ изданій въ слѣдующемъ размѣрѣ: для изданія, выходящаго чаще чѣмъ одинъ разъ въ день, — 3,000 талеровъ, для выходящаго разъ въ день—2,500 талеровъ, для выходящаго 5 или 6 разъ въ недѣлю—2,000 тал., для выходящаго отъ 3 до 4 разъ въ недѣлю—1,200 тал., для выходящаго дважды въ недѣлю—800 тал., для выходящаго одинъ разъ въ недѣлю и рѣже —400 тал. Въ отношеніи того, какія изданія подлежатъ залогу, а какія нѣтъ, Саксонскій законъ почти одинаковъ съ Прусскимъ.

Сравненіе высшихъ размѣровъ залоговъ съ періодическихъ изданій въ означенныхъ государствахъ представляется въ слѣдующей таблицѣ:

во Франціи	50,000 франковъ	=	12,500	руб. серебр.
» Англіи	300 фунт. стерл.	=	1,890	» »
» Пруссіи	5,000 талеровъ	=	4,650	» »
» Австріи	10,000 конв. гульд.	=	5,300	» »
» Саксоніи	3,000 талеровъ	=	2,790	» »

Изъ этого обозрѣнія видно, что, за исключеніемъ Франціи, въ прочихъ государствахъ залоги съ періодическихъ изданій имѣютъ преимущественно назначеніе — служить обезпеченіемъ денежныхъ штрафовъ, которымъ могутъ подвергаться сіи изданія за преступленія, совершенныя печатнымъ словомъ.

Взвѣсивъ все, что было писано въ пользу и противъ залоговъ съ періодическихъ изданій въ законодательныхъ собраніяхъ исчисленныхъ выше государствъ, по поводу обсужденія проектовъ законовъ объ этомъ предметѣ, и сообразивъ положеніе нашей повременной литературы и народнаго образованія, коммиссія пришла къ убѣжденію, что если и у насъ можетъ быть предложено установленіе залоговъ, то не иначе, какъ въ смыслѣ обезпеченія уплаты денежныхъ штрафовъ: ибо залоги, въ смыслѣ ценса, съ одной стороны, едва ли могли бы повести къ достиженію цѣли, какая при этомъ имѣлась бы въ виду, а съ другой стороны, неизбѣжно имѣли бы послѣдствія столь же невыгодныя для общества, какъ и для самого правительства.

Тѣ, которые видятъ въ большихъ залогахъ средство подавить журналы съ вреднымъ для общества или враждебнымъ для правительства направленіемъ,

основываютъ свое мнѣніе на томъ предположеніи, что высокіе залоги устраняютъ отъ журнальнаго дѣла людей ничего не имѣющихъ, которымъ при общественныхъ потрясеніяхъ нечего терять, и которые поэтому болѣе зажиточныхъ склонны враждовать съ существующимъ порядкомъ. Какъ бы ни было желательно имѣть въ періодической журналистикѣ мощный рычагъ правильнаго общественнаго развитія, а не орудіе для гибельныхъ потрясеній, тѣмъ не менѣе должно сознаться, что этой цѣли едва ли можно достигнуть высокими залогами съ повременныхъ изданій. Журналъ есть предпріятіе не только литературное, но и коммерческое, и съ этой стороны подлежитъ тѣмъ же самымъ экономическимъ законамъ, которыя управляютъ промышленымъ міромъ, а здѣсь—чѣмъ предпріятіе выгоднѣе, тѣмъ скорѣе оно найдетъ себѣ предпринимателя. Если въ какомъ-нибудь государствѣ, при извѣстномъ состояніи общества, журналъ съ обличительнымъ характеромъ и торгующій скандаломъ будетъ предпріятіемъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ журналъ съ характеромъ серьезнаго органа здравыхъ общественныхъ интересовъ, то, и при большихъ залогахъ, первый скорѣе найдетъ себѣ залогодателя, чѣмъ послѣдній. У насъ, какъ впрочемъ и вездѣ, литераторы и писатели для журналовъ принадлежатъ далеко не къ числу капиталистовъ, и учрежденіе значительныхъ залоговъ съ періодическихъ изданій имѣло бы только то послѣдствіе, что многіе журналы прекратили бы свое существованіе, другіе же изъ рукъ литераторовъ-издателей перешли бы въ руки такихъ капиталистовъ барышниковъ, отъ участія коихъ еще нельзя ожидать болѣе правильнаго направленія журналистики. Въ этомъ всего болѣе убѣждаетъ примѣръ самой Франціи, въ которой существовали и существуютъ самые значительные залоги съ газетъ и журналовъ, и въ которой эти залоги нисколько не помѣшали существованію журналовъ, непріязненныхъ правительству.

Если, съ одной стороны, весьма сомнительно полезное дѣйствіе большихъ залоговъ въ смыслѣ ценса, въ смыслѣ мѣры для передачи журналовъ въ болѣе надежныя руки, то, съ другой стороны, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что установленіе у насъ слишкомъ значительныхъ залоговъ подавило бы едва зарождающуюся у насъ журналистику и повело бы къ сокращенію какъ плохихъ, такъ равно и хорошихъ, благонамѣренныхъ журналовъ. Между тѣмъ нельзя не вспомнить здѣсь, хотя это и общеизвѣстная истина, что періодическія изданія служатъ могущественнѣйшимъ и ничѣмъ незамѣнимымъ средствомъ распространенія народнаго образованія. Пуская ежедневно въ оборотъ массу свѣдѣній, полезныхъ для всякаго, журналы составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимое орудіе для правильнаго общественнаго развитія. Часто укоряютъ наше общество въ недостаткѣ самодѣятельности, въ равнодушіи къ общественнымъ дѣламъ, что̀ неизбѣжно должно мѣшать успѣху самыхъ благихъ мѣропріятій

правительства. Но интересъ къ общественнымъ дѣламъ не можетъ существовать безъ гласности, которая, въ свою очередь, не существуетъ безъ журналовъ, какъ посредниковъ для взаимнаго обмѣна мыслей,—посредниковъ необходимыхъ повсюду, но еще болѣе необходимыхъ у насъ, при огромности разстояній, разбросанности народонаселенія на большихъ пространствахъ, недостаткѣ скорыхъ и удобныхъ путей сообщенія. Для самаго правительства журналистика служитъ лучшимъ и ничѣмъ незамѣнимымъ средствомъ слѣдить за состояніемъ умовъ въ данное время и знать истинныя потребности разныхъ сословій и разныхъ мѣстностей. Тамъ, гдѣ журналистика не развита или подавлена, тамъ правительство лишено одного изъ важнѣйшихъ пособій для того, чтобы соображать свои дѣйствія съ состояніемъ общества, а безъ этого оно, по необходимости, должно дѣйствовать ощупью, на удачу, не имѣя предъ собою никакого ручательства въ успѣхѣ самыхъ благонамѣренныхъ начинаній. Пусть законы преслѣдуютъ и караютъ злоупотребленія и преступленія печати; но общія репрессивныя мѣры противъ журналистики вообще, падая всею своею тяжестью не на одни журналы съ вреднымъ направленіемъ, но и на журналы благонамѣренные, могутъ только приносить самыя прискорбныя послѣдствія и для общества, и для правительства.

Правительство у насъ само неоднократно заявляло то полезное общественное значеніе, которое оно признаетъ за журналистикой, призывая ее къ обсужденію разныхъ важныхъ предположеній и проектовъ по вопросамъ администраціи. По этому оно, конечно, можетъ желать только огражденія общества отъ злоупотребленій печати, а никакъ не такого подавленія журналистики, которое было бы неминуемымъ послѣдствіемъ общихъ репрессивныхъ мѣръ, и въ томъ числѣ большихъ залоговъ съ періодическихъ изданій.

И такъ, и изъ разсмотрѣнія иностранныхъ законодательствъ, и изъ соображенія потребностей и выгодъ нашего общества и правительства, Коммиссія пришла къ тому заключенію, что: 1) залоги съ періодическихъ изданій могутъ у насъ имѣть лишь значеніе обезпеченія судебныхъ штрафовъ, и потому могутъ быть установлены только въ самыхъ умѣренныхъ размѣрахъ, и 2) по примѣру Франціи и Германскихъ государствъ, залоги требовать только отъ изданій политическаго содержанія, въ обширномъ смыслѣ этого слова, не требуя таковыхъ отъ изданій техническихъ, промышленыхъ, ученыхъ и чисто-литературныхъ, какъ такихъ, которыя, уже по своей программѣ, посвящены предметамъ, при обсужденіи которыхъ писатели рѣже подвергаются опасности переступить за черту, отдѣляющую дозволенное законами отъ недозволеннаго.

§ **81**. Разрѣшеніе на каждое повременное изданіе выдается отъ главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія, въ формѣ свидѣтельства, въ которомъ обозначается названіе или заглавіе изданія, программа онаго, сроки выхода въ свѣтъ, имена издателя, отвѣтственнаго редактора и типографщика, а также и то, подлежитъ ли изданіе взносу залога и разсмотрѣнію предварительной цензуры. Сіе свидѣтельство выдается въ двухъ экземплярахъ.

§ **82**. Ни одна типографія не въ правѣ приступить къ набору и печатанію повременнаго изданія прежде предъявленія оной издателемъ упомянутаго въ предъидущемъ § свидѣтельства, коего одинъ экземпляръ и остается въ типографіи до тѣхъ поръ, пока въ ней производится печатаніе того изданія; а если изданіе подлежитъ взносу залога, то и квитанціи въ пріемѣ залога.

§ **83**. Обязанности взноса залога подлежатъ всѣ тѣ, выходящія въ Россійской Имперіи, на Русскомъ или иныхъ языкахъ, повременныя изданія, въ составъ коихъ входятъ внутренняя или внѣшняя политика, общественныя дѣла или политическія науки. Залогъ вносится въ слѣдующемъ размѣрѣ:

а) для ежедневной газеты (или выходящей въ свѣтъ не менѣе 6 разъ въ недѣлю)—5,000 р.;

б) для повременнаго изданія, выходящаго въ свѣтъ не менѣе одного раза въ недѣлю—3,000 р.;

в) для повременнаго изданія, выходящаго въ свѣхъ двѣнадцать разъ въ годъ и рѣже—2,000 р

Примѣчаніе. Изданія, выходящія въ свѣтъ съ разрѣшенія предварительной цензуры, вносятъ залоги въ половинныхъ размѣрахъ противъ означенныхъ.

§ **84**. Обязанности взноса залога не подлежатъ изъ изданій, упомянутыхъ въ предыдущемъ пара-

Къ §§ 81 и 82. Поводы, побудившіе Коммиссію внести въ проектъ устава эти двѣ статьи, понятны сами собою. Оставленіе одного экземпляра свидѣтельства въ рукахъ типографщика, во все время производства имъ печатанія повременнаго изданія, необходимо для огражденія типографщика, такъ какъ онъ долженъ отвѣчать предъ судомъ въ случаѣ печатанія изданія, на которое не было испрошено установленнымъ порядкомъ разрѣшенія правительства.

Къ § 83. Поводы, послужившіе основаніемъ для редакціи этого параграфа, изложены выше при объясненіи на § 80; здѣсь остается только объяснить, что предлагаемые Коммиссіею размѣры залога соглашены съ размѣрами судебныхъ штрафовъ, для которыхъ они должны служить обезпеченіемъ, и о которыхъ говорится ниже сего, въ раздѣлѣ о карательныхъ законахъ за преступленія, совершенныя печатью.

Согласно общему началу, принятому для установленія залоговъ, Коммиссія полагаетъ, что съ повременныхъ изданій, подлежащихъ предварительному разсмотрѣнію цензуры, залоги слѣдуетъ требовать лишь въ половинномъ размѣрѣ противу изданій, выходящихъ безъ цензуры: такъ какъ, въ семъ случаѣ, залоги будутъ служить для обезпеченія только тѣхъ штрафовъ, которые могутъ быть полагаемы лишь по частнымъ искамъ. Коммиссія сочла бы даже возможнымъ предложить совершенное освобожденіе повременныхъ изданій, подлежащихъ цензурѣ, отъ обязанности внесенія залога, еслибы не имѣла въ виду того соображенія, что при сихъ залогахъ чрезвычайно упрощается и облегчается судопроизводство по исковымъ дѣламъ, возникающимъ по преступленіямъ печати.

Къ § 84. Соображенія, послужившія основаніемъ для редакціи сей статьи, приведены выше, при объясненіяхъ на §§ 3 и 8 сего Устава.

графѣ: а) тѣ, кои выпускаются въ свѣтъ правительствомъ, если въ составъ ихъ не входитъ неоффиціальная часть съ содержаніемъ, означеннымъ въ § 3; въ противномъ случаѣ, отвѣтственный редакторъ этого изданія вноситъ залогъ на общемъ основаніи; б) изданія ученыхъ обществъ и установленій, которыя, въ случаѣ наложенія на ихъ изданія, по судебному приговору, денежнаго штрафа, вносятъ оный изъ своихъ средствъ.

§ 85. Установленный въ § 83 залогъ вносится, по желанію вносчика, или наличными деньгами или Россійскими государственными кредитными бумагами, которыя при пріемѣ считаются по нарицательной ихъ цѣнѣ. Владѣльцу выдаются, въ назначенные для сихъ бумагъ сроки, купоны на полученіе процентовъ.

§ 86. Когда наложенный по суду денежный штрафъ за преступленія противъ печати и вообще за нарушеніе настоящихъ правилъ, не будетъ внесенъ въ установленный срокъ, то въ пополненіе онаго продается, по биржевому курсу, соотвѣтственная тому штрафу сумма залога, причемъ обыкновенные при такой продажѣ расходы обращаются на счетъ же залога. Послѣ сего, сумма залога должна быть пополнена издателемъ до опредѣленной нормы въ четырнадцати-дневный срокъ съ объявленія судебнаго приговора, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, прекращенія изданія.

§ 87. Въ случаѣ прекращенія повременнаго изданія, внесенный залогъ выдается обратно издателю не прежде, какъ по истеченіи 6 мѣсяцевъ съ того дня, какъ онъ заявилъ главному управленію по дѣламъ книгопечатанія о прекращеніи выхода въ свѣтъ своего изданія.

Къ § 85. Допущеніе Россійскихъ государственныхъ бумагъ къ пріему въ залогъ основано на общихъ законахъ Имперіи, по которымъ сіи бумаги принимаются, по нарицательной ихъ цѣнѣ, въ залоги по всякаго рода обязательствамъ съ казною.

Къ § 87. Шестимѣсячный срокъ для возврата залога по прекратившемуся повременному изданію принятъ потому, что этотъ срокъ назначенъ и для вчинанія иска по преступленіямъ печати, — такъ что только, по истеченіи сего срока, можно знать, не начато ли судебнымъ порядкомъ преслѣдованіе противъ прекратившагося за 6 мѣсяцевъ предъ тѣмъ изданія. Подобное постановленіе находится и въ иностранныхъ законодательствахъ.

§ 88. Залогъ отвѣтствуетъ за всѣ денежные штрафы, налагаемые по суду на издателя и отвѣтственнаго редактора.

§ 89. На каждомъ, отдѣльно выходящемъ нумерѣ газеты, книжкѣ журнала или выпускѣ сборника должны быть напечатаны имена издателя, отвѣтственнаго редактора и типографіи; а если изданіе подлежитъ предварительному разсмотрѣнію цензуры — то и означеніе цензурнаго дозволенія. Несоблюденіе сего правила или ложное обозначеніе именъ или же обозначеніе на журналѣ и въ программѣ онаго, въ качествѣ издателя или редактора, такихъ лицъ, которыя на то не получили разрѣшенія правительства, подвергаютъ изданіе судебной отвѣтственности.

§ 90. Каждаго повременнаго изданія, выходящаго въ Имперіи, должно быть доставляемо правительству узаконенное число экземпляровъ, а именно:

1) Если изданіе подлежитъ предварительному разсмотрѣнію цензуры, то таковая доставка производится на основаніи правилъ о предупредительной цензурѣ (§).

2) Если изданіе изъято отъ разсмотрѣнія предупредительной цензуры, то издатель онаго обязанъ доставить: въ столицахъ — въ канцеляріи военныхъ генералъ-губернаторовъ, а въ прочихъ мѣстахъ Имперіи — въ канцеляріи начальниковъ губерній, узаконенное число экземпляровъ (см. §51), съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ: а) экземпляры каждаго нумера газеты или вообще изданія,

Къ § 88. Смыслъ этой статьи состоитъ въ томъ, что законъ не входитъ въ разбирательство того, кому собственно—издателю или же отвѣтственному редактору—принадлежитъ внесенный по изданію залогъ, который предъ лицемъ закона отвѣчаетъ и за того и за другаго безразлично. О томъ же, кто изъ нихъ внесетъ залогъ, или же оба поровну или иначе, и какъ они будутъ взаимно разсчитываться въ случаѣ уменьшенія залога вслѣдствіе наложенія денежныхъ штрафовъ, законъ предоставляетъ имъ самимъ условливаться между собою путемъ частныхъ сдѣлокъ и соглашеній. Подобный взглядъ на залогъ съ повременныхъ изданій принятъ въ законахъ Германскихъ государствъ.

Къ § 89. По нынѣ дѣйствующему Цензурному Уставу (ст. 67), требуется обозначеніе только цензурнаго дозволенія на книжкахъ журналовъ и на отдѣльныхъ листахъ газетъ. Но при карательной системѣ законовъ необходимо еще, чтобы были обозначены имена издателя и отвѣтственнаго редактора и фирма типографіи. Это требуется и законами всѣхъ государствъ, въ которыхъ существуетъ карательная система. Изъ этой статьи выходитъ, между прочимъ, то слѣдствіе, что анонимность редакціи не допускается, равно какъ не допускается и употребленіе псевдонимовъ для издателя и редактора.

Къ § 90. Различіе, дѣлаемое въ семъ §, между изданіями, выходящими въ свѣтъ не менѣе одного раза въ недѣлю, и изданіями, выходящими рѣже сего, въ томъ, что экземпляры первыхъ должны быть представляемы одновременно съ разсылкою ихъ подписчикамъ, а экземпляры вторыхъ — за два дня до разсылки, основывается на существенномъ различіи обоего рода изданій. Къ категоріи первыхъ относятся ежедневныя и еженедѣльныя газеты, ко вторымъ — ежемѣсячные журналы; современность и быстрота передачи извѣстій составляетъ для первыхъ важнѣйшее условіе ихъ существованія и успѣха, и потому для нихъ было бы крайне стѣснительно, еслибы формальность предварительнаго представленія экземпляровъ влекла для нихъ замедленіе въ выходѣ въ свѣтъ. Поэтому для ежедневныхъ и еженедѣльныхъ газетъ весьма достаточно, если экземпляры оныхъ будутъ представляемы правительству одновременно съ разсылкою подписчикамъ. Это допускается, между прочимъ, и самымъ строгимъ изъ всѣхъ законодательствъ печати, — а именно Французскимъ законодательствомъ, въ которомъ, постановленіемъ 18 іюля 1828 г., остающимся и по нынѣ въ силѣ, опредѣляется: «l'exemplaire (du journal) sera, *au moment de la*

выходящаго не менѣе одного раза въ недѣлю, должны быть представляемы въ означенныя мѣста одновременно съ разсылкою того нумера подписчикамъ и никакъ не позже того; б) экземпляры каждаго выпуска изданія, выходящаго въ свѣтъ рѣже, чѣмъ одинъ разъ въ недѣлю, должны быть представляемы не менѣе какъ за два дня до разсылки онаго подписчикамъ или выпуска въ продажу; в) въ полученіи сихъ экземпляровъ издателямъ выдаются росписки, съ обозначеніемъ въ оныхъ времени представленія экземпляровъ.

§ 91. Всякое повременное изданіе обязано помѣщать безденежно, въ первомъ имѣющемъ выйти въ свѣтъ нумерѣ, безъ всякихъ съ своей стороны примѣчаній, сообщенное ему отъ правительства оффиціальное опроверженіе или исправленіе обнародованнаго тѣмъ изданіемъ извѣстія.

Равнымъ образомъ всякое повременное изданіе обязано помѣстить сообщенное оному частнымъ лицемъ возраженіе или поправку противъ извѣстія, въ томъ изданіи помѣщеннаго и до того лица касающагося. Такое возраженіе или поправка должна быть напечатана тѣмъ же шрифтомъ, какъ и первоначальная статья, и притомъ безденежно, если возраженіе занимаетъ мѣста не болѣе какъ вдвое противъ статьи, на которую оно служитъ отвѣтомъ. Возраженіе должно быть подписано защищающимся.

publication, déposé au parquet du procureur du Roi du lieu de l'impression». Такое же постановленіе существуетъ и въ Пруссіи: «Von jeder Nummer, jedem Hefte oder Stücke einer Zeitung oder einer in monatlichen oder kürzeren Fristen erscheinenden Zeitschrift, welche im Inlande herauskommen, muss der Verleger, *sobald die Austheilung oder Versendung beginnt*, ein Exemplar gegen eine ihm zu ertheilende Bescheinigung bei der Ortspolizei-Behörde hinterlegen». (Pressgesetz vom 12 mai 1851, § 5).

Для ежемѣсячныхъ журналовъ быстрота сообщенія извѣстій не составляетъ столь существенной потребности, и потому отъ нихъ Коммиссія полагаетъ возможнымъ требовать представленія экземпляровъ за два дня до выпуска въ свѣтъ. Къ тому же, пробѣжать листъ газеты можно, при извѣстномъ навыкѣ, въ весьма короткое время, такъ что, еслибы при этомъ открылось что-либо, всегда еще есть время остановить дальнѣйшую, хотя бы уже и начавшуюся разсылку газеты, между тѣмъ какъ для прочтенія толстой книжки мѣсячнаго журнала нужно уже гораздо болѣе времени.

Къ § 91. Подобное постановленіе находится въ большей части Европейскихъ законодательствъ; напр. въ *Пруссіи* (законъ 12 мая 1851 г., § 26), во *Франціи* (законъ25 марта 1822, ст. 11, и 9 сент. 1835 г., ст. 17), въ *Бельгіи* (декретъ 20 іюля 1831, ст. 13), и др. Оно предоставляетъ каждому право защиты противъ клеветы, распространяемой органами гласности. Въ первый разъ такое постановленіе введено законами Франціи (въ 1822 г.), оттуда оно перешло въ Бельгію, а позже — и въ Германскія законодательства. Цѣль его была ясно выражена графомъ Порталисомъ, въ его *rapport sur la loi* (25 марта 1822), представленномъ палатѣ Перовъ: «La publicité deviendrait un moyen d'oppression si elle permettait d'attaquer un citoyen, sans qu'il pût descendre dans la même arêne que son agresseur. La disposition de l'art. 11 lui assure le combat à armes égales et devant le même public». (См. *Schuermans*, Code de la presse. Bruxelles 1861, стр. 314). Эта мѣра была встрѣчена всеобщимъ одобреніемъ со стороны публицистовъ *). Принятіе оной и у насъ не только полезно, но, по обстоятельствамъ времени, совершенно необходимо, ибо и у насъ, къ сожалѣнію, начинаетъ съ нѣкотораго времени проявляться въ журналистикѣ наклонность обращать гласность въ орудіе клеветы и личныхъ оскорбленій. Но, предлагая внесеніе въ наши законы постановленія, изложеннаго въ настоящемъ параграфѣ, Ком-

*) Вотъ напр. слова Евг. Бареста, писателя демократическаго: »Sans cette mesure et sans la jurisprudence qui l'a interprêtré de la manière la plus large, il n'y aurait plus aujourd'hui de liberté pour les individus non journalistes. Les trente-trois millions de Français seraient, à l'heure qu'il est, gouvernés despotiquement par une centaine de rédacteurs en chef, non d'après telle loi voteé par la nation, mais selon le bon plaisir de ces messieurs, comme au bon temps de la féodalité». — *Eug. Baroste*, Du droit de réponse dans les journaux.

§ 92. Еслъ какое либо повременное изданіе подвергается судебному преслѣдованію, и состоится противъ него судебный приговоръ, то по требованію главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія, сіе изданіе должно напечатать на своихъ страницахъ, безъ всякихъ съ своей стороны примѣчаній, возраженій или разсужденій, сообщенное ему судебное опредѣленіе.

миссія долгомъ считаетъ замѣтить, что примѣненіе этого правила къ практикѣ вѣроятно, породитъ и у насъ, какъ то было во Франціи и другихъ странахъ, множество вопросовъ и споровъ, которые будутъ подлежать разсмотрѣнію судебныхъ установленій. Чтобы видѣть, какого рода могутъ быть эти вопросы, довольно прочитать въ классическомъ сочиненіи *Шассана* *) обширное и прекрасное изложеніе ихъ, на основаніи положеній, выработанныхъ Французскою судебною практикою, а также комментаріи *Шюрманса* на Бельгійскій законъ и сводъ рѣшеній Бельгійскихъ судовъ по вопросамъ, возникавшимъ изъ сказаннаго постановленія **). Подобные же комментаріи на Прусскій законъ можно найти у *Ронне* (L. *von Ronne*, Das Gesetz über die Presse vom 12 mai 1851. Breslau 1851 стр. 145—149), и у *Шварка* (*Schwarck*, Das Gesetz über die Prese Berlin 1862, стр. 72). Проектировать теперь же еще какія-либо дополнительныя постановленія объ обязательномъ помѣщеніи возраженій, — въ виду одной лишь возможности возникновенія въ практикѣ тѣхъ или другихъ вопросовъ, — Коммиссія считаетъ неудобнымъ или по крайней мѣрѣ преждевременнымъ, такъ какъ примѣненіе всякаго закона зависитъ отъ условій времени и мѣста, отъ среды, въ которой ему назначено дѣйствовать, отъ обычаевъ и нравовъ общества, къ которому онъ прилагается. А переносить въ нашъ законъ то, что въ другихъ странахъ даже и не составляетъ сферы закона, а предоставлено сферѣ судебной практики, было бы дѣломъ весьма труднымъ и небезопаснымъ.

Къ § 92. Подобное постановленіе находится въ законахъ почти всѣхъ Европейскихъ государствъ, и цѣль его понятна сама собою.

---

*) *Traité des délits de la presse* 2-е изд. Том. I, стр. 647 — 667.

**) Schuermans, *Code de la presse*, Bruxelles, 1861, стр. 312 — 336.

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И ПРОСТУПКАХЪ, СОВЕРШАЕМЫХЪ ПОСРЕДСТВОМЪ УСТНАГО СЛОВА, ПИСЬМА И ПЕЧАТИ, НАРУШЕНІЯХЪ И НАКАЗАНІЯХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПОЛОЖЕНІЯ ОБЩІЯ.

§ 93. Обнаруженіе мысли посредствомъ устнаго слова, въ публичномъ мѣстѣ произносимаго, посредствомъ публичнаго распространенія письма, печати, рисунка или инаго изображенія, заключающее въ себѣ нарушеніе законовъ, ниже сего постановленныхъ, составляетъ либо преступленіе либо проступокъ.

Къ § 93. — Преступленія, совершаемыя человѣкомъ посредствомъ слова, подвергаясь у всѣхъ народовъ наказаніямъ, по своему существу, рѣзко отличаются отъ всѣхъ другихъ преступленій, совершаемыхъ человѣкомъ посредствомъ дѣянія. Мысль человѣка, пока не передана имъ другимъ, пока не сдѣлалась *публичною*, не можетъ составить преступленія. Устное слово, письмо, печать, рисунки, знанія, знамена и пр. суть внѣшнія орудія, посредствомъ которыхъ человѣкъ можетъ сдѣлать свою мысль извѣстною другимъ, и тѣмъ принести имъ пользу или вредъ, нарушить права какъ частныхъ лицъ, такъ и общества; обнаруженная такимъ образомъ мысль представляетъ нѣкоторое сходство съ дѣяніемъ человѣка, но только сходство, а не тожество. Потому нарушеніе права другаго посредствомъ слова дѣлается похожимъ на нарушеніе права другаго посредствомъ дѣянія, т. е. похожимъ на обыкновенное преступленіе, но не совпадающимъ съ нимъ; оно представляетъ сходство съ обыкновеннымъ преступленіемъ только по своей внутренней сторонѣ, по существованію воли въ томъ и другомъ дѣятелѣ, но существенно различается тѣмъ, что для признанія дѣянія преступленіемъ необходимо, чтобы существовалъ дѣйствительный предметъ или объектъ преступленія, corpus delicti; при преступленіи же слова такого corpus delicti не существуетъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что такой corpus delicti является въ рукописи, книгѣ, или произнесенномъ словѣ; но такъ можетъ казаться только съ перваго взгляда, потому что въ дѣйствительности рукопись, книга или произнесенное слово суть только орудія, посредствомъ которыхъ произведено это преступленіе слова, совершенно соотвѣтствующія оружію, посредствомъ котораго совершается напр. убійство. Предметъ, corpus delicti преступленій слова заключается въ томъ неосязаемомъ эффектѣ или вліяніи, которое произведено посредствомъ слова на публику. Оттого только такое слово, какъ устное, такъ и письменное или печатное, можетъ быть подвергнуто суду и осужденію, которое сдѣлалось публичнымъ, передано отъ автора публикѣ: самая мысль не можетъ

никогда и никѣмъ быть судима, но публичное ея обнаруженіе, какъ могущее принести вредъ, можетъ быть и судимо и подвергнуто наказанію.

На томъ же основаніи не могутъ быть подвергнуты суду покушеніе и приготовленіе къ совершенію преступленія посредствомъ слова. Пока слово не сообщено публикѣ посредствомъ его публичнаго произнесенія, или посредствомъ сообщенія публикѣ рукописи или печати или другаго видимаго выраженія мысли, оно остается мыслію отдѣльнаго лица, достояніемъ его духа, частію его личности, и преслѣдовать такую мысль было бы то же, что преслѣдовать желанія, надежды и другія внутреннія движенія человѣческаго духа.

Потому положительныя законодательства, признавая между преступленіями отдѣльный видъ ихъ—преступленія, совершаемыя посредствомъ устнаго слова, письма и печати, заботятся объ указаніи и опредѣленіи ихъ существеннаго признака — публичности. Съ бо́льшею или меньшею точностію опредѣляютъ публичность, какъ существенный и необходимѣйшій признакъ преступленій слова, Англійское, Французское и другія законодательства, развившіяся по началамъ Французскаго. По *Англійскому* законодательству, сообщеніе другому лицу рукописнаго или печатнаго выраженія слова даетъ этому слову полный характеръ публичности; посылка другому, хотя бы и запечатаннаго письма, сообщаетъ письму тотъ характеръ, что его содержаніе можетъ быть преслѣдуемо.[1]) Французскій законъ 17 мая 1819 г. стремится опредѣлить два условія, при существованіи которыхъ выраженіе мысли можетъ составить преступленіе: *публикація* (publication), какъ условіе того, чтобы слово, выраженное письменно или печатно, могло сдѣлаться преступленіемъ, и *публичность* (publicité), какъ условіе того, чтобы слово, выраженное устно, могло получить характеръ преступленія; желая самымъ точнымъ образомъ отдѣлить понятіе такого произносимаго слова въ публикѣ, могущаго сдѣлаться преступленіемъ, отъ обыкновеннаго разговорнаго слова, Французскій законъ изобрѣлъ особый для того терминъ — *discours proférés* dans un lieu public ou réunion publique, и необходимость такого тщательнаго опредѣленія закономъ этого признака, могущаго доставить устному слову характеръ преступленія, прекрасно обмотивировала палата депутатовъ, въ засѣданіи 15 апрѣля 1819 г.[2]) Существо публикаціи заключается въ фактѣ продажи, раздачи или предложенія публикѣ, хотя бы все это было производимо и въ тайнѣ, въ секретѣ, не въ присутствіи самой публики. Существо публичности заключается въ громкомъ, такъ сказать явномъ произнесеніи слова (discours proféré) въ публичномъ мѣстѣ или публичномъ собраніи (dans un lieu publique ou réunion publique). 1-я ст. Франц. закона 17 мая 1819 г. и Франц. уголов-

1) Blackstone, IV, c. II. Ср. Chassan, I, 42.

2) Moniteur.

ный кодексъ (art. 102 и 367), давая совершенно одинаковое значеніе публичному мѣсту и публичному собранію, противополагаютъ послѣднему всякое частное собраніе лицъ въ частномъ домѣ, какъ бы велико оно ни было: въ такихъ собраніяхъ устное слово не можетъ составить преступленія, потому что здѣсь выраженіе мысли не можетъ представить никакой опасности для общественнаго порядка; здѣсь можетъ родиться обида частному лицу посредствомъ слова, но она преслѣдуется, какъ обида, частнымъ образомъ нанесенная. Но законодательство *Французское*, опредѣливъ общимъ необходимымъ условіемъ преступленія слова публичность, предоставила судебной практикѣ выяснить, что̀ нужно разумѣть подъ *публичнымъ мѣстомъ* и *публичнымъ собраніемъ*. Многіе изъ Французскихъ писателей старались дать точное объясненіе этимъ понятіямъ [1]). Удачнѣе другихъ разъясняетъ этотъ вопросъ Шассанъ. Онъ говоритъ, что мѣсто можетъ быть публичнымъ или по самому его *существу*, независимо отъ лицъ, въ немъ находящихся, какъ, напр., улица, проѣзжая дорога, общественный садъ и т. д., или по его *назначенію*, когда мѣсто, не будучи по своему существу публичнымъ, дѣлается таковымъ по ясному, точному, опредѣленному назначенію, какъ напр. храмы, суды, театры, гостинницы и т. д.; эти мѣста, будучи публичными по назначенію, отличаются отъ мѣстъ публичныхъ, признаваемыхъ таковыми по ихъ существу, тѣмъ, что бываютъ минуты, когда въ нихъ не допускается публика и они обращаются въ мѣста, неимѣющія характера публичности; или наконецъ мѣста дѣлаются публичными по *случайнымъ обстоятельствамъ*, на нѣкоторое только время, напр. частная квартира, въ которой дается публичный спектакль, дѣлается во время этого спектакля мѣстомъ публичнымъ [2]). Не трудно видѣть, что и это раздѣленіе публичныхъ мѣстъ на три категоріи, какъ предлагаетъ Шассанъ, далеко не представляетъ точности, и что въ практической жизни представляются такія публичныя мѣста, которыя нельзя будетъ съ надлежащею опредѣлительностію отнести къ той или другой изъ предлагаемыхъ имъ категорій; но нельзя не согласиться, что его анализъ можетъ послужить весьма полезнымъ пособіемъ для судебной практики, которой приходится опредѣлять, есть ли при судимомъ обнаруженіи мысли необходимое, для признанія его преступнымъ, условіе публичности. Какъ въ ученомъ изслѣдованіи нельзя съ совершенною точностію выяснить этотъ признакъ публичности, такъ и въ положительномъ законѣ нѣтъ возможности опредѣлить это условіе публичности во всѣхъ подробностяхъ, а можно указать его, какъ необходимое условіе для преступленія, только общимъ образомъ, и предоставить восполнять его съ большею точностію судебной практикѣ.

---

1) Parant, Grattier, Chassan и др.

2) *Chassan*, Traité des délits et contraventions de la parole, tome I, Paris, 1851, p. 48—53.

Подобно Англійскому и Французскому, и другія законодательства выставляютъ общимъ образомъ, какъ необходимый признакъ преступленія слова, его публичность.

Бельгійское законодательство требуетъ, чтобы устное слово было произнесено публично, и чтобы письменное или печатное слово было распространено въ публику для того, чтобы такое слово можно было признать преступленіемъ; сравнительно съ Французскимъ законодательствомъ оно представляетъ въ этомъ отношеніи то отличіе, что не пользуется изобрѣтеннымъ во Французскомъ законодательствѣ терминомъ—discours proféré, но употребляетъ общій терминъ—discours prononcé и не считаетъ достаточнымъ сказать только публичное мѣсто, но находитъ нужнымъ добавить и въ *присутствіи собравшихся тамъ людей:* «.... seront réputés complices de tout crime ou délit commis, ceux qui, soit par des discours *prononcés dans un lieu public devant une réunion d'individus*, soit par des placards *affichés*, soit par des écrits imprimés ou non et *vendus* ou *distribués* auront...» (art. 1, décret sur la presse 20 juillet 1831).

Португальское законодательство прямо постановляетъ, что до публикаціи не можетъ имѣть мѣста обвиненіе, а подъ публикаціею разумѣется передача шести экземпляровъ какому-нибудь лицу или выставленіе трехъ экземпляровъ въ публичномъ мѣстѣ или выпускъ ихъ въ продажу. (Loi de la presse 1832 г., titre 2, art. 5. 6.).

Такое же начало публичности требуетъ *Австрійское* законодательство (законъ 27 мая 1852 г. § 11): «Ueber Gedanken oder innerliches Vorhaben, wenn keine *äussere* böse Handlung unternommen, oder nicht etwas, das die Gesetze vorschreiben, unterlassen worden, kann Niemand zur Rede gestellt werden»; § 10: «Bei Verbrechen, die durch Druckschriften begangen werden, beginnt die Strafbarkeit der Handlung für den Verfasser, Uebersetzer, Herausgeber, Redacteur, und Verleger mit der Uebergabe des zu vervielfältigenden Werkes zur Drucklegung; für die übrigen Schuldigen aber mit dem Anfange ihrer Mitwirkung».

Прусскій законъ 14 апрѣля 1851 г. опредѣляетъ публичность, какъ необходимое условіе для возможности признанія выраженной посредствомъ слова человѣческой мысли преступною, совершенно согласно съ Французскимъ законодательствомъ: «Wer durch Reden an *öffentlichen Orten* oder bei *öffentlichen Zusammenkünften*, oder durch Schriften, Abbildungen oder andere Darstellungen, welche *verkauft*, *vertheilt* oder *umhergetragen*, oder *öffentlich ausgestellt* oder *angeschlagen* werden...» (Strafgesetzbuch 14 april 1851, § 36.).

Выставляя въ § 93 проекта Устава, какъ необходимое условіе для признанія преступнымъ устнаго слова, его произнесеніе въ *публичномъ мѣстѣ*, а для признанія преступнымъ письменнаго, печатнаго и т. п. слова его *публичное распространеніе*, Коммиссія не считаетъ нужнымъ опредѣлять въ законѣ,

§ 94. Подъ *преступленіемъ*, посредствомъ устнаго слова, письма или печати совершаемымъ, разумѣется публичное обнаруженіе мысли, воспрещаемое закономъ подъ страхомъ тюремнаго заключенія до *десяти лѣтъ* и денежной пени до *десяти тысячъ*; подъ *проступкомъ* разумѣется такое же обнаруженіе мысли, запрещаемое закономъ подъ страхомъ тюремнаго заключенія до *двухъ лѣтъ* и денежной пени до *тысячи рублей*.

§ 95. Простое же невыполненіе постановленныхъ въ уставѣ полицейскомъ правилъ составляетъ *нарушеніе*.

§ 96. Мѣра постановляемаго въ законѣ наказанія можетъ быть возвышаема вслѣдствіе увеличивающихъ вину обстоятельствъ; къ таковымъ обстоятельствамъ могутъ быть, по усмотрѣнію суда,

что̀ разумѣть подъ публичнымъ мѣстомъ и какіе могутъ быть способы сообщенія письменнаго или печатнаго слова публикѣ. Опредѣленіе публичнаго мѣста здѣсь признается ненужнымъ потому, что въ Сводѣ Законовъ гражданскихъ это названіе уже употреблено нѣсколько разъ (Т. XV ст. 249, 314, 317, 1360, Т. XIV. Уст. о предупр. и пресѣч. прест., ст. 186, 194—235), и потому не требуетъ особаго опредѣленія. Вычисленіе же способовъ публичнаго распространенія, посредствомъ которыхъ рукопись или книга могутъ быть сообщены публикѣ, представляется неудобнымъ потому, что какъ всѣхъ такихъ способовъ предвидѣть нельзя, то перечисленіе ихъ можетъ невыгодно стѣснить судебную практику: она будетъ, при этомъ общемъ опредѣленіи, имѣть возможность полнѣе и точнѣе положительнаго закона объяснить всевозможные виды такого сообщенія.

Къ §§ 94 и 95. — Вполнѣ соглашаясь съ справедливостію началъ, лежащихъ въ основаніи возраженій, которыя дѣлаются какъ *Росси* [1]), такъ и другими криминалистами, противъ различенія, по степени наказаній, преступленій отъ проступковъ и нарушеній, Коммиссія тѣмъ не менѣе нашла необходимымъ принять въ настоящемъ Уставѣ такое раздѣленіе преступленій слова на *преступленія*, *проступки* и *нарушенія*, руководствуясь слѣдующими основаніями: 1) она не считала себя въ правѣ отступать отъ главныхъ принциповъ общаго уголовнаго законодательства Россіи, а *Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ* существенно построено на этомъ отличеніи преступленія отъ проступка; 2) она руководствовалась, кромѣ того, сознаніемъ практической выгоды, рождающейся отъ такого раздѣленія, такъ какъ для преступленій и проступковъ, при окончательномъ преобразованіи судопроизводства, можетъ быть опредѣлено различіе въ подсудности и формѣ суда; отдѣляя же отъ преступленій и проступковъ нарушенія, заключающіяся въ простомъ неисполненіи постановленныхъ уставомъ правилъ, можно изъять таковыя нарушенія изъ судебнаго разсмотрѣнія и предоставить производить постановленныя за нихъ взысканія полицейскимъ органамъ; 3) она нашла подтвержденіе въ удобствѣ такого раздѣленія, не говоря уже о *Французскомъ* законодательствѣ, давно принявшемъ раздѣленіе преступленій на crimes, délits и contraventions, и въ новѣйшихъ уголовныхъ законахъ о преступленіяхъ слова — *Прусскомъ* 14 апрѣля 1851 г. и *Австрійскомъ* 27 мая 1852 г., раздѣляющихъ преступленія слова, по основаніи степени наказанія, на Verbrechen, Vergehen и Uebertretung.

Къ § 96. Преступленія слова, кромѣ общихъ, вышесказанныхъ существенныхъ отличій отъ другихъ преступленій, представляютъ еще и ту осо-

1) *Rossi*, Traité de droit pénal.

отнесены: совершеніе преступленія или проступка во второй разъ, стеченіе нѣсколькихъ преступленій или проступковъ въ одномъ и томъ же произведеніи, соединеніе преступленія съ проступкомъ, соединеніе преступленія или проступка съ нарушеніемъ.

бенность, что какъ мысль человѣка можетъ рождаться и проявляться въ многоразличнѣйшихъ образахъ, то преступленія этого рода нельзя впередъ опредѣлить въ положительномъ законѣ съ такою точностію, какъ это возможно относительно другихъ преступленій. Въ законѣ можно опредѣлить преступленія слова только общимъ образомъ, опредѣлить только возможные роды этихъ преступленій, такъ чтобы являющееся въ дѣйствительности преступленіе могло подойти, какъ отдѣльный видъ, подъ тотъ или другой родъ, предвидѣнный въ законѣ; въ противномъ случаѣ, еслибы поставить себѣ задачею гнаться за полнотою, и, не ограничивалсь опредѣленіемъ родовъ преступленій, опредѣлять и ихъ виды, то многія преступленія могли бы остаться вовсе безъ наказанія, такъ какъ предвидѣть всѣхъ видовъ нѣтъ возможности. Отъ этого обстоятельства Коммиссія пришла къ убѣжденію, что мѣра наказанія, постановленная только относительно цѣлыхъ родовъ преступленія, должна быть опредѣлена широко, чтобы не стѣснить выбора судьи и дать ему возможность за каждое отдѣльное преступленіе назначить соотвѣтствующее винѣ наказаніе; оттого въ законѣ указывается общимъ образомъ, что мѣра наказанія сообразуется съ обстоятельствами, увеличивающими или уменьшающими вину преступника. Коммиссія нашла возможнымъ къ обстоятельствамъ, увеличивающимъ вину преступника, отнести прямо только слѣдующія, и при томъ оцѣнку ихъ сочла нужнымъ опять предоставить усмотрѣнію суда:

1) *Совершеніе преступленія или проступка во второй разъ.* Французское законодательство въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ своему правилу общаго уголовнаго кодекса, именно, что при повтореніи преступленія мѣра наказанія непремѣнно увеличивается; напротивъ, въ законѣ о прессѣ 17-го мая 1819 года не ставится для суда обязательно увеличивать мѣру наказанія при повтореніи преступленія, но предоставляется только право такого увеличенія: «En cas de récidive des crimes et délits prévus par la présente loi, *il pourra y avoir lieu à* l'aggavation des peines» (art. 25). Другія законодательства общимъ образомъ относятъ совершеніе преступленія во второй разъ къ обстоятельствамъ, возвышающимъ мѣру наказанія. (Напр. Австрійскій законъ 27-го мая 1852, § 44).

2) *Стеченіе нѣсколькихъ преступленій или проступковъ въ одномъ и томъ же произведеніи* и

3) *Соединеніе преступленія съ проступкомъ или соединеніе преступленія или проступка съ нарушеніемъ*—Коммиссія на томъ же основаніи отнесла къ обстоятельствамъ, которыя, по усмотрѣнію суда, могутъ увеличить мѣру наказанія; относительно размѣровъ увеличенія судъ долженъ руководствоваться общими постановленіями ст. 141 — 145 *Улож. о наказ. угол. и исправ.*

§ 97. При назначеніи опредѣленнаго въ законѣ наказанія за преступленіе слова судъ опредѣляетъ уничтоженіе самаго орудія этого преступленія, т. е. рисунка, рукописи или книги и т. п., или тѣхъ только мѣстъ произведенія, въ которыхъ заключается преступное обнаруженіе мысли. При назначеніи наказанія за подобное преступное обнаруженіе мысли въ повременномъ изданіи, суду предоставляется опредѣлить запрещеніе такого повременнаго изданія на срокъ, какой онъ признаетъ нужнымъ, или и совершенное прекращеніе такого изданія.

§ 98. Постановляя по отношенію къ повременному изданію приговоръ, судъ можетъ опредѣлить, чтобы въ слѣдующемъ номерѣ сего повременнаго изданія опредѣленіе суда было напечатано безъ всякихъ примѣчаній, возраженій или разсужденій.

Къ § 96. Обнаруженіе мысли, признанное судомъ за преступленіе, и слѣдовательно заключающее въ себѣ вредъ и опасность для общества, можетъ быть, по усмотрѣнію суда, уничтожено посредствомъ истребленія тѣхъ рисунковъ, рукописей или книгъ, или тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ обнаружилось такое преступленіе.

Справедливость этого начала видна сама по себѣ и не требуетъ объясненій. Потому какъ *Французское* (art. 26, loi 26 mai 1819. «Tout arrêt de condamnation contre les auteurs ou complices des crimes et délits commis par voie de publication, ordonnera la suppression ou la *destruction* des objets saisis ou de tous ceux qui pourront l'être ultérieurement, en tout ou en partie), такъ *Прусскаго* (Strafgesetz. 14 April 1851, § 19: «Wenn der Inhalt einer Schrift, Abbildung oder Darstellung sich als Thatbestand einer strafbaren Handlung darstellt, so ist im Strafurtheile zugleich die Vernichtung aller vorfindlichen Exemplare und der dazu bestimmten Platten und Formen auszusprechen; ist die Schrift, Abbildung oder Darstellung ihrem Hauptinhalte nach eine erlaubte, so soll nur auf die Vernichtung der gesetzwidrigen Stellen und desjenigen Theils der Platten und Formen erkannt werden, auf welchen sich diese Stellen befinden»), такъ и другія законодательства вооружаютъ этимъ необходимымъ правомъ судъ. На томъ же основаніи, суду должно быть предоставлено право въ его приговорѣ опредѣлять запрещеніе повременнаго изданія на срокъ или и совершенно. Во Франціи такое право относительно повременныхъ изданій предоставлено суду закономъ 18 іюля 1828 г., 15-я ст., который предоставляетъ суду, въ случаѣ повторяемаго въ повременномъ изданіи преступленія, прекратить изданіе на время, которое должно быть не менѣе десяти дней и не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Это постановленіе было выяснено и дополнено закономъ 9-го сентября 1835 года, ст. 12-я котораго также опредѣляетъ это право суда: предоставляется запретить журналъ на четыре мѣсяца, если преступленіе встрѣчается во второй разъ, если онъ былъ въ первый разъ обвиненъ въ преступленіи (crime)[1]), и если онъ въ теченіе двухъ лѣтъ былъ два раза подвергнутъ суду.

Къ § 98. Здѣсь только указывается это право суда, а наказаніе, которое должно быть назначено за нарушеніе, могущее произойти отъ невыполненія журналомъ такого приказанія, будетъ опредѣлено ниже, въ Гл. IV сего раздѣла.

---

1) По крайней мѣрѣ такъ понимаетъ этотъ законъ Французская судебная практика, равно и ***Парань*** и ***Шассанъ***. См. Chassan, Traité des délits etc., I, p. 179.

§ 99. Въ случаѣ соединенія съ уголовнымъ искомъ иска гражданскаго, приговоръ постановляется и по гражданскому иску судомъ уголовнымъ.

§ 100. Различіе въ преступленіяхъ, совершаемыхъ посредствомъ слова, главныхъ виновниковъ отъ участниковъ опредѣляется въ раздѣлѣ [redacted] сего Устава, въ статьяхъ объ отвѣтственныхъ лицахъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ, СОВЕРШАЕМЫЯ ПОСРЕДСТВОМЪ УСТНАГО СЛОВА, ПИСЬМА ИЛИ ПЕЧАТИ, И НАКАЗАНІЯ ЗА ОНЫЯ.

§ 101. Воззваніе посредствомъ способовъ, въ § 93 означенныхъ, къ совершенію дѣянія, запрещаемаго законами Россійской Имперіи подъ страхомъ уголовнаго наказанія, считается преступленіемъ и подвергается наказанію на основаніи слѣдующихъ статей.

Къ § 99. Такое соединеніе гражданскаго иска съ уголовнымъ представляетъ необходимымъ поручить уголовному суду, какъ подвергающему своему анализу главный фактъ оскорбленія, и разсмотрѣніе гражданскаго иска, какъ это дѣлаютъ всѣ законодательства и какъ это происходитъ до сихъ поръ и по постановленію Русскаго законодательства, нынѣ дѣйствующаго: «Искъ о безчестьѣ можетъ быть начатъ въ судѣ гражданскомъ, или же соединенъ съ требованіемъ о наказаніи виновнаго и предоставленъ суду уголовному». (Т. X, Св. Зак. Гр., изд. 1857 г., Ч. 1, ст. 668).

Къ § 101. Если преступленія, совершаемыя посредствомъ слова, вообще представляютъ важную особенность, при сравненіи ихъ съ другими преступленіями, нѣтъ матеріальной, вещественной стороны ихъ совершенія, нѣтъ видимаго corpus delicti, и если ихъ признаютъ за преступленія только по субъективной ихъ сторонѣ, по присутствію злой воли преступника, стремившейся умышленно нанести вредъ другому лицу посредствомъ слова, то преступленія, заключающіяся въ прокламаціяхъ или воззваніяхъ къ совершенію другими лицами чего-либо преступнаго, представляютъ по своему существу важныя особенности сравнительно съ остальными преступленіями, совершаемыми посредствомъ слова.

Произведеніе прокламаціи или воззванія имѣетъ двѣ стороны, представляющія особыя и самостоятельныя степени преступности. Во-первыхъ, совершившій воззваніе можетъ быть разсматриваемъ, какъ интеллектуальный виновникъ преступленія, и въ этомъ отношеніи его вина опредѣляется, смотря по тому, сопровождается ли его подстреканіе тѣми послѣдствіями, какихъ желалъ подстрекатель, или не сопровождается ими; въ первомъ случаѣ, онъ признается соучастникомъ въ преступленіи, во второмъ вовсе освобождается отъ вмѣненія, такъ какъ его дѣяніе должно быть признаваемо только за приготовленіе къ

преступленію, вовсе не подвергаемое наказанію [1]). Но, во-вторыхъ, воззваніе можетъ заключать въ себѣ самостоятельное оскорбленіе того или другаго права, обществу или государству принадлежащаго, и подлежать, такимъ образомъ, и съ этой стороны наказанію. Воззванія къ совершенію государственныхъ преступленій могутъ быть преслѣдуемы только по отношенію къ этой второй сторонѣ, заключающейся въ существѣ воззванія; наказать составителя воззванія можно только сообразно съ тѣмъ правомъ, которое оскорбляется посредствомъ воззванія. Что нельзя подвергать наказанію составителя воззванія по тому основанію, нашло ли воззваніе исполнителей, или нѣтъ, легко видѣть изъ разсмотрѣнія слѣдующихъ причинъ: 1) воззваніе къ совершенію государственнаго преступленія можетъ найти исполнителей не тотчасъ, а они могутъ явиться въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени; 2) нельзя доказать, чтобы именно опредѣленное воззваніе къ совершенію государственнаго преступленія было причиною такого преступленія, если оно будетъ совершено; 3) если воззваніе къ совершенію напр. самаго тяжкаго государственнаго преступленія, какъ перемѣна государственнаго порядка, нашло бы дѣйствительно осуществителей, то оно бы и не могло быть подвергнуто наказанію, такъ какъ потеряло бы характеръ преступленія, и будучи причиною другаго государственнаго порядка, считалось бы поступкомъ, сообразнымъ съ закономъ и правдою.

Французское законодательство, въ своемъ общемъ законѣ о прессѣ 17-го мая 1819 года, различало воззванія къ совершенію преступленія, сопровождавшіяся желаемыми послѣдствіями, отъ воззваній, не сопровождавшихся послѣдствіями, тѣмъ, что авторовъ первыхъ наказывало, какъ соучастниковъ (complice) въ совершенномъ преступленіи, а авторовъ послѣднихъ наказывало тюремнымъ заключеніемъ отъ 3 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и денежною пенею отъ 50 до 6000 фр. (l' art. 1. 2, loi du 17 mai 1819). Законъ 1835 года стремился измѣнить это положеніе тѣмъ опредѣленіемъ, что воззваніе къ совершенію государственнаго преступленія — все равно, будетъ ли или не будетъ сопровождаемо послѣдствіями, — считается нападеніемъ на государственную безопасность—attentat à la sûreté de l'état (L. 9 sept. 1835). Это постановленіе отмѣнено въ 1848 году (art. 1. 6 mars 1848).

Бельгійское законодательство разсматриваетъ автора воззванія, какъ соучастника въ преступленіи, и подвергаетъ его наказанію, если его воззваніе сопровождалось хотя покушеніемъ совершить преступленіе, предложенное воззваніемъ (art. 2. 3. code pénal. — art. 1. 20 juillet 1831).

Бразильское законодательство разсматриваетъ воззваніе, какъ самостоятельное преступленіе, и опредѣляетъ наказаніе соразмѣрно съ тѣмъ правомъ, которое оскорбляется воззваніемъ (loi du 20 sept. 1830).

1) См. *Berner* и друг. криминалистовъ.

§ 102. Воззваніе къ совершенію какого-либо уголовнаго преступленія (кромѣ указанныхъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ воззваній къ совершенію государственныхъ преступленій) влечетъ наказаніе для автора такого воззванія, какъ для зачинщика, или подстрекателя, если послѣдствіемъ воззванія будетъ совершеніе этого преступленія; если же воззваніе не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій, то оно почитается приготовленіемъ къ преступленію.

§ 103. Учинившій посредствомъ способовъ, въ § 93 означенныхъ, воззваніе къ ниспроверженію государственнаго порядка, къ низложенію верховной государственной власти, или къ посягательству на священную особу Государя Императора или Государя Наслѣдника, или къ измѣненію установленнаго законами престолонаслѣдія, подвергается тюремному заключенію отъ *двухъ* до *десяти лѣтъ*

Законодательство *Женевское*, подобно Французскому, признавая воззваніе къ государственному преступленію за самостоятельное преступленіе, подвергаетъ его различнымъ наказаніямъ, смотря по тому, сопровождалось ли оно желаемыми послѣдствіями, или нѣтъ (art. 4, loi du 2 mai 1827).

По *Англійскому* законодательству, воззваніе къ совершенію государственныхъ преступленій, названныхъ общимъ именемъ измѣны, считается самостоятельнымъ преступленіемъ. См. Зак. Эдуарда III, Георга III, Анны. (*Alèx. Laya*, II, стр. 231 и сл.).

Русское законодательство о сдѣлавшихъ воззваніе къ совершенію какого-либо уголовнаго преступленія не постановляетъ особаго опредѣленія, а причисляетъ ихъ къ подстрекателямъ («подговорщиками или подстрекателями считаются тѣ, которые, не участвуя сами въ совершеніи преступленія, употребляли просьбы, *убѣжденія* или подкупъ и обѣщаніе выгодъ, или обольщенія и обманы или же принужденіе и угрозы, дабы склонить къ оному другихъ». *Улож. о нак. угол. и исправ.* ст. 15), которыхъ приговариваетъ къ высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго за преступленіе, къ коему они подговаривали или подстрекали. (Ул. о нак. ст. 132). Воззваніе къ совершенію государственныхъ преступленій Русское законодательство считаетъ за самостоятельное преступленіе. (Ул. о нак. ст. 275 и сл.).

Къ § 102. Изъ предъидущагоо бъясненія видно, почему воззванія къ уголовнымъ преступленіямъ вообще отличены отъ воззваній къ совершенію нѣкоторыхъ государственныхъ преступленій. Опредѣленіе, что воззваніе, не имѣющее никакихъ послѣдствій, почитается приготовленіемъ къ преступленію, высказано потому въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что, по Русскому законодательству, приготовленіе къ преступленію не всегда освобождается отъ наказанія, и такъ какъ случаи, въ которыхъ присуждается наказаніе за приготовленіе къ совершенію преступленія, опредѣлены съ достаточною точностію въ 124 и слѣд. статьяхъ *Улож. о наказ.*, то здѣсь представляется достаточнымъ такое общее опредѣленіе.

Къ § 103. Воззваніе къ совершенію такихъ важныхъ государственныхъ преступленій представляется само по себѣ, преступленіемъ тяжкимъ, независимо отъ послѣдствій, которыми оно будетъ сопровождаться, но не столько по причинѣ опасности, которая можетъ отъ такого воззванія грозить обществу или государству, сколько по причинѣ открыто и дерзко выражаемаго оскорбленія цѣлому обществу, всему государственному строю и порядку. Существо такого воззванія прямо уже свидѣтельствуетъ о себѣ, какъ о самостоятельномъ преступленіи, требующемъ наказанія; но представляется вопросъ: какому наказанію должно

и денежной пенѣ отъ *тысячи* до *пяти тысячъ руб.*; сверхъ того, суду предоставляется лишить виновнаго, на основаніи § 54 *Улож. о наказ. угол. и испр.*, нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Злонамѣренные распространители воззванія подвергаются тѣмъ же наказаніямъ.

Тѣмъ же наказаніямъ подвергаются за составленіе или подписаніе адресовъ или прошеній о перемѣнѣ формы правленія или основныхъ законовъ Россійской Имперіи».

подлежать такое злосчастное произведеніе человѣческаго слова, — вопросъ, различно разрѣшаемый законодательствами различныхъ народовъ и законодательствомъ одного и того же народа въ различныя времена народной жизни. Когда государственная жизнь только начинаетъ слагаться, когда различные общественные элементы еще не составляютъ гармоническаго цѣлаго, когда у народа нѣтъ увѣренности и убѣжденія въ господствѣ государственной правды, въ силѣ верховной государственной власти и положительнаго закона, тогда воззваніе къ ниспроверженію государственнаго порядка представляется преступленіемъ, которое по существу своему грозитъ опасностію, такъ какъ такое воззваніе легко находитъ своихъ исполнителей съ физическою силою: законодательство, стремясь предупредить такую опасность, защищается противъ преступленій этого рода началомъ устрашенія, почему и грозитъ имъ самыми тяжкими наказаніями. Во всѣхъ первоначальныхъ кодексахъ измѣна общему миру занимаетъ всего болѣе законодателя. Съ развитіемъ государственной жизни, съ водвореніемъ государственнаго порядка, съ упроченіемъ верховной власти и уваженія къ правдѣ и закону, подобныя преступленія, какъ воззванія къ ниспроверженію государственнаго порядка, начинаютъ терять прежній характеръ опасности для государства: такъ какъ, при всеобщемъ уваженіи къ государственному порядку съ одной стороны и при силѣ правительства — съ другой, подобныя воззванія не могутъ находить опасныхъ для государства исполнителей, и потому такія воззванія начинаютъ представляться преступленіями не съ характеромъ опасности для государства, но съ характеромъ оскорбленія всего общества, составляющаго государство; а потому и законодательство, вмѣсто прежнихъ тяжкихъ наказаній, которыя были опредѣляемы за воззванія, напр. смертной казни,—стали назначать не столь сильныя наказанія, стали опредѣлять за воззваніе лишеніе свободы и денежныя пени, какъ наказанія, болѣе соотвѣтствующія существу такого преступленія, оскорбляющаго цѣлое общество. Практическая жизнь показала, что подобныя, не чрезмѣрно строгія наказанія за воззванія, равно какъ и за другія преступленія, скорѣе достигаютъ предупрежденія подобныхъ преступленій, и что, напротивъ, чрезмѣрно строгія наказанія не только не достигаютъ это цѣли, но въ большинствѣ случаевъ остаются безъ примѣненія. Легко видѣть, почему въ государствахъ, достигшихъ извѣстнаго развитія, чрезмѣрно строгія наказанія за воззванія къ совершенію важныхъ государственныхъ преступленій представляются положительно вредными: 1) При господствующемъ уваженіи большинства образованныхъ лицъ къ государственному порядку, воззванія къ его ниспроверженію не представляются общественному мнѣнію опасными, и слѣдовательно важными государственными преступленіями; судьи, всегда болѣе или менѣе зависящіе отъ общественнаго мнѣнія, ставятся, при существованіи закона, назначающаго за подобное преступленіе чрезмѣрно строгое на-

казаніе, въ весьма затруднительное положеніе: подвести воззваніе подъ подобный строгій законъ имъ будетъ казаться прегрѣшеніемъ противъ человѣколюбія и справедливости; не подвести вовсе — значитъ оставить дѣйствительное преступленіе безъ наказанія; практика показываетъ однако, что на послѣднее они рѣшаются чаще. 2) Въ случаѣ примѣненія чрезмѣрно строгаго закона, общество и его общественное мнѣніе становится въ совершенно превратныя отношенія и къ преступнику и къ правительству: вмѣсто того, чтобы оскорбляться поступкомъ совершившаго воззваніе, общество начинаетъ оказывать сочувствіе ему, какъ претерпѣвающему болѣе строгое, чѣмъ требуетъ его поступокъ, наказаніе, считаетъ его несчастною жертвою, и съ другой стороны охлаждаетъ свою привязанность къ правительству, начинаетъ видѣть въ его дѣйствіяхъ и приговорѣ суда жестокій актъ несправедливости. 3) Самое совершеніе подобнаго воззванія, представляющее по своему существу жалкую и ничтожную дѣятельность оскорбителя, при назначеніи за него наказанія, какъ за важное политическое, государственное преступленіе, измѣняетъ, въ глазахъ людей, недостаточно развитыхъ нравственно и политически, свой характеръ ничтожества и дерзости, и пріобрѣтаетъ въ ихъ глазахъ характеръ подвига; чѣмъ строже полагается за воззваніе наказаніе, тѣтъ скорѣе подобныя лица склонны прибѣгнуть къ нему и сдѣлаться, въ убѣжденіи массы, мучениками свободы. 4) Напротивъ, умѣренное наказаніе, опредѣляемое за политическія воззванія, всегда служитъ справедливымъ послѣдствіемъ преступности дѣяній этого рода и лучшимъ предупрежденіемъ частаго ихъ появленія: такой законъ всегда находитъ примѣненіе, преступленіе не остается безъ наказанія, общество сочувствуетъ судебному приговору и правительству, считаетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ въ оскорбленіи, нанесенномъ ему посредствомъ воззванія, и этимъ поставляетъ автора воззванія въ необходимость сознать ничтожность и преступность его дѣянія и видѣть въ наказаніи не бичъ произвола, а заслуженную, справедливую кару.

Вотъ почему средневѣковыя законодательства Европейскихъ государствъ опредѣляли за подобныя воззванія смертную казнь, а потомъ мало по малу казнь эта замѣнилась болѣе умѣренными наказаніями.

Въ *Англійскомъ* законодательствѣ, впрочемъ, до сихъ поръ остается это наказаніе и Англія не имѣетъ причины измѣнять его, такъ какъ подобное преступленіе и не встрѣчается на Англійской почвѣ. Прежде это преступленіе составляло одинъ изъ видовъ того рода преступленій, который назывался *высшею измѣною* (high treason), и подвергалось усиленному виду смертной казни. Но со времени акта 25-го, Эдуарда III, гл. 2, этотъ родъ преступленій называется просто treason, и этимъ актомъ опредѣлены его виды, что̀ подтверждено ста-

тутомъ Георга III [1]), и въ настоящее время къ treason причислены, между прочимъ: разсылка писемъ, приглашающихъ принять участіе въ заговорѣ противъ жизни короля, королевы или наслѣдника престола; кромѣ того, по статуту королевы Анны (акт. 6, гл. 7), сюда же относится письменное или печатное заявленіе о правѣ кого-либо другаго на Англійскую корону, а не того, кому корона должна принадлежать по Англійскому закону. Эти преступленія, по закону Вильгельма III (акт. 53, гл. 146), и теперь дѣйствующему, наказываются смертною казнію (*Alex. Laya*, Droit anglais ou résumé de la législation anglaise. Par. 1850, T. II, p. 231 — 235).

Строгія постановленія *Французскаго* законодательства относительно этого преступленія, дѣйствовавшія еще въ началѣ XIX ст., совершенно измѣнились въ теченіе времени, начиная съ закона о прессѣ 17 мая 1819 года. Этимъ послѣднимъ закономъ отмѣнено строгое постановленіе 86 ст. code pénal, по которому воззваніе къ лишенію жизни короля наказывалось, какъ отцеубійство; воззваніе къ умерщвленію членовъ королевскаго дома или къ разрушенію или измѣненію правительства или порядка престолонаслѣдія или возбужденіе согражданъ вооружиться противъ королевской власти наказывалось смертію. (Code pénal, Liv. 3. tit. 1. ch. 1.) Впрочемъ, этотъ § уголовнаго кодекса былъ видоизмѣненъ въ 1815 г., когда за всѣ эти воззванія назначена депортація (loi du 9 nov. 1815). Извѣстный Французскій законъ 17 мая 1819 г. за эти преступленія постановилъ: тюремное заключеніе отъ 3-хъ мѣсяцевъ до пяти лѣтъ и денежную пеню отъ 50 до 6000 фр. (loi 17 T. 1819, art 2), что было подтверждено и законами 1822 (loi du 25 mars 1822, art 2), 1835 г. (loi du 29 nov. 1830, art. 1) [2]) и 1848. Законъ 11 августа 1848 г. натурально называетъ таковымъ преступленіемъ воззваніе къ ниспроверженію правъ и власти національнаго собранія (l'asemblée nationale), и грозитъ тюремнымъ заключеніемъ отъ 3-хъ мѣсяцевъ до одного года и пенею отъ 300 до 6000 фр.; это наказаніе распространено закономъ 27 іюля 1849 и на воззваніе къ ниспроверженію власти президента республики. По возстановленіи во Франціи имперіи (senatus-consulte 7 nov. 1852), это наказаніе замѣнено, по постановленію 1853 г. 10 іюля, вошедшему въ 87 ст. code pénal, угрожаетъ депортаціею.

Законодательства другихъ государствъ, основавшихъ свои законоположенія о прессѣ на Французскомъ, удержали въ своихъ кодексахъ за подобныя воззванія принципъ наказанія, принятый во Франціи въ 1815 и въ 1819 г.

1) Актъ 37 Георга III, гл. 8, а потомъ 58 актъ Георга III, гл. 6, п. 1, вомногомъ измѣнилъ прежнее постановленіе, но оставилъ въ силѣ sections 1, 5, 6, что дѣйствуетъ и до сихъ поръ.

2) Законъ 1835 г. представляетъ ту только разницу сравнительно съ предъидущимъ, что онъ опредѣляетъ тюремное заключеніе не отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 5 лѣтъ, а отъ одного мѣсяца до пяти лѣтъ.

Такъ *Бельгійское* законодательство грозитъ автору подобнаго воззванія (qui aura méchamment et publiquement attaqué soit l'autorité constitutionelle du roi, soit l'inviolabilité de sa personne, soit les droits constitutionnels de sa dynastie, soit les droits ou l'autorité des chambres...) тюремнымъ заключеніемъ отъ шести мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ. (Décret sur la presse, 20 juillet 1831, art. 3., comp. art. 1).

Бразильское законодательство, хотя прямо заимствованное изъ Французскаго, но составленное съ бо̀льшею точностію и правильнѣйшимъ анализомъ, назначаетъ за подобное воззваніе тюремное заключеніе отъ трехъ до девяти лѣтъ и денежную пеню отъ одного до 3000 рейсовъ (loi du 20 sept. 1830, titre 1, art. 2).

Женевское законодательство̀ назначаетъ за подобное воззваніе, если оно сопровождалось желаемыми послѣдствіями, тюремное заключеніе до трехъ лѣтъ и денежную пеню до 3000 флориновъ (или одно изъ этихъ наказаній), а если не сопровождалось послѣдствіями — то тюремное заключеніе до одного года и денежную пеню до 1000 флориновъ. Въ томъ и другомъ случаѣ виновной заключается въ maison de détention. (Loi du 2 mai 1827, art. 4. 6).

По *Прусскому* законодательству, учинившій воззваніе къ такому дѣянію, которое преслѣдуется закономъ, какъ государственная измѣна (als ein hochverrätherisches Unternehmen), подвергается заключенію, смотря по обстоятельствамъ, либо въ тюрьмѣ, либо въ Zuchthaus отъ 2-хъ до 10 лѣтъ. (Strafgesetzbuch von 14. April 1851 § 65).

По *Австрійскому* законодательству, учинившій такое воззваніе къ дѣянію, называемому Hochverrath, опредѣляемому въ § 58 уголовнаго закона, подвергается тюремному заключенію (schwerer Kerker, подъ которымъ разумѣется заключеніе съ оковами) отъ десяти до двадцати лѣтъ. (Strafgesetz von 27. Mai 1852, § 59).

Обращаясь къ отечественному законодательству̀ и не останавливаясь на временахъ древнихъ, когда въ законодательствѣ не было постановляемо систематическихъ и твердыхъ законоположеній, мы замѣтимъ, что Русское законодательство, при первыхъ стремленіяхъ Русскаго общества образовать государственную жизнь въ XVII ст., создало относительно преступленій этого рода опредѣленныя начала, которыхъ неуклонно держалось въ теченіе всего XVIII столѣтія, и сохранило, но съ нѣкоторыми отличіями въ ихъ примѣненіи, и до настоящаго времени.

Эти начала построены на томъ воззрѣніи законодательства, что преступленія этого рода представляютъ крайнюю опасность для государства, и что потому авторамъ ихъ нужно угрожать самыми строгими наказаніями. Это вполнѣ понятно, если вспомнить, каково было положеніе государственнаго строя въ XVII

и въ теченіе всего XVIII столѣтія, при полнѣйшей неопредѣленности верховной государственной власти и порядка престолонаслѣдія, возбуждавшей борьбу партій при самомъ дворѣ и открывавшей возможность являться многимъ искателямъ престола.

Патріархальный кодексъ древней Москвы, подъ именемъ «Уложенія царя Алексѣя Михайловича», быстро составленный для умиренія страстей, волновавшихъ еще разъ снова слагавшуюся общественность, построилъ уголовную свою часть главнымъ образомъ на системѣ устрашенія, проявившейся въ строгихъ и жестокихъ наказаніяхъ. Два первые пункта второй главы Уложенія опредѣлили не только за дѣятельность, направленную къ ниспроверженію власти царя или государственнаго порядка, но и за помышленіе къ этому, усиленную смертную казнь. Новоуказныя статьи, стремившіяся вообще смягчить строгія наказанія Уложенія, не могли сдѣлать этого относительно преступленій противъ первыхъ двухъ пунктовъ, такъ какъ время конца XVII столѣтія, время бунтовъ и неудовольствія къ правительству, грозило безпрестанно опасными возмущеніями, и именно рѣчи противъ правительства и распространеніе возмутительныхъ писемъ возбуждали живѣйшія опасенія. Особенно общество стрѣльцовъ составляло опаснѣйшихъ враговъ. Новоуказныя статьи грозятъ «смертію безъ всякаго милосердія тѣмъ, которые будутъ говорить возмутительныя слова и держать у себя и распространять *прелестныя* письма, — чтобъ ворамъ и мятежникамъ было страшно и помышлять, не токмо затѣвать, и чтобъ впредь такого начинанія отнюдь не было и не мыслили никакимъ образомъ»[1]). Такая угроза не достигла цѣли, и правительство въ слѣдующемъ (1683) году попробовало смягчить наказаніе, опредѣливъ за произнесеніе возмутительныхъ словъ, «кои говорятъ въ народѣ, на соблазнъ и на страхованіе людямъ многія затѣйныя дѣла, вмѣщая на смуту», вмѣсто смертной казни, наказывать кнутомъ и ссылать въ разные города[2]). Но какъ подобныя воззванія все продолжались, то, чрезъ мѣсяцъ послѣ отмѣны смертной казни, вышло распоряженіе о прокликаніи бирючами на площадяхъ, что запрещается, подъ угрозою смертной казни, говорить про мимошедшее смутное время похвальныя и неприличныя слова и держать о томъ у себя причинныя и затѣйныя письма[3]).

Императоръ Петръ I, преобразованія котораго и измѣненіе нѣкоторыхъ коренныхъ государственныхъ основъ, какъ напр. порядка престолонаслѣдія, вызывали неудовольствія многихъ и заговоры противъ его правительства, счи-

1) Именный, объявленный рязряду изъ стрѣлецкаго приказа 31 декабря 1682 г. (1-е П. С. З. Т. II, № 978).

2) 22 марта 1683 г. (Т. II, № 1002).

3) 21 мая 1683 г. (Т. III, № 1014).

талъ необходимымъ не только удержать за воззванія жестокую смертную казнь Уложенія [1]), но придумалъ еще особый порядокъ преслѣдованія и открытія возмутителей: тайный, розыскной порядокъ, для отправленіи котораго учредилъ сначала Преображенскій приказъ, преобразованный потомъ въ канцелярію, а послѣ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, куда должны были являться всѣ, имѣющіе сказать государево слово и дѣло [2]), и куда представлялись всѣ возмутительныя письма, которыхъ при Петрѣ много было доставляемо въ Россію изъ-за границы [3]); эти установленія должны были отыскивать виновныхъ секретно и судить ихъ тайно. Эти распоряженія, хотя остановили открытыя воззванія, но породили другую, болѣе опасную болѣзнь, — *подметныя письма*, въ которыхъ недовольные правительствомъ подвергали критикѣ его дѣйствія и возбуждали къ его ниспроверженію. Борьба съ подметными письмами представилась гораздо труднѣйшею. Для опроверженія подобныхъ писемъ, напр. о неправильности новаго закона о престолонаслѣдіи, правительство Петра I и Екатерины I издавало отъ себя особые, подробные указы — «Правда воли монаршей». Такъ какъ подметныхъ писемъ являлось чрезвычайное множество, то императоръ Петръ I повелѣлъ не принимать таковыхъ отъ частныхъ лицъ, которымъ они будутъ доставляемы, а приказалъ, чтобы всѣ лица, которыя найдутъ таковыя, при свидѣтеляхъ ихъ сожигали [4]).

Первые преемники Петра I слѣдовали его началамъ: казнили смертною казнію и тайно судили по сказанію государева слова и дѣла.

Императоръ Петръ III вноситъ новое начало своимъ указомъ 21 февраля 1762 г., которымъ постановляется о закрытіи тайной розыскной канцеляріи, объясняя, что къ открытію ея и слѣдовательно къ установленію такого тайнаго производства побудили императора Петра I тогдашнихъ временъ обстоятельства и *неисправленные еще* въ народѣ нравы [5]). Хотя этотъ указъ и подтвержденъ былъ указомъ императрицы Екатерины II 19 сентября 1762 г. и тайная канцелярія дѣйствительно закрыта, но вмѣсто ея стала дѣйствовать учрежденная при императрицѣ Екатеринѣ II тайная экспедиція, совершенно съ тѣмъ же характеромъ до 1801 г. [6]). Въ законодательствѣ императрицы Екатерины II оставались прежнія строгія наказанія за подобныя воззванія, именно четвертованіе, но они не примѣнялись и замѣнялись ссылкою въ Сибирь [7]). Правительство, какъ видно изъ нѣкоторыхъ указовъ, стало убѣж-

1) См. Воинскій артикулъ, 135—137. Т. V. 3006, Морской уставъ, § 87—93. Т. IV. 3485.
2) Т. IV. № 1918. Т. V. № 2756.
3) Т. IV. № 2189.
4) 26 января 1715. Т. V, № 2877.
5) Т. XV. № 11445.
6) XVI. № 11687.
7) Т. XVI. № 11693.

даться, что наказаніями этого зла предотвратить невозможно, и какъ при императрицѣ Екатеринѣ II попытокъ къ различнымъ воззваніямъ этого рода было не менѣе, чѣмъ при Петрѣ I, то императрица прибѣгла къ той мѣрѣ, что указами увѣщевала не прибѣгать къ дерзостнымъ воззваніямъ и истолкованіямъ верховной власти, но смотрѣть, сколько правительство принимаетъ заботъ для счастія страны [1]). При императорѣ Александрѣ I правительство стремится измѣнить начала законодательныя относительно преступленій противъ первыхъ двухъ пунктовъ, куда относятся и воззванія, и въ 1801 измѣняетъ одну сторону этихъ началъ: объявляетъ, что признаетъ вреднымъ тайный способъ преслѣдованія и сужденія преступленій этого рода, почему тайная экспедиція закрывается, а эти преступленія подлежатъ дѣйствію общихъ законовъ и общаго уголовнаго суда [2]). Другая же часть древняго законодательнаго начала, именно: строгая угроза за преступленія этого рода, обличающая воззрѣніе законодательства на эти преступленія, какъ на опасныя для всего государства, была

1) Такъ въ манифестѣ 4-го іюня 1763 г. (Т. XVI, № 11843) императрица говоритъ: «равное желаніе и воля Наша есть, чтобъ всѣ и каждый изъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, единственно прилежалъ своему званію и должности, удаляясь отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но противу всякаго чаянія, къ крайнему Нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои не о добрѣ общемъ и спокойствіи помышляютъ; но какъ сами заражены страшными разсужденіями о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ непринадлежащихъ, не имѣя о томъ прямаго свѣдѣнія, такъ стараются заражать и другихъ слабоумныхъ, и даже до того допускаютъ свои слабости въ безразсудномъ стремленіи, что касаются дерзостно своими истолкованіями, не только гражданскимъ правамъ и правительству и нашимъ издаваемымъ уставамъ, но и самымъ божественнымъ узаконеніямъ, не воображая знатно себѣ немало, какимъ таковыя непристойныя умствованія подвержены предосужденіямъ и опасностямъ. И хотя таковые зловредные истолкователи праведно заслуживаютъ себѣ достойную казнь, яко спокойствію Нашему и всеобщему вредные; но Мы, прежде употребленія въ семъ случаѣ всей строгости, по природному Нашему человѣколюбію, всѣхъ таковыхъ зараженныхъ неспокойными мыслями, матерински увѣщеваемъ, удалиться отъ всякихъ вредныхъ разсужденій, нарушающихъ покой и тишину, прилежа единственно званію своему, и препроваждая время не въ праздности, или невѣжествѣ и буянствѣ, но въ полезныхъ и свойственныхъ каждому упражніяхъ на пользу свою и ближняго. А если сіе Наше материнское увѣщеваніе и попеченіе не подѣйствуетъ въ сердцахъ развращенныхъ, и не обратитъ на путь истиннаго блаженства: то вѣдалъ бы всякъ изъ таковыхъ невѣждей, что Мы тогда поступимъ уже по всей строгости законовъ, и неминуемо преступники почувствуютъ всю тяжесть Нашего гнѣва, яко нарушители тишины и презрители Нашей Высочайшей воли. Однакожъ Мы надѣемся прежде отъ всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, что они, видѣвъ Нашу къ себѣ материнскую любовь и попеченіе, взаимною другъ другу помощію и съ Христіанскою любовію поживутъ въ спокойствѣ и тишинѣ, и истребятъ всякую вредность и непристойныя званію ихъ развращенныя истолкованія, и конечно всѣхъ такихъ рѣчей и не приличныхъ выраженій удалятся, къ собственному своему спокойствію, а тѣмъ самымъ пріобрѣтутъ себѣ щедроту и благословеніе Божіе и Нашу Монаршую милость, довѣренность и благоволеніе, ко умноженію всеобщаго благоденствія.» Т. XXIII. № 16901. Въ уставѣ благочинія, 8 апрѣля 1782 г., въ § 272 указано подвергать заарестованію и суду: учиняющихъ ругательныя письма, недозволенныя сходбища, учиняющихъ ѣздить или ходить, стращая людей, учиняющихъ угрозительныя письма. (Т. XXI, № 15379).

2) 2 апрѣля 1801. Т. XXVI, № 19813; ср. сенатскій ук. 23-го апрѣля 1801 г. № 19847.

сохранена въ законодательствѣ Россіи XIX ст., и въ нынѣшнемъ *Уложеніи о наказаніяхъ уголов. и исправительн.* повторенъ, хотя въ другомъ порядкѣ (не въ первыхъ двухъ пунктахъ), принципъ Уложенія Алексѣя Михайловича.

По Уложенію, виновные въ составленіи и распространеніи письменныхъ или печатныхъ объявленій, воззваній, или же сочиненій или изображеній съ цѣлію возбудить къ бунту или явному неповиновенію власти Верховной, приговариваются: къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на время отъ восьми до десяти лѣтъ, а буде они по закону не изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ — и къ наказанію плетьми чрезъ палачей съ наложеніемъ клеймъ (ст. 285). За составленіе и распространеніе письменныхъ или печатныхъ сочиненій и за произнесеніе публично рѣчей, въ коихъ хотя и безъ прямаго и явнаго возбужденія къ возстанію противъ Верховной власти, усматриваются оспаривать или подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея, или же дерзостно порицать установленный государственными законами образъ правленія, или порядокъ наслѣдія престола, виновные въ томъ подвергаются: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ четырехъ до шести лѣтъ, а буде они по закону не изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ — наказанію плетьми чрезъ палачей, съ наложеніемъ клеймъ (286).

При нынѣшнемъ же государственномъ порядкѣ, при точныхъ и твердыхъ началахъ престолонаслѣдія, подобныя воззванія не могутъ быть разсматриваемы дѣяніями опасными для государства, но только дерзкими и оскорбительными для общества. Почему самымъ приличнымъ и соотвѣтствующимъ наказаніемъ такому преступленію является лишеніе свободы, соединенное съ денежнымъ взысканіемъ.

Предлагаемое соединеніе лишенія свободы съ денежною пенею основывается не на желаніи усилить тюремное заключеніе денежнымъ штрафомъ, но на томъ началѣ, что государство, лишая оскорбившаго его права свободы, не имѣетъ никакой обязанности содержать его во время заключенія на государственный счетъ. Самый размѣръ пени соотвѣтствуетъ времени заключенія и слѣдовательно количеству издержекъ содержанія.

Не требуетъ особенныхъ объясненій справедливость того положенія, что злонамѣренные распространители прокламацій должны быть подвергаемы тому же самому взысканію, какъ и авторы.

Что касается составленія и подписанія адресовъ или прошеній о перемѣнѣ формы правленія или основныхъ законовъ Имперіи, то хотя это преступленіе заключаетъ въ себѣ, по видимому, меньшую тяжесть преступности, чѣмъ прямое воззваніе къ ниспроверженію государственнаго порядка, такъ какъ, представляя просьбу Верховной власти, оно имѣетъ какъ бы законную форму; но

§ 104. Учинившій посредствомъ способовъ, въ § 93 означенныхъ, воззваніе къ неповиновенію законамъ Россійской Имперіи или къ ниспроверженію ихъ обязательной силы, подвергается тюремному заключенію отъ *одного мѣсяца* до *четырехъ лѣтъ* и денежной пенѣ отъ *сорока* руб. до *двухъ тысячъ* руб.

Примѣчаніе. Не вмѣняются въ преступленіе и не подвергаются наказаніямъ критическія разсмотрѣнія отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, а равно и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ такихъ разсмотрѣніяхъ не заключается воззванія къ неповиновенію законамъ, не дѣлается нападенія на ихъ обязательную силу и нѣтъ оскорбительныхъ для законодательной и правительственной власти выраженій.

Коммиссія считала необходимымъ положительно назначить за это преступленіе то же самое наказаніе, которое опредѣлено за воззваніе къ ниспроверженію государственнаго порядка, и руководствовалась при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что подъ предлогомъ законной формы составленіе и подписаніе подобныхъ адрессовъ въ существѣ есть столь же тяжкое преступленіе, какъ и воззваніе къ ниспроверженію государственнаго порядка, и по особымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находится теперь Россійская Имперія, можетъ влечь за собою такія же послѣдствія, какъ и воззваніе, тѣмъ болѣе, что въ общихъ уголовныхъ законахъ это преступленіе прямо не опредѣлено.

Къ § 104. Воззваніе къ неисполненію законовъ или къ ниспроверженію ихъ обязательной силы является преступленіемъ равносильно тяжкимъ съ воззваніемъ къ ниспроверженію государственнаго порядка: это косвенный путь, ведущій къ достиженію той же самой цѣли.

Французское законодательство первоначально обратило вниманіе на преступленія этого рода въ 1810 г.: оно назначило духовному лицу, проповѣдью возбуждающему къ неповиновенію законамъ, тюремное заключеніе отъ двухъ лѣтъ до пяти, если такое воззваніе не сопровождалось послѣдствіями, и ссылку, если воззваніе сопровождалось желаемыми послѣдствіями (Code pénal, art. 204); за изданіе духовнымъ лицомъ сочиненія, имѣющаго цѣлію возбудить неповиновеніе къ законамъ, опредѣлялось заточеніе (détention). (Code pénal, art. 205). Такое частное постановленіе, касавшееся только духовныхъ особъ, закономъ о прессѣ 17 мая 1819 объобщено для всѣхъ и выражено тѣмъ постановленіемъ, что совершившій указанными въ законѣ способами воззваніе къ неповиновенію законамъ подвергается тюремному заключенію отъ трехъ дней до двухъ лѣтъ и денежной пенѣ отъ тридцати до четырехъ тысячъ франковъ, или только одному изъ этихъ наказаній, смотря по степени вины (art. 6). Это постановленіе дѣйствуетъ и въ настоящее время. Между тѣмъ, какъ замѣчено выше, Французское законодательство на воззваніе къ ниспроверженію государственнаго порядка полагаетъ болѣе строгія наказанія.

Законодательство ***Бельгіи*** назначаетъ за воззванія этого рода то же самое наказаніе, какъ и за воззванія къ ниспроверженію государственнаго порядка: тюремное заключеніе отъ шести мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ (art. 2. decret sur la presse, 20 juillet 1831).

Бразильское законодательство грозитъ авторамъ подобныхъ воззваній тюремнымъ заключеніемъ отъ двухъ до шести лѣтъ и пенею 800 до 2400 рейсовъ (ст. 2, 3 зак. 20 сентября 1830), а за воззваніе къ ниспроверженію государственнаго порядка назначаетъ тюремное заключеніе отъ трехъ до девяти лѣтъ и пеню отъ одного до 300 рейсовъ (ib.).

Женевское законодательство за такое воззваніе назначаетъ также меньшее наказаніе сравнительно съ наказаніемъ за воззваніе къ оскорбленію государства, именно тюремное заключеніе до шести мѣсяцевъ и денежную пеню до 1000 флорин. (а за то воззваніе — тюремное заключеніе до одного года и пеню до 2000 флориновъ) (art. 2. loi du 2 mai 1827).

Прусскій уголовный законъ 14 апрѣля 1851 г. за такое воззваніе назначаетъ денежную пеню до 200 талеровъ или тюремное заключеніе отъ четырехъ недѣль до двухъ лѣтъ (§ 87), а *Австрійскій* законъ 27 мая 1852 г. преслѣдуетъ такое воззваніе заключеніемъ (schwerer Kerker) отъ одного года до пяти лѣтъ. (§ 65).

Такимъ образомъ всѣ законодательства, кромѣ Бельгійскаго, опредѣляютъ за воззваніе къ неповиновенію законамъ наказаніе меньшее, чѣмъ за воззваніе къ ниспроверженію государственнаго порядка; Бельгійское же грозитъ тому и другому воззванію одинаковымъ наказаніемъ.

Русское уголовное законодательство прямо не опредѣляетъ этого преступленія и наказанія за оное, почему судебная практика по необходимости относитъ нынѣ этотъ родъ преступленій къ высшимъ государственнымъ преступленіямъ, каковы бунтъ или измѣна.

Опредѣленіе положительнымъ закономъ этого преступленія — воззванія къ неповиновенію законамъ и къ ниспроверженію ихъ обязательной силы, представляется въ высшей степени труднымъ по той причинѣ, что нерѣдко можетъ дать мѣсто судейскому произволу: такъ какъ иногда бываетъ нелегко провести границу между подобнымъ воззваніемъ, признаваемымъ за преступленіе, и критическимъ, ученымъ разсмотрѣніемъ положительнаго законодательства, — какъ дѣяніемъ, не только не преступнымъ, но въ высшей степени необходимымъ въ каждомъ государствѣ. Ученое разсмотрѣніе законовъ или цѣлой части законодательства, представляя вѣрные и убѣдительные критическіе доводы несовершенства или недостаточности закона, можетъ тѣмъ скорѣе показаться обвинителю и судьѣ воззваніемъ, чѣмъ глубже и основательнѣе содержаніе такого изслѣдованія. Вниманіе обвинителя и судьи, въ этомъ случаѣ, должно быть обращено на намѣреніе автора: если авторъ только стремился подвергнуть критикѣ законъ или часть законодательства, не имѣя намѣренія возбудить неуваженія къ законодательной власти, то его дѣяніе не только не преступленіе, но поступокъ, заслуживающій признательность и общества и правительства; если же, напротивъ, будетъ ясно, что авторъ стремился возбудить неповиновеніе къ законамъ или хотѣлъ доказать, что законы государства не должны имѣть обязательной силы, то его дѣяніе должно разсматривать, какъ преступное нападеніе на законодательную власть. Многія законодательства, сознавая трудность

§ 103. Учинившій посредствомъ способовъ, въ § 93 означенныхъ, воззваніе къ отторженію отъ Имперіи какой-либо ея части, или къ возбужденію вражды въ одной части населенія Государства противъ другой, или въ одномъ сословіи противъ другаго, или одной части войскъ противъ другой, подвергается тому же наказанію, т. е. тюремному заключенію отъ *одного мѣсяца* до *четырехъ лѣтъ* и денежной пенѣ отъ *сорока* руб. до *двухъ тысячъ* руб.

этого вопроса, пытались разрѣшить его различными способами. Особенно поучительны въ этомъ отношеніи законодательства Бельгійское и Бразильское.

Бельгійское законодательство, опредѣляя за подобное воззваніе одинаково-строгое наказаніе, какъ и за воззваніе къ ниспроверженію государственнаго порядка, нашло необходимымъ, вслѣдствіе долгихъ и любопытныхъ преній палаты 24 мая 1830 года[1]), обезпечить подсудимыхъ отъ произвола обвинителей и судей, поставленіемъ словъ: «méchamment et publiquement, et directement». «Quiconque aura *méchamment* et *publiquement* attaqué la force obligatoire des lois ou provoqué *directement* à y désobéir, sera puni d'un emprisonnement de six mois à trois ans». (art. 2. décret du 20 juillet 1831).

Бразильскій законъ 20 сентября 1830 г., постановляя во 2 ст. наказаніе за воззваніе къ неповиновенію законамъ, хотя и менѣе строгое, чѣмъ за воззваніе къ ниспроверженію государственнаго порядка, счелъ необходимымъ, и весьма справедливо, въ слѣдующей 3-мъ ст. положительно опредѣлить, что не подвергаются вмѣненію и слѣдовательно преслѣдованію и наказанію критическіе разборы законовъ, хотя весьма существенные и глубокіе, но если они изложены прилично и умѣренно и не заключаютъ въ себѣ воззванія къ неповиновенію законамъ: «Ne sont point imputables et parconséquent ne donnent pas lieu à une accusation juridique et à une répression pénale: les analyses raisonnées de la constitution qui n'attaquent pas ses bases fondamentales, et celles des lois existantes, sans provocation à la désobéissance envers elles; la censure des actes du gouvernement et de l'administration publique, qui n'attaque pas son autorité légale, et les allégations en justice qui ne sont pas étrangèrs à la cause: pourvu que ces analyses, censures et allegations, quoique très graves au fond, soient faites en termes décents et modérés» (art. 3. loi du 20 septembre 1830).

Этими доводами, по мнѣнію Коммиссіи, достаточно объясняется необходимость сдѣланнаго въ текстѣ къ § примѣчанія.

Къ § 105. Воззваніе этого рода есть только видъ воззванія, опредѣленнаго въ предъидущемъ §, почему большинство законодательствъ о немъ вовсе не упоминаютъ, подводя его прямо подъ воззваніе къ неповиновенію законамъ, а *Французское* законодательство, при опредѣленіи въ своемъ уголовномъ кодексѣ воззванія къ неповиновенію законамъ, учиняемаго проповѣдникомъ, упоминаетъ и объ этомъ особенно: «ou s'il tend à soulever ou armer une partie des citoyens contre les autres». (Code pénal, art. 202). Коммиссія считала необходимымъ опредѣлить этотъ видъ воззванія къ неповиновенію законамъ въ особой

1) См. *De Gerlache*, Oeuvres compl., III, 333, séance du 24 mai 1830.

§ **106**. Учинившій посредствомъ способовъ, въ § 93 означенныхъ, воззваніе къ Русскому сухопутному или морскому войску или къ отдѣльнымъ его частямъ и чинамъ о неисполненіи ими присяги и долга ихъ службы или о неповиновеніи начальству, подвергается тюремному заключенію отъ *двухъ мѣсяцевъ* до *пяти лѣтъ* и денежной пенѣ отъ *восьмидесяти* руб. до *двухъ тысячъ пятисотъ* руб.

§ **107**. Нанесшій посредствомъ способовъ, въ § 93 означенныхъ, оскорбленіе царствующему Императору или Императрицѣ или Наслѣднику престола, подвергается тюремному заключенію отъ *двухъ* до *десяти* лѣтъ и денежной пенѣ отъ *тысячи* руб. до *пяти тысячъ* руб.

Сверхъ того, суду предоставляется лишать виновнаго, на основаніи § 54 *Уложен. о наказ. угол. и испр.*, нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ.

статьѣ потому, что, при существованіи многихъ областей, входящихъ въ составъ Имперіи, принышѣшнемъ, еще нетвердо опредѣлившемся отношеніи временно обязанныхъ крестьянъ къ дворянству, воззванія подобнаго рода могутъ являться еще довольно часто, и потому, для удобства судебной практики, требуется точнѣйшее опредѣленіе ихъ въ законѣ. Очевидно, что наказаніе за такое воззваніе должно быть одинаково съ постановленнымъ за воззваніе къ неповиновенію законамъ вообще.

Къ § *106*. Это воззваніе есть равнымъ образомъ есть одинъ изъ видовъ воззванія къ неповиновенію законамъ, но по важности своей требуетъ особаго опредѣленія въ законодательствѣ.

Русское уголовное законодательство прямо не опредѣляетъ этого преступленія, но понимаетъ его, какъ высшее государственное преступленіе, возбуждающее бунтъ и измѣну.

Къ § *107*. Прямое оскорбленіе личныхъ качествъ или образа государственной дѣятельности царствующаго Монарха, посредствомъ устнаго слова, письма или печати, есть преступленіе, одинаково тяжкое съ воззваніемъ къ ниспроверженію государственнаго порядка или образа правленія, и въ нѣкоторыхъ государствахъ преслѣдуется даже строже, чѣмъ самая прокламація, ибо заключаетъ въ себѣ бо́льшее оскорбленіе для общества. Въ самомъ дѣлѣ, если авторъ серьезнаго и хорошаго сочиненія будетъ въ своемъ трудѣ оскорбительно отзываться о личныхъ качествахъ Монарха или о его государственной дѣятельности, то общество въ правѣ болѣе оскорбиться такимъ поступкомъ автора, чѣмъ рѣчью какого-нибудь прокламатора, предлагающаго нелѣпые перевороты, немогущіе возбудить никакого сочувствія.

Въ *Англіи* за оскорбленіе короля, имѣющее цѣлію возбудить къ нему ненависть или презрѣніе, по статуту Георга III (1798), назначена денежная пеня съ тюремнымъ заключеніемъ, а за повтореніе — депортація на 7 лѣтъ.

Французское законодательство до 1819 г. оставляло вовсе безъ опредѣленія подобное преступленіе прессы. Законъ 17 мая 1819 г. опредѣлилъ за оныя (offense envers la personne du roi) тюремное заключеніе отъ шести мѣсяцевъ до пяти лѣтъ и денежную пеню отъ 500 до 10,000 фр., и кромѣ того предоставилъ суду лишить виновнаго пользованія въ теченіе времени, равнаго времени заключенія, правами, означенными въ ст. 42 уголовнаго кодекса. Но какъ послѣ 1830 г. такія оскорбленія являлись часто, то законъ 1835 г. раздѣлилъ ихъ на тяжкія и легкія. L'offense grave, тяжкое оскорбленіе — цѣль

котораго возбудить ненависть или презрѣніе къ королю или къ его государственному авторитету, преслѣдуется заточеніемъ (détention) и денежною пенею отъ 10 тыс. до 50 тыс. фр. (art. 2, loi du 9 sept. 1835), а легкое оскорбленіе указано подводить подъ законъ 1819 г. Но прежнее постановленіе закона 1819 г. подтверждено закономъ 10 іюня 1853 г. и внесено въ ст. 86 уголовнаго кодекса.

Бельгійское законодательство первоначально опредѣлило это преступленіе слова точно также, какъ и воззваніе къ ниспроверженію государственнаго порядка. Въ ст. 3 декрета 20 іюля 1831 г. за всякое оскорбленіе особы короля назначено то же наказаніе, какъ и за воззваніе къ ниспроверженію государственнаго порядка, именно тюремное заключеніе отъ шести мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ (qui aura, de la même manière (*méchamment* et publiquement), injurié ou calomnié la personne du roi, sera puni d'un emprisonnement de six mois à trois ans). Но въ 1847 г. законодательство нашло нужнымъ это постановленіе измѣнить и притомъ въ двоякомъ отношеніями: 1) усилить наказаніе за это преступленіе, сравнительно съ прежнимъ; именно закономъ 6 апрѣля 1847 г. опредѣлено за нанесеніе посредствомъ слова обиды королю, кромѣ тюремнаго заключенія отъ шести мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ, назначать денежную пеню отъ 300 до 3,000 фр., и сверхъ того предоставлено суду лишить виновнаго пользованія опредѣленными правами (означ. въ 42 ст. угол. код.) въ теченіе времени отъ двухъ до пяти лѣтъ; 2) исключить слово méchamment, которое, какъ выяснено въ преніяхъ, совершенно необходимо при опредѣленіи воззванія къ ниспроверженію государственнаго порядка, но не нужно и даже въ нѣкоторой степени совершенно противорѣчитъ существу оскорбленія особы монарха [1]). Такимъ образомъ текстъ новаго закона 1847 г. объ этомъ предметѣ явился въ слѣдующемъ видѣ: Quiconque, soit dans des lieux ou réunions publics, par discours, cris ou menaces, soit par des écrits, des imprimés, des images ou emblèmes quelconques, qui auront été affichés, distribués on vendus, mis en vente ou exposés aux regards du public, se sera rendu coupable *d'offense* envers la personne du Roi, sera puni... etc. (art. 1, loi du 6 avril 1847).

Нельзя не обратить вниманія на общность опредѣленія этого преступленія, принятаго законодателями Бельгіи и Франціи: слово offense даетъ возможность преслѣдовать всякаго рода оскорбленія. Само собою разумѣется, что полное разъясненіе смысла этого предоставляется судебной практикѣ, такъ напр. въ представительныхъ государствахъ порицаніе тронной рѣчи не признается обидою монарха, но порицаніемъ его министровъ.

Бразильское закоподательство, не раздѣляя такого начала Французскаго и

1) Paroles du ministre de la justice, Ann. parl. 1846—1847. Ch. des Repr., p. 1257.

Бельгійскаго законодательствъ относительно общаго названія этого преступленія словомъ offense, перечисляетъ подобнаго оскорбленія — imputations offensurtes, injures formelles ou par allusion, и виновныхъ въ оныхъ противъ лица императора, или императрицы или наслѣдника престола, подвергаетъ тюремному заключенію отъ одного года до трехъ лѣтъ и денежной пенѣ отъ 300 до 900 рейсовъ. При этомъ оно постановляетъ, что всякое оскорбленіе, наносимое органамъ исполнительной власти, не должно быть относимо, ни прямо, ни косвенно, къ лицу императора (art. 2, 7°, loi du 20 sept. 1830).

Австрійское законодательство за оскорбленія монарха (при чемъ оно для примѣра выставляетъ и нѣкоторые виды оскорбленій, какъ-то: Schmähungen, Lästerungen, Verspottungen, назначаетъ тюремное заключеніе (schwerer Kerker) отъ одного до пяти лѣтъ (Strafgesetz vom 27 mai 1852, § 63).

Прусскій законъ 14 апрѣля 1851 г. назначаетъ за оскорбленіе короля тюремное заключеніе отъ двухъ мѣсяцевъ до пяти лѣтъ и, кромѣ того, предоставляетъ суду, смотря по обстоятельствамъ, лишить виновнаго нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ (§ 75), а за оскорбленіе королевы, наслѣдника престола или члена королевской фамиліи, то же регента — тюремное заключеніе отъ одного мѣсяца до трехъ лѣтъ, съ лишеніемъ виновнаго, по усмотрѣнію суда, на извѣстное время, нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ (§ 77).

Въ Россіи оскорбленіе Монарха словомъ, устнымъ, письменнымъ или печатнымъ, считалось всегда однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ преступленій, и съ XVII ст. входило въ составъ тѣхъ преступленій, о которыхъ можно было говорить *слово и дѣло* [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ законодательство, начиная со времени Петра I, нѣсколько разъ стремилось опредѣлить особенно это преступленіе. Такъ въ Воинскомъ уставѣ 1716 г. назначена за оную смертная казнь («Кто противъ Его Величества особы хулительными словами погрѣшитъ, Его дѣйство и намѣреніе презирать и недостойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, оный имѣетъ живота лишенъ быть, и *отсѣченіемъ главы* казненъ.... И якоже о Его Величествѣ самомъ въ ономъ артикулѣ помянуто, разумѣется тако и о Его Величествѣ царской супругѣ, и Его государства наслѣдіи») [2]), что повторено и въ Морскомъ уставѣ [3]). Въ послѣдующихъ указахъ выяснено, что подъ этимъ преступленіемъ должно понимать только оскорбленія, учиненныя съ умысломъ, а не подводить подъ этотъ законъ оскорбительныя для Его Величества слова, спроста сказанныя: «а что спроста, то вытолковать ему, а не наказывать» [4]). Но потомъ императрицею Екатериною I указано казнить

1) Такъ это выяснено въ указахъ Императора Петра I (П. С. З. №№ 2,756, 3,984, 4,494, 4,892), Петра II (5,397), Анны Іоанновны (5,528, 5,535).

2) П. С. З. № 3,006, Воинскій уставъ, глава III, арт. 20.

3) П. С. З. № 3,485, кн. V, гл. I, § 2.

4) Ук. 16 апрѣля 1723, П. С. З. № 4,196, п. 7. Ср. ук. 1734, № 6,611, п. 3.

смертною казнію и тѣхъ, произнесшихъ противъ императрицы или Императорской фамиліи оскорбительныя слова, которые будутъ приводить отговорки, что говорили ихъ спроста, или спьяна [1]). Съ половины XVIII ст. смертная казнь въ этихъ случаяхъ обыкновенно замѣнялась лишеніемъ правъ и преимуществъ и ссылкою въ Сибирь [2]); въ 1797 г. (при Императорѣ Павлѣ I) прямо было указано таковыхъ преступниковъ ссылать въ Нерчинскъ на работу [3]). Весьма любопытно судебное рѣшеніе въ царствованіе Императора Александра I о поступкѣ крестьянина Тверской губерніи Ермолаева, обвиненнаго въ поношеніи Высочайшаго имени, по учиненномъ въ пьяномъ видѣ. Тверская уголовная палата, руководствуясь Воинскимъ уставомъ и законодательствомъ Императрицы Елисаветы Петровны, опредѣлила наказать его кнутомъ, 40 ударами, вырвать ноздри, поставить клеймы и сослать въ каторжную работу. Тверской гражданскій губернаторъ съ этимъ рѣшеніемъ не согласился на томъ основаніи, что здѣсь не было учинено умышленнаго поношенія Высочайшаго имени, такъ какъ это было произведено въ пьяномъ видѣ, и находилъ нужнымъ подвергнуть обвиненнаго простому тѣлесному наказанію; правительствующій сенатъ вполнѣ согласился съ рѣшеніемъ Тверской палаты, за исключеніемъ рванія ноздрей, и опредѣлилъ, кромѣ того, сдѣлать выговоръ губернатору, что̀ подтверждено вполнѣ и мнѣніемъ государственнаго совѣта, на которомъ Государь положилъ такую резолюцію: «Быть по сему. А крестьянина Ермолаева, объявя ему приговоръ, простить» [4]).

Какъ въ послѣдующее время преступленіе этого рода являлось обыкновенно въ связи съ болѣе важнѣйшими преступленіями, составлявшими преступленія противъ первыхъ двухъ пунктовъ [5]), то законодательство не опредѣляло точнымъ образомъ такого преступленія въ отдѣльности; въ Улож. же о наказан. угол. и исправ. постановлено: «Изобличенные въ составленіи и распространеніи письменныхъ или печатныхъ сочиненій или изображеній, съ цѣлію возбудить неуваженіе къ Верховной власти, или же къ личнымъ качествамъ Государя, или къ управленію Его государствомъ, приговариваются, какъ оскорбители Величества, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ, а буде они по закону не изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ — и къ наказанію плетьми чрезъ палачей въ мѣрѣ, опредѣленной статьею 21 сего Уложенія для четвертой степени наказаній сего рода, съ наложеніемъ клеймъ (Улож. 1845, ст. 267, изд. 1857 г., ст. 279). Кто осмѣлится произ-

1) Ук. 30 января 1727, 1-е П. С. З. № 5,004.
2) Такъ по дѣлу Бестужева (Тамъ-же №№ 10,802, 10,940), Радищева (16,901).
3) Тамъ-же № 18,140, п. 1.
4) 1-е П. С. З. № 27,705.
5) Ср. Всеподданнѣйшій докладъ Верховн. Угол. Суда 1826; 2-е П. С. З. № 464.

§ 108. Нанесшій посредствомъ способовъ, въ § 93 означенныхъ, оскорбленіе члену Императорской Фамиліи, подвергается тюремному заключенію отъ *трехъ мѣсяцевъ* до *пяти лѣтъ* и денежной пенѣ отъ *ста двадцати пяти* руб. до *двухъ тысячъ пяти сотъ* руб.

шести, хотя и заочно, дерзкія оскорбительныя слова противъ Государя Императора, тотъ присуждается къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ шести до восьми лѣтъ, а буде онъ по закону не изъятъ отъ наказаній тѣлесныхъ — и къ наказанію плетьми чрезъ палачей въ мѣрѣ, опредѣленной ст. 21 сего Уложенія для шестой степени наказаній сего рода, съ наложеніемъ клеймъ. Если виновный дозволилъ себѣ сіи дерзкія слова или поступки въ пьяномъ видѣ, безъ преднамѣреннаго на то умысла, то онъ приговаривается къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года (Улож. 1845, ст. 268, изд. 1857 г., ст. 280).

Закономъ, въ § 15 постановляемымъ, охраняется отъ оскорбленій царствующій Императоръ, но представляется вопросъ: защищаетъ ли онъ умершаго уже Монарха отъ оскорбленій? Ни одно законодательство не помѣщаетъ особаго закона для защищенія умершаго монарха отъ оскорбленій на томъ основаніи, что государственная дѣятельность его, какъ законно принадлежащая общему суду исторіи, не можетъ быть предметомъ преступленія, а личныя его качества, его честь охраняются правомъ его родственниковъ принять наносимую его личнымъ качествамъ обиду за личное для себя оскорбленіе; на этомъ основаніи, если Императорская Фамилія будетъ въ родствѣ съ тѣмъ изъ умершихъ монарховъ, которому наносится оскорбленіе, то авторъ оскорбленія можетъ быть преслѣдуемъ, какъ оскорбившій одного изъ членовъ Императорской Фамиліи.

Къ § 108. Оскорбленіе членовъ царской фамиліи, родственниковъ монарха, подвергается по всѣмъ законодательствамъ тому же роду наказаній, какъ и оскорбленіе монарха, но только въ уменьшенной степени.

Такъ, по *Французскому* законодательству, за оскорбленіе членовъ императорской фамиліи назначается тюремное заключеніе отъ одного мѣсяца до трехъ лѣтъ и денежная пеня отъ 100 фр. до 5000 фр. (art. 10, loi du 17 mai 1819, и art. 86 code pénal, modifié par la loi du 10 juin 1853); по *Бельйскому* законодательству, за оскорбленіе членовъ королевской фамиліи опредѣлено тюремное заключеніе отъ трехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ и денежная пеня отъ 100 до 2000 фр. (art. 2, loi du 6 avril 1847); по *Бразильскому* — оскорбленіе членовъ императорской фамиліи преслѣдуется тюремнымъ заключеніемъ отъ шести до восемнадцати мѣсяцевъ и пеней отъ 150 до 450 рейсовъ (loi du 20 sept. 1830, art. 2, 9°), но за оскорбленіе регента или регентши тюремное заключеніе назначено отъ одного до трехъ лѣтъ съ пенею отъ 300 до 900 рейсовъ (ib. 8°). *Австрійское* законодательство назначаетъ за оскорбленіе членовъ императорской фамиліи тюремное заключеніе отъ одного до пяти лѣтъ (Strafgesetz vom 27 mai 1852, § 64). О Прусскомъ законѣ сказано выше въ объясненіи къ § 107.—Рус-

§ 109. Нанесшій посредствомъ способовъ, въ § 93 означенныхъ, оскорбленіе личности иностранныхъ монарховъ, признанныхъ Русскимъ правительствомъ, или ихъ дипломатическихъ агентовъ подвергается тюремному заключенію отъ *одного мѣсяца* до *двухъ лѣтъ* и денежной пенѣ отъ *сорока* руб. до *тысячи* руб.

ское Улож. о наказ. угол. и исправ. опредѣлятъ, что виновные въ составленіи и распространеніи письменныхъ или печатныхъ сочиненій или изображеній, оскорбительныхъ для Наслѣдника Престола, или Супруги Государя Императора, или противъ членовъ Императорскаго Дома, а равно и въ произнесеніи, хотя и заочно, дерзкихъ и оскорбительныхъ противъ Ихъ Особы правъ или чести словъ, или же въ умышленномъ публичномъ оскорбленіи Ихъ изображеній, подвергаются:

первые — лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ, а буде они по закону не изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ — и наказанію плетьми чрезъ палачей въ мѣрѣ, опредѣленной статью 21 сего Уложенія для четвертой степени наказанія сего рода, съ наложеніемъ клеймъ; а

вторые — лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ шести до восьми лѣтъ, а буде они по закону не изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ — и наказанію плетьми чрезъ палачей въ мѣрѣ, опредѣленной статьею 21 Уложенія для шестой степени наказаній сего рода, съ наложеніемъ клеймъ. (Улож. ст. 282).

К § *109*. Наполеонъ I обратилъ вниманіе законодателей на необходимость преслѣдовать оскорбленіе, наносимое посредствомъ прессы монархамъ другихъ государствъ и ихъ дипломатическимъ агентамъ, представивъ тотъ мотивъ, что въ своемъ собственномъ государствѣ можно еще претерпѣвать всѣ невыгоды полной свободы тисненія, такъ какъ можно пользоваться и всѣми выгодами такой свободы письма; но на этомъ же основаніи нельзя допускать, чтобы отъ этой свободы терпѣли иностранныя государства, не могущія пользоваться выгодами этой свободы[1]). Нельзя согласиться съ этимъ мотивомъ: и иностранныя государства могутъ извлекать большую для себя пользу отъ свободы тисненія въ другомъ государствѣ; но легко видѣть, что необходимость преслѣдованія таковыхъ оскорбленій вытекаетъ изъ того же начала, по которому всѣ законодательства воспрещаютъ въ своемъ государствѣ всякаго рода оскорбленія посредствомъ тисненія. Наполеонъ I постановилъ, что должны быть немедленно подвергаемы запрещенію тѣ періодическія изданія, которыя позволятъ себѣ оскорбленія (des invectives) правительствъ или народовъ, находящихся въ союзѣ или въ мирѣ съ республикою. (Arrêté 27 nivôse an VIII). Законъ о прессѣ 17 мая 1819 г. опредѣлилъ преслѣдовать обиду противъ лица монарха или представителя верховной власти иностраннаго государства тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до одного года и денежною пенею отъ 1000 до

1) См. *Thiers*, Histoire du Consulat et de l'empir, V. Ann. parl. 1852—53, Ch. des Rep. p. 214 et 215; ср. *H. Schnermans*, Code de la presse, Brux. 1861, p. 179.

5000 фр. (Art. 12, loi du 17 mai 1819). Этотъ законъ дѣйствуетъ и въ настоящее время. Неопредѣленность выраженія его de gouvernements étrangers выяснено практикою тѣмъ, что этотъ законъ защищаетъ только тѣхъ представителей верховной власти иностранныхъ государствъ, которые признаны Французскимъ правительствомъ [1]). Этотъ законъ 17 мая 1819 г. опредѣлилъ преслѣдовать обиду дипломатическихъ агентовъ (diffamation) тюремнымъ заключеніемъ отъ восьми дней до восемьнадцати мѣсяцевъ и денежною пенею отъ 50 до 3000 фр., или только однимъ изъ этихъ наказаній (Art. 17).

Законодательство *Бельгіи*, обратившее вниманіе на этотъ вопросъ только въ 1852 г., постановило за оскорбленіе лица монарха или представителя верховной власти иностраннаго государства (qui se sera rendu coupable *d'offense*, ou aura *méchamment attaqué leur autorité*) опредѣленное взысканіе: тюремное заключеніе отъ трехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ съ денежною пенею отъ 100 до 2000 фр. за 1-й разъ, и сверхъ этого лишеніе пользованія всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ, опредѣленныхъ въ 42 ст. угол. код. за 2-й разъ (art. 1, loi du 20 déc. 1852), и въ 1858 г. нашло нужными назначить за оскорбленіе (outragé à raison de leurs fonctions, ou outragé simplement) дипломатическихъ агентовъ, аккредитованныхъ при Бельгійскомъ правительствѣ, тюремное заключеніе отъ двухъ до восемнадцати мѣсяцевъ съ денежною пенею отъ 50 до 1000 фр, причемъ предоставило суду: назначая въ подобныхъ случаяхъ тюремное заключеніе, болѣе, чѣмъ на шесть мѣсяцевъ, лишить виновнаго и пользованія правами, опредѣленными въ 42 ст. угол. кодекса, на время отъ пяти до десяти лѣтъ. (Art. 6 et 9 de la loi du 12 mars 1858).

Женевское законодательство общимъ образомъ опредѣляетъ тѣ же наказанія за оскорбленіе союзныхъ Швейцаріи государствъ, какъ и за оскорбленіе другихъ Швейцарскихъ кантоновъ, именно тюремное заключеніе, продолжающееся въ важнѣйшихъ случаяхъ до трехъ лѣтъ и пеня до 3000 флорин. (loi du 2 mai 1827, 10° art. 2).

Португальское законодательство за оскорбленіе иностраннаго монарха, признаннаго Португаліею, и его дипломатическаго агента назначаетъ такое же наказаніе, какъ и за оскорбленіе члена королевской фамиліи, именно денежную пеню отъ пяти до тысячи франковъ, а въ важнѣйшихъ оскорбленіяхъ — и тюремное заключеніе отъ сорока до шестидесяти дней (art. 13, loi de la presse, 1832).

Австрійскій законъ 1852 г., не высказывая прямо опредѣленія о таковыхъ оскорбленіяхъ, вообще постановляетъ, что всякое нападеніе посредствомъ слова, письма и печати на союзное государство и признанное Австріею правительство, подвергаетъ виновнаго тюремному заключенію отъ одного года до десяти лѣтъ. (Strafgesetz vom 27 mai 1852, § 66).

1) *De Grattier* I, 174. 333. *Chassan*, I, p. 380.

Прусскій законъ 14 апрѣля 1851 г., за оскорбленіе представителя верховной власти какого-либо Германскаго государства, а также государства, законы котораго запрещаютъ оскорбленіе короля Прусскаго уголовнымъ закономъ, назначаетъ тюремное заключеніе отъ одного мѣсяца до двухъ лѣтъ (§ 79), а за оскорбленіе аккредитованнаго при Прусскомъ дворѣ дипломатическаго агента—тюремное заключеніе отъ одного мѣсяца до одного года (§ 80), присоединяя къ этому, что въ обоихъ случаяхъ преслѣдованіе можетъ имѣть мѣсто только вслѣдствіе жалобы оскорбленныхъ (§ 81).

Сравнительное разсмотрѣніе положеній объ этомъ преступленіи всѣхъ упомянутыхъ законодательствъ приводитъ къ недоразумѣніямъ относительно трехъ слѣдующихъ вопросовъ:

1) Долженъ ли законъ защищать представителей верховной власти всѣхъ иностранныхъ государствъ, или только государствъ союзныхъ, находящихся въ мирѣ съ даннымъ государствомъ, и долженъ ли онъ защищать представителей верховной власти, не признанныхъ даннымъ государствомъ? Что касается перваго, т. е. долженъ ли такой законъ защищать представителей верховной власти государствъ не союзныхъ, находящихся не въ мирѣ, а въ войнѣ съ даннымъ государствомъ, то, основываясь на твердыхъ, выработанныхъ началахъ международнаго права, необходимо признать, что законъ точно также охраняетъ представителя верховной власти иностраннаго государства и во время войны съ нимъ, какъ и во время мира; но какъ во время войны непріязненное государство не можетъ явиться съ жалобою, то ни одно законодательство не признаетъ преступнымъ оскорбленія, наносимаго правительству того государства, съ которымъ оно находится въ войнѣ. Что же касается оскорбленія, наносимаго иностранному правительству, не признанному государствомъ, то изъ полнаго отсутствія междугосударственныхъ отношеній съ такимъ правительствомъ вытекаетъ, что защита закона къ такому правительству относиться не можетъ.

2) Что̀ должно разумѣть подъ оскорбленіемъ иностранныхъ монарховъ? Французскій законъ 17 мая 1819 г. поставилъ слово *offenses envers la personne*, разумѣя подъ этимъ injure и outrage, и вставилъ слова envers la personne, чтобы избѣжать могущихъ возникнуть недоразумѣній. Во время любопытныхъ преній объ этомъ вопросѣ въ палатѣ депутатовъ (19 апрѣля 1819) *Бенжаменъ Констанъ* доказывалъ, что просто поставленное слово *offense* можетъ возбудить неправильное примѣненіе этого закона на практикѣ; что законодательство, желая обезпечить этимъ закономъ иностранныхъ монарховъ отъ личныхъ оскорбленій, желаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить полное право каждаго гражданина Франціи излагать свободно свои мысли и мнѣнія о государственныхъ дѣлахъ и операціяхъ другихъ государствъ, а палата вполнѣ согласилась, для удаленія того, чтобы судьи не подводили подъ этотъ законъ критику дѣятельности ино-

странныхъ государствъ, долженствующую остаться вполнѣ свободною, прибавить къ слову offense — *envers la personne* [1]).

Бельгійское законодательство, постановляя объ этомъ законъ въ 1852 г., нашло, что выраженіе offense envers la personne недостаточно опредѣленно и прибавило къ этому выраженію, для бо́льшей точности, ou aura mechamment attaqué leur autorité.

Коммиссія полагаетъ, что слова: *оскорбленіе личности* иностраннаго монарха достаточно выражаетъ мысль этого закона.

3) Такое оскорбленіе иностранныхъ монарховъ и ихъ дипломатическихъ агентовъ должно ли подходить, при сужденіи о немъ, подъ общія начала всякаго рода частныхъ оскорбленій или подъ спеціальныя начала оскорбленій, наносимыхъ должностнымъ лицамъ, т. е. могутъ ли при сужденіи объ этихъ оскорбленіяхъ быть принимаемы отъ подсудимыхъ доказательства справедливости ихъ оскорбительныхъ словъ, или они должны быть обвиняемы безъ выслушанія ихъ доказательствъ. Что касается оскорбленій, наносимыхъ монархамъ, то они, безъ всякаго сомнѣнія, должны быть преслѣдуемы на томъ же основаніи, какъ и оскорбленія частныхъ лицъ, т. е. безъ разсмотрѣнія доказательствъ ихъ справедливости. Но анализъ оскорбленій, наносимыхъ дипломатическимъ агентамъ, представляется сложнѣе. Эти оскорбленія могутъ быть двоякаго рода: или касаться ихъ, какъ частныхъ лицъ, или относиться къ ихъ дипломатической дѣятельности въ томъ государствѣ, при правительствѣ котораго они аккредитованы. Оскорбленія втораго рода были подвергнуты весьма тщательному разсмотрѣнію въ Бельгійской палатѣ въ 1858 г., когда г. ***Ортсъ*** доказывалъ, что будетъ весьма справедливо поставить дипломатическихъ агентовъ въ то же положеніе, въ которое поставлены должностныя лица въ Бельгіи: ораторъ ссылался, для подкрѣпленія своего мнѣнія, на примѣръ Французской судебной практики во времена Луи-Филиппа, когда Турецкій посланникъ Решидъ-Паша вчинилъ искъ за оскорбленіе, ему нанесенное, то отъ подсудимаго судъ требовалъ доказательства справедливости его словъ [2]). Но г. ***Ортсу*** весьма вѣрно возражали, что самый характеръ дипломатической дѣятельности не можетъ допустить, чтобы по отношенію къ ней производились судебныя пренія, и что потому, въ случаѣ иска дипломатическаго агента о нанесенномъ ему оскорбленіи, судъ долженъ рѣшить, имѣется ли тутъ личное оскорбленіе дипломатическаго агента, и если признаетъ его, то долженъ приговорить виновнаго къ наказанію, безъ разсмотрѣнія представляемыхъ имъ доказательствъ справедливости; а если найдетъ, что личнаго оскорбленія нѣтъ, а имѣется только критика его дѣятельности, то долженъ освободить подсудимаго отъ наказанія.

1) Moniteur universel, 21 avril 1819.
2) Ann. parl. 1857—58, Ch. des. Rep., p. 350.

§ 110. Нанесшій посредствомъ способовъ, въ § 93 означенныхъ, оскорбленіе православной вѣрѣ, подвергается слѣдующимъ наказаніямъ:

Дозволившій себѣ богохуленіе, поношеніе Святыхъ Господнихъ или порицаніе христіанской вѣры или церкви православной или ругательства надъ священнымъ писаніемъ и святыми таинствами, подвергается тюремному заключенію отъ *одного мѣсяца* до *семи лѣтъ* и денежной пенѣ отъ *пятидесяти* руб. до *трехъ тысячъ пятисотъ* руб.

Сверхъ того, суду предоставляется лишить виновнаго, на основаніи § 54 *Улож. о наказ. угол. и испр.*, нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ.

Дозволившій себѣ кощунство, т. е. язвительныя насмѣшки, доказывающія явное неуваженіе къ правиламъ или обрядамъ православной церкви

Русское законодательство, со времени Императора Петра Великаго, стало воспрещать всякія оскорбленія чужестранныхъ пословъ и всѣ дѣла объ ихъ оскорбленіи поручило сначала посольскому приказу [1]), а потомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ [2]). Составители *Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ*, въ 1845 г. включили въ Уложеніе одну статью, касающуюся оскорбленія только дипломатическихъ агентовъ, но не иностранныхъ монарховъ, и притомъ самое существо преступленій этого рода основали не на тяжести оскорбленія, но на пріятности или непріятности, которыя могутъ вслѣдствіе такого оскорбленія произойти для Русскаго правительства: «Кто осмѣлится явно и публично, дѣйствіемъ или дерзкими непристойными словами, оскорбить иностраннаго посла, посланника или инаго дипломатическаго агента, съ намѣреніемъ оказать неуваженіе къ самому правительству его, тотъ, и въ особенности, если поступокъ его такого рода, что онъ можетъ быть предметомъ непріятныхъ объясненій между симъ правительствомъ и кабинетомъ Россійскимъ, подвергается за сіе заключенію въ крѣпости, на время отъ двухъ до четырехъ лѣтъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ, на основаніи статьи 54 сего Уложенія, особенныхъ правъ и преимуществъ. За преступленіе сего рода, если оно учинено безъ злаго умысла и безъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, виновный приговаривается къ заключенію въ крѣпости на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года (Уложеніе о наказаніяхъ, 294).

Къ § 110. Оскорбленіе какого-либо вѣроисповѣданія, какой-либо церкви составляетъ самый важный видъ преступленія противъ общественной нравственности и преслѣдуется въ нѣкоторыхъ государствахъ строже, чѣмъ оскорбленіе нравственности вообще.

Англійское законодательство, по закону Вильгельма III, и теперь дѣйствующему (акты 9 и 10, гл. 32), постановляетъ: если лицо, воспитанное въ христіанскомъ исповѣданіи, посредствомъ устнаго слова, письма или печати, будетъ отвергать догматъ христіанства или божественность священнаго писанія, то въ первый разъ лишается права занимать какую-либо общественную должность, во второй разъ — лишается нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ, какъ нап. права быть свидѣтелемъ, опекуномъ, владѣть недвижимымъ имуществомъ и пр. и, кромѣ того, подвергается тюремному заключенію до трехъ лѣтъ, при чемъ, впрочемъ, ему предоставляется получить возстановленіе всѣхъ своихъ правъ, если онъ въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ сдѣлаетъ въ присутствіи суда сознаніе въ своихъ заблужденіяхъ. Учинившій тѣми же способами отрицаніе одного азъ догматовъ христіанской церкви подвергается: въ первый разъ — пенѣ во 100 фунтовъ стерлинговъ, во второй разъ — пенѣ въ 400 ф. ст., а въ третій

1) 1-е П. С. № 2206. 2) 1-е П. С. № 8321

или вообще христіанства, подвергается тюремному заключенію отъ *двухъ недѣль* до *трехъ лѣтъ* и денежной пенѣ отъ *двадцати пяти* руб. до *шестисотъ пятисотъ* руб.

Учинившій таковыя преступленія противъ другихъ вѣроисповѣданій, допущенныхъ въ Россійской Имперіи, подвергается наказаніямъ, означеннымъ ниже въ § 111.

разъ — конфискуется его движимое имущество и онъ подвергается пожизненному тюремному заключенію. Учинившій оскорбительную насмѣшку надъ Спасителемъ или надъ св. писаніемъ подвергается денежной пенѣ и тюремному заключенію. При томъ, по актамъ 2 и 3 V, гл. 47, всякій распространитель въ столицѣ и ея окрестностяхъ книгъ, рисунковъ, пѣсенъ и пр., оскорбительныхъ для вѣры и недостойныхъ христіанина, можетъ быть немедленно арестованъ и подвергнутъ штрафу до 40 шиллинговъ. Сюда же Англійское законодательство подводитъ шарлатановъ, выдающихъ себя за вдохновенныхъ людей и колдуновъ и предсказывающихъ будущее: суду указано подвергать ихъ годичному тюремному заключенію и соразмѣрной денежной пенѣ. (9, Георга II, гл. 5, 56 акт. Георга III, гл. 138). (*Alex. Laya*, Droit anglais, 1850, II, 217—224).

Французскій уголовный кодексъ, до изданія закона 17 іюля 1819 г., преслѣдовалъ распространеніе сочиненій, вообще противныхъ нравственности, денежною пенею отъ 16 фр. до 500 фр., въ соединеніи съ тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до одного года и съ конфискаціею орудій этого преступленія (Code pénal art. 287). Это наказаніе было сохранено и закономъ 17 мая 1819 г., только редакція статьи была принята болѣе опредѣлительная: прямо высказано, что подъ оскорбленіемъ нравственности понимается и оскорбленіе религіи (Tout outrage à la morale publique et *religieuse* ou aux bonnes moeurs, par l'un des moyens énoncés en l'art. 1-er, sera puni de 1 mois à 1 an de prison et d'une amende de 16 fr. à 500 fr. — Art. 8, loi du 17 mai 1819). Это постановленіе дополнено закономъ 26 мая 1819 г., который общимъ образомъ опредѣлилъ, что, въ случаѣ всякаго рода преступленій, учиненныхъ посредствомъ слова, судъ можетъ назначить уничтоженіе орудій преступленія (art. 26, loi du 26 mai 1819). Такимъ образомъ законъ 1819 г. далъ только общее опредѣленіе этого преступленія оскорбленія религіи: изъ него нельзя было прямо заключить, преслѣдуется ли его постановленіемъ оскорбленіе каждой религіи, или только Римско-католической. Законъ 25 марта 1822 г., и теперь дѣйствующій, усилившій, сравнительно съ закономъ 17 мая 1819 г., мѣру наказанія за оскорбленіе религіи назначеніемъ тюремнаго заключенія отъ трехъ мѣсяцевъ до пяти лѣтъ и денежной пени отъ 300 фр. до 6000 фр. (Quiconque aura *outragé ou tourné en dérision* la religion de l'Etat, sera puni de 3 mois à 5 ans de prison et de 300 fr. à 6000 fr. d'amende), пополнилъ и пробѣлъ закона 17 мая 1819 г. постановленіемъ, что тѣ же самыя наказанія будутъ назначены и тому, кто нанесетъ оскорбленіе или будетъ стремиться ниспровергнуть всякую другую религію признанную и допущенную во Франціи (Les mêmes peines seront prononcées contre quiconque aura outragé ou tourné en dérision toute autre religion dont l'établissement est l'également reconnu en France. Art. 1, loi du 25 mars 1822).

Бразильское законодательство, причисляя оскорбленіе религіи къ преступле-

нію противъ общественной нравственности, дѣлаетъ различіе между оскорбленіемъ религіи Римско-католической, признанной въ странѣ господствующею, и оскорбленіемъ другихъ религій, допускаемыхъ въ государствѣ; оскорбленіе и насмѣшки надъ Римско-католическою религіею преслѣдуются строже: нападеніе на догматы наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ двухъ до шести лѣтъ и денежною пенею отъ 800 до 2400 рейсовъ (то же наказаніе, какъ и за воззваніе къ неповиновенію законамъ), а нападеніе на обряды (culte) — тюремнымъ заключеніемъ отъ шести мѣсяцевъ до одного года и денежною пенею отъ 50 до 150 рейсовъ; а оскорбленія и насмѣшки надъ другими религіями, признанными въ государствѣ, наказываются тюремнымъ заключеніемъ отъ трехъ до девяти мѣсяцевъ и денежною пенею отъ 30 до 90 рейсовъ. (Art. 2, 5° и 6°, loi du 20 sept. 1830).

Въ *Португаліи*, равнымъ образомъ, отдается предпочтеніе Римско-католической церкви. Всякая критика догматовъ этой церкви или ученіе, противное ей, оскорбленіе божества или святыхъ, ею чтимыхъ, или стремленіе ниспровергнуть ее, преслѣдуется денежною пенею отъ 200 до 4000 фр. и тюремнымъ заключеніемъ отъ 15 дней до одного года (art. 9 et 10, loi de 1832). Оскорбленіе же другихъ христіанскихъ исповѣданій преслѣдуется также, какъ и оскорбленіе нравственности, только денежною пенею отъ 250 до 2500 фр. (Ib. art. 11).

Гораздо шире въ этомъ отношеніи является новый *Австрійскій* законъ 1852 г. По этому закону въ Австріи одинаково преслѣдуются оскорбленія всѣхъ допущенныхъ вѣроисповѣданій. Именно одинаково преслѣдуется: учиняемыя посредствомъ устнаго слова, письма и печати богохульство, презрѣніе къ религіи, склоненіе другаго отступиться отъ христіанства, распространеніе безвѣрія или противопоставленіе христіанской религіи еретическаго ученія. Если такія преступленія будутъ сопровождаться вредными желаемыми послѣдствіями, то виновный подвергается строгому тюремному заключенію отъ одного до десяти лѣтъ, а если не будетъ желаемыхъ послѣдствій, то тюремному заключенію отъ шести мѣсяцевъ до одного года (Strafgesetz von 17 mai 1852 §§ 122—124).

Прусскій уголовный законъ 14 апрѣля 1851 равнымъ образомъ одинаково защищаетъ всѣ допущенныя въ Пруссіи вѣроисповѣданія отъ оскорбленій угрозою тюремнаго заключенія до трехъ лѣтъ (§ 135).

Въ Россіи вопросъ о преслѣдованіи оскорбителей религіи, вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ, гораздо труднѣе, чѣмъ въ другихъ Европейскихъ государствахъ. Съ одной стороны, появленіе въ XVII ст. многочисленныхъ видовъ раскола, а съ другой—признаніе правительствомъ православной вѣры за господствующую въ государствѣ, были причиною, что Русское законодательство объ оскорбленіи православной вѣры, сохранило и до сихъ поръ въ своемъ кодексѣ чрезмѣрно строгія наказанія.

Точныя опредѣленія, защищающія религію и церковь православную отъ оскорбленій, начались съ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича. До тѣхъ поръ, всѣ считавшіеся распространителями ереси подвергались сожженію. Уложеніе опредѣляетъ сожигать обличенныхъ въ богохуленіи [1]) и вмѣстѣ поручаетъ церкви таковыхъ преступниковъ предавать проклятію и отлучать отъ церкви [2]). Императоръ Петръ Великій поручаетъ церкви вообще хулителей слова Божія или священнаго писанія или церкви увѣщевать чрезъ духовниковъ, и если увѣщаніе такое окажется безплоднымъ, то предавать ихъ анаѳемѣ [3]), но въ своихъ Уставахъ Воинскомъ и Морскомъ онъ стремился точнымъ образомъ опредѣлить и наказанія свѣтской власти за преступленія этого рода. Именно, за произнесеніе Божія хуленія постановляется прожечь языкъ раскаленнымъ желѣзомъ и потомъ отсѣчь голову [4]); за поношеніе Матери Божіей и Святыхъ ругательными словами подвергать, смотря по состоянію особы и хуленія, отсѣченію сустава или смертной казни [5]); слышавшаго такое богохуленіе и недонесшаго о немъ подвергать, какъ участника, либо смертной казни, либо конфискаціи имущества [6]); но ежели такое богохуленіе только изъ легкомыслія произойдетъ, то въ первый или во второй разъ такого неумышленнаго богохульника заковывать на четырнадцать дней и мѣсячное жалованье вычитать въ пользу госпиталя или наказывать шпицрутеномъ, а ежели въ такихъ словахъ уличенъ будетъ въ третій разъ, то разстрѣлять (аркибузировать) [7]). Но какъ главный источникъ подобныхъ преступленій заключался въ расколахъ, то какъ при Петрѣ I, такъ и при его преемникахъ свѣтское законодательство, вмѣстѣ съ церковью, предпринимаютъ различныя предупредительныя и карательныя мѣры противъ раскольниковъ [8]); расколы озабочивали правительство особенно и потому, что нѣкоторыя ереси, какъ напр., Духоборцевъ, протестуя противъ господствующей въ Россіи православной церкви, не признавали и верховной Императорской власти [9]); особенно была сильна борьба съ этими раскольниками въ царствованіе Императора Александра I [10]).

Полицейскій уставъ Императрицы Екатерины II (Уставъ Благочинія), подтвердивъ запрещеніе прежняго законодательства возлагать хулу на Бога и Спасителя, на Богородицу, или на честный крестъ и св. угодниковъ [11]), общимъ образомъ воспретилъ начинать споры противъ православія [12]), повелѣвая на такого безъ суда наложить молчаніе [13]). Изъ судебныхъ дѣлъ послѣдующаго времени

---

1) 1° П. С. Т. I, Улож. I, 1. 2) Ibid. гл. IX. 3) Т. VI, № 3718. 4) Т. V, Воинск. Уст. № 3006. Воинск. Артик., гл. I, арт. 3. 5) Ibid. арт. 4. 6) Ibid. арт. 5. 7) Ibid. арт. 6; все это повторено и въ Морскомъ Уставѣ, кн. IV, гл. I, ст. 1—5. Т. VI, 3963. 8) См. напр. 1° П. С. №№ 6928, 7161, п. 23. 8786, 9251, 10664, 11147. 9) См. напр. 1° П. С. № 19097, 10) №№ 19352, 20629, 20904, 24590, 30436, 30483. 11) № 15379, Уст. Благ. 195, 237, 12) Ibid. ст. 199. 13) Ibid. ст. 241.

видно, что принципъ строгости наказанія за подобныя преступленія удержанъ былъ и въ XIX ст.[1]).

Помимо расколовъ, Русское законодательство стремилось также предупредить вредъ, который можетъ произойти отъ оскорбленія религіи посредствомъ печати: указомъ 27 іюля 1787 г. общимъ образомъ объяснено, что сочиненія, касающіяся православной религіи, могутъ быть печатаны только въ духовныхъ типографіяхъ, слѣдовательно съ вѣдома св. сунода, и повелѣно строго наблюдать за свѣтскими типографіями и книжными лавками; первыя не имѣютъ права выпускать въ свѣтъ такой книги, а послѣднія не имѣютъ права держать ихъ въ продажѣ[2]). При существовавшей такимъ образомъ, уже со времени Петра Великаго, цензурѣ или наблюденіи св. сунода, за издаваемыми книгами духовнаго содержанія, правительству не было необходимости особенно опредѣлять это преступленіе; достаточно было только подтверждать о наблюденіи за тѣмъ, чтобы неодобренныя св. сунодомъ сочиненія не были печатаемы и распространяемы[3]).

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ запрещаетъ: 1) порицать съ умысломъ, въ публичномъ мѣстѣ, при собраніи болѣе или менѣе многолюдномъ, христіанскую вѣру или православную церковь, или ругаться надъ священнымъ писаніемъ или святыми таинствами, — подъ угрозою лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжную работу на заводахъ на время отъ шести до восьми лѣтъ, а если виновный по закону не изъятъ отъ наказаній тѣлесныхъ — и наказанію плетьми чрезъ палачей въ мѣрѣ, опредѣленной ст. 21 сего Уложенія для шестой степени наказаній сего рода, съ наложеніемъ клеймъ (ст. 194, ср. 195 и 196); 2) совершать въ печатныхъ, а также и письменныхъ, но какимъ-либо образомъ распространяемыхъ имъ сочиненіяхъ, богохуленіе, поношеніе святыхъ Господнихъ или порицаніе христіанской вѣры или церкви православной, или ругательства надъ священнымъ писаніемъ и святыми таинствами, — подъ угрозою лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, и если виновный по закону не изъятъ отъ наказаній тѣлесныхъ — то и наказанія плетьми въ мѣрѣ, опредѣленной 22 ст. Уложенія; при чемъ этому же наказанію подвергаются и тѣ, которые будутъ завѣдомо продавать или инымъ образомъ распространять такія сочиненія (197);

---

1) Такъ, въ 1817 г. крестьянинъ Мичковъ, уличенный въ произнесеніи богохульныхъ словъ, хотя и въ пьяномъ видѣ, былъ приговоренъ къ наказанію плетьми, 40 ударами, но какъ оказался вообще порочнымъ, то подвергнутъ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе (1^е П. С. № 26602). Въ 1821 г. однодворецъ Малаканской секты Хрисанъ Гранкинъ, за оскорбленіе Святыхъ иконъ непристойными словами, былъ наказанъ плетьми 20 ударами и подвергнутъ ссылкѣ. (Тж. № 28635). Ср. также указъ, подтверждающій о строжайшемъ взысканіи за всякое покушеніе противу православной вѣры (Тж. № 17199). 2) Тж. № 16556. 3) Напр. указъ 17 ноября 1824 г. (Тж. № 30118).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПРОСТУПКИ, СОВЕРШАЕМЫЕ ПОСРЕДСТВОМЪ УСТНАГО СЛОВА, ПИСЬМА И ПЕЧАТИ, И НАКАЗАНІЯ ЗА ОНЫЕ.

§ 111. Нанесшій способами, въ § 93 означенными, оскорбленіе добрымъ нравамъ, подвергается тюремному заключенію отъ *трехъ дней* до *трехъ мѣсяцевъ* и денежной пенѣ отъ *одного* руб. до *ста* руб., или одному изъ сихъ наказаній.

3) кощунствовать, т. е. дѣлать язвительныя насмѣшки, доказывающія явное неуваженіе къ правиламъ или обрядамъ церкви православной, или вообще христіанской, — подъ угрозою заключенія въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года (198).

Къ § 111. Нѣкоторыя законодательства, желая предупредить оскорбленія добрыхъ нравовъ, какъ напр. Французское, опредѣляли такое преступленіе общимъ названіемъ *оскорбленія общественной нравственности* (morale publique) и этимъ дѣлали большую ошибку, такъ какъ такое обобщеніе приводило судъ нерѣдко въ чрезвычайно трудное положеніе. Надобно различать понятіе нравственности и добрыхъ нравовъ. Нравственность — понятіе, въ высшей степени относительное, почему и составляетъ сферу философіи: о нравственности существуетъ столько представленій, сколько является размышляющихъ о ней людей; что̀ для человѣка, не имѣющаго высшаго философскаго образованія, представляется нравственнымъ, то для человѣка, философски развитаго, можетъ представиться безнравственнымъ; въ этомъ отношеніи, каждое положительное законодательство нерѣдко противорѣчитъ нравственности: non omne quod licet honestum est. Если сдѣлать въ законѣ такое общее опредѣленіе: *преслѣдуется оскорбленіе общественной нравственности*, то этимъ самымъ можно дать широкій просторъ судебному произволу чему блистательные примѣры можетъ представить Французская судебная практика отъ 1820 до 1840 года. Отъ теоретическаго понятія нравственности нужно отличать понятіе *добрыхъ нравовъ*, какъ нравственности практической, всѣми сознаваемой за непремѣнное начало жизни; понятно, что оскорбленіе такой нравственности составитъ проступокъ, вызывающій опредѣленное наказаніе.

Французскій законъ 1814 г. преслѣдовалъ всякое обнаруженіе мысли, противное добрымъ нравамъ, *contraire aux bonnes moeurs*; а законъ 17 мая 1819 изложилъ это болѣе общимъ образомъ: Tout outrage à *la morale publique* ou *aux bonnes moeurs* — наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до одного года и денежною пенею отъ 16 фр. до 500 фр. (Art. 8, loi du 17 mai 1819).

Уголовный кодексъ *Бельгіи* удержалъ выраженіе: contraire aux bonnes moeurs; кодексъ же *Нидерландскій* нашелъ и это выраженіе недостаточнымъ и закономъ 23 сентября 1814 (art. 4) замѣнилъ это выраженіе тѣмъ, что постановилъ преслѣдовать всѣ сочиненія, стремящіяся испортить нравы.

§ 112. Сдѣлавшій способами, въ § 93 означенными, нападеніе на начала собственности и семейнаго союза, съ желаніемъ разрушить или ослабить ихъ основы, подвергается тюремному заключенію отъ *трехъ дней* до *трехъ мѣсяцевъ* и денежной пенѣ отъ *одного* руб. до *ста* руб., или одному изъ этихъ наказаній.

Другія законодательства, основанныя на Французскомъ, наказываютъ это преступленіе, равнымъ образомъ, тюремнымъ заключеніемъ и денежною пенею.

Австрійское законодательство оскорбленіе добрыхъ правовъ (Verletzung der Sittlichkeit oder Schamhaftigkeit) причисляетъ къ проступкамъ, и наказываетъ строгимъ арестомъ отъ осьми дней до одного года (§ 516. Strafgesetz vom 27 mai 1852).

Прусскій законъ 14 апрѣля 1851 г. преслѣдуетъ этотъ проступокъ денежною пенею отъ десяти до ста талеровъ или тюремнымъ заключеніемъ отъ 14 дней до шести мѣсяцевъ (§ 151).

Русское *Улож. о наказ. угол. и исправ.* воспрещаетъ издавать тайно отъ цензуры или распространять сочиненія, имѣющія цѣлію развращеніе правовъ или явно противныя нравственности и благопристойности или клонящіяся къ сему соблазнительныя изображенія, — подъ угрозою денежнаго взысканія отъ ста до пятисотъ рублей, или ареста на время отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ, указывал притомъ уничтожить сочиненія или изображенія сего рода безъ всякаго за оныя вознагражденія (ст. 1356). Тѣ, которые въ совѣщаніяхъ, публичныхъ актахъ или иныхъ, болѣе или менѣе торжественныхъ собраніяхъ дозволятъ себѣ въ произносимыхъ ими рѣчахъ употребить слова и выраженія, явно оскорбительныя для добрыхъ правовъ или противныя благопристойности, подвергаются за сіе, смотря по званію, лѣтамъ, состоянію ихъ и другимъ обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ, или денежному взысканію отъ одного до ста рублей или аресту на время отъ одного до трехъ дней (ст. 1360, ср. также ст. 1357, 1358, 1359).

Къ § 112. Опроверженіе принципа частной собственности, съ стремленіемъ распространить начало коммунизма, равно какъ и опроверженіе начала семейнаго союза, не составляютъ, строго говоря, особенно важнаго проступка, такъ какъ такое ученіе въ высшей степени слабо и ничтожно по самому своему существу, и удобнѣе преслѣдуется не какимъ-либо карательнымъ закономъ, но самою литературою, которая, при свободномъ своемъ теченіи, всегда найдетъ возможность разрушить столь нелѣпое ученіе, какъ уничтоженіе принципа частной собственности или семейства. Но нѣкоторыя государства, по причинѣ грубой необразованности массы, на которую завлекательно дѣйствуютъ не прямо высказанныя, но прикрытыя запутанными доводами, начала коммунизма, стремятся предупредить возможность подобнаго заблужденія въ массѣ посредствомъ запрещенія, подъ страхомъ уголовнаго закона, распространять ученіе о необходимости уничтоженія частной собственности и брака.

Англійское и *Бельгійское* законодательства не заключаютъ въ себѣ прямыхъ постановленій о преслѣдованіи этого преступленія: въ этихъ государствахъ до-

§ 113. Тому же наказанію подвергаются сдѣлавшіе, способами въ § 93 означенными, нападенія на начала военной дисциплины.

статочно распространившіяся въ массѣ убѣжденія о невозможности для частнаго лица не имѣть собственности или семейства дѣлаютъ подобное проявленіе слова совершенно неопаснымъ.

Совершенно противное этому представляетъ Франція. Послѣ горькихъ попытокъ нѣкоторыхъ идеалистовъ исправить общество посредствомъ обезличенія гражданъ, чрезъ уничтоженіе частной собственности, *Французское* законодательство сочло необходимымъ объявить обнаруженіе и распространеніе такихъ идей за преступленіе. Именно, закономъ 9 сентября 1835 г. было опредѣлено, что всякое нападеніе на собственность (toute attaque contre la propriété) преслѣдуется такъ же, какъ (зак. 17 мая 1819 г.) оскорбленіе добрыхъ нравовъ, т. е. тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до одного года и денежною пенею отъ 16 до 500 фр. (art. 8, loi du 9 sept. 1835). Декретъ 11 августа 1848 г., отмѣнившій этотъ законъ, стремится неопредѣленное его выраженіе этого закона, (toute attaque contre la propriété) замѣнить болѣе опредѣлительнымъ, сказавъ: l'attaque contre le principe de la propriété, и ставитъ на ряду съ этимъ и нападеніе на семейный союзъ (l'attaque contre les droits de la famille); онъ опредѣляетъ наказывать это преступленіе тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до трехъ лѣтъ и денежною пенею отъ 100 до 4000 фр. (art. 3, décret 11 août 1848). Это постановленіе дополняется еще тѣмъ общимъ закономъ 27 іюля 1849 г., по которому преслѣдуется тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до двухъ лѣтъ и денежною пенею отъ 16 до 1000 фр. всякое нарушеніе уваженія къ законамъ и къ неприкосновенности или непарушимости тѣхъ правъ, которыя законами охраняются. (Toute attaque contre le respect dû aux lois et l'inviolabilité des droits qu'elles ont consacrés... Art. 3, loi du 27 juilett 1849),— слѣдовательно и частной собственности брака.

Основанныя на Французскомъ правѣ законодательства *Бразильское*, *Португальское* и др. не имѣли повода сдѣлать объ этомъ предметѣ постановленіе.

Австрійское законодательство причисляетъ такое дѣяніе (Wer die Einrichtungen der Ehe, der Familie, oder die Rechtsbegriffe über das Eigenthum herabwürdigt, oder zu erschüttern versucht) къ проступкамъ и подвергаетъ его тюремному заключенію отъ одного мѣсяца до одного года и въ случаяхъ особой важности предоставляетъ суду удалить виновнаго изъ мѣста его жительства. (Strafgesetz vom 27 mai 1852, § 305).

Прусскій уголовный законъ, равно какъ и Русское *Улож. о наказ. угол. и исправ.*, прямо не опредѣляютъ этого проступка.

§ 114. Сдѣлавшій посредствомъ способовъ, въ § 93 означенныхъ, оскорбительные отзывы о Высочайше утвержденныхъ мнѣніяхъ, опредѣленіяхъ и распоряженіяхъ высшихъ государственныхъ установленій, подвергается тюремному заключенію отъ *трехъ мѣсяцевъ* до *одного года* и денежной пенѣ отъ *ста двадцати* руб. до *пяти сотъ* руб.

Къ § 114. Оскорбительные отзывы о рѣшеніяхъ высшихъ государственныхъ установленій, получившихъ Высочайшее утвержденіе, должны быть разсматриваемы, какъ оскорбленія, если не прямо, то косвенно направленныя противъ самой законодательной власти. Въ настоящее время, по *Улож. о наказ. угол. и исправ.*, виновные въ составленіи и распространеніи сочиненій, заключающихъ въ себѣ недозволенныя сужденія о постановленіяхъ и дѣйствіяхъ правительства, подвергаются или лишенію нѣкоторыхъ, по ст. 54 Уложенія, особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ двухъ до трѣхъ лѣтъ, или же, безъ лишенія сихъ правъ и преимуществъ, только заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года. (319).

Чтобы получить ясное понятіе о настоящемъ значеніи предлагаемыхъ ниже правилъ, обезпечивающихъ честь и доброе имя гражданъ отъ злоупотребленій слова, письма и печати необходимо нѣсколько глубже вникнуть въ смыслъ тѣхъ общихъ началъ, которыя приняты Коммиссіею въ основаніе при составленіи сей части проекта.

До сихъ поръ литература и общество наше, сознавая, хотя смутно, потребность законнаго огражденія личной чести и добраго имени гражданъ отъ клеветы и позора, не находили въ законодательствѣ нашемъ твердыхъ и опредѣлительныхъ по сему предмету правилъ.

Обличительная литература, такъ быстро развившаяся въ послѣднее время, не сдержанная никакими ясно очерченными предѣлами, подвергалась нерѣдко справедливымъ упрекамъ, и, что еще хуже, возбуждала во многихъ недовѣріе къ пользѣ той гласности, одностороннимъ выраженіемъ которой она, къ сожалѣнію, являлась. Другіе, не отрицая положительной пользы гласныхъ обличеній частныхъ пороковъ и злоупотребленій общества, сознаютъ, однако, что есть что-то *недоброе* въ самомъ способѣ добыванія того *добра*, во имя котораго поднято литературой знамя обличенія.

Неумѣренный и не всегда приличный тонъ самыхъ обличеній — этотъ, такъ сказать, первый крикъ пробуждающагося сознанія, дѣйствуетъ тѣмъ раздражительнѣе на общество, чѣмъ заботливѣе охранялось доселѣ его чутко ухо. По этому исторіи литературъ всѣхъ образованныхъ народовъ представляютъ эпохи весьма сходныя съ эпохой, переживаемой и уже отчасти пережитой нашей литературой.

Не подлежитъ сомнѣнію, что со временемъ и наша литература получитъ настоящее свое значеніе и не станетъ, какъ справедливо замѣчено было, «составлять судебную инстанцію и полицейскую расправу, предворять судебныя рѣшенія, вмѣшиваться въ дѣла семейныя, вторгаться въ кабинетъ мирнаго чиновника, залѣзать къ нему въ служебный портфель, ревизовать, переворачивать

его бумаги, сплетничать, доносить публикѣ и не публикѣ, диктаторски направлять такъ-называемое общественное мнѣніе, прибѣгать нерѣдко къ системѣ интимидаціи или устрашенія и проч. [1])».

Само общество, современемъ, откажетъ въ своемъ сочувствіи органамъ глас. ности, во зло употребляющимъ это полезное орудіе нравственнаго контроля; но тѣмъ не менѣе положительное законодательство должно ясно постановить тѣ непреложныя начала, которыя не перестаютъ быть истинами, не смотря на измѣнчивость характера литературы и сознанія общества. Законы сіи, какъ бы послѣдовательны и строги они ни были, не могутъ помѣшать правильному развитію общества. Лучшимъ примѣромъ сему можетъ служить Англія — впервые и основательнѣе всѣхъ другихъ выработавшая въ своемъ законодательствѣ правила о личныхъ оскорбленіяхъ посредствомъ слова, письма и печати: правила сіи примѣнялись до тѣхъ поръ, пока общество сознавало въ нихъ потребность; но теперь оно не примѣняетъ ихъ не потому, чтобы законъ о libel'яхъ былъ не нуженъ или не основателенъ, а потому, что все общество, усвоивши, самый духъ этого закона, не нуждается въ судебныхъ приговорахъ, а само сознательно относится къ каждому пасквилю или съ презрѣніемъ или съ негодованіемъ, предупреждающимъ совершеніе самаго проступленія.

Разнообразные интересы, связывающіе человѣка съ обществомъ, его окружающимъ, ставятъ его въ непосредственную зависимость отъ сего общества по всѣмъ матеріальнымъ и нравственнымъ его нуждамъ. Понятно, что всякое явленіе, измѣняющее прежнее отношеніе общества къ человѣку, обращается сему послѣднему или во вредъ или въ пользу.

Такимъ образомъ всякій, со злымъ умысломъ наносимый вредъ другому, къ какой бы сферѣ вредъ этотъ ни относился — къ матеріальной или нравственной, можетъ быть преслѣдуемъ силою закона.

Клевета—это крайнее выраженіе злаго умысла, направленнаго ко вреду другаго, — заключаетъ въ себѣ какъ бы два отдѣльныя преступленія. Сущность клеветы есть ложь или обманъ, употребленные съ цѣлію оскорбленія или позора. Въ этомъ преступленіи, слѣдовательно, какъ цѣль, такъ и средство одинаково преступны, и потому всегда и вездѣ клевета признавалась однимъ изъ тяжкихъ преступленій и преслѣдовалась строго карательнымъ закономъ.

Совсѣмъ въ иномъ видѣ представляются оскорбленія, наносимыя *правдой*: тутъ средство, само по себѣ непреступное, употребляется только для цѣли предосудительной, и хотя средство ни въ какомъ случаѣ не можетъ оправдывать цѣли, но не менѣе того въ сознаніи общества сочувствіе къ правдѣ нерѣдко ослабляетъ или даже вовсе уничтожаетъ вмѣняемость содѣяннаго правдой вреда.

---

1) «День» № 37.

Увлекаясь тѣмъ же сочувствіемъ къ правдѣ, литература наша основала на немъ право свое безнаказанно проникать во всѣ закаулки частной и семейной жизни, во всѣ изгибы нравственныхъ побужденій человѣка и произносить надъ ними свой гласный приговоръ.

Это право должно имѣть свои предѣлы, и положительныя законодательства всѣхъ образованныхъ народовъ признали необходимымъ съ возможною ясностію очертать оные. Слѣдуя примѣру сихъ законодательствъ, нужно, прежде всего, отдѣлить понятіе клеветы отъ опозоренія и поруганія.

Приступая къ сему труду, Коммиссія встрѣтила большое затрудненіе въ выборѣ приличнаго и юридически вѣрнаго термина для выраженія проступка, совершаемаго посредствомъ сообщенія о комъ-либо обстоятельства, могущаго повредить его чести, доброму имени и достоинству, и при томъ такого обстоятельства, которое можетъ быть отчасти или вполнѣ справедливымъ. Слово *позоръ*, по мнѣнію Коммиссіи, довольно вѣрно выражаетъ дѣйствіе, производимое подобнымъ проступкомъ. *Позорить* — значитъ приписывать кому-либо не только дурное *качество*, но и неблаговидное дѣйствіе, и при томъ со злымъ умысломъ. Это послѣднее условіе, вѣрно характеризующее самую сущность проступка, не такъ ясно выражается въ другихъ синонимахъ сего слова, какъ то: *стыдить*, *срамить*, и проч. Это обстоятельство побудило Коммиссію принять производное слово *опозореніе* (хотя мало употребительное), для наименованія самаго проступка.

Отъ опозоренія необходимо отличать другой видъ проступка, а именно: *поруганіе*, подъ которымъ разумѣется оскорбительный отзывъ, выражающій презрѣніе или брань, или вообще злословіе, безъ указанія на какое-либо опредѣленное позорное обстоятельство, напримѣръ, сказать о человѣкѣ, что онъ воръ — есть *поруганіе*, сказать, что онъ сдѣлалъ такую-то кражу — есть *опозореніе*.

Клевета, указывая прямо на присутствіе лжи въ оглашенномъ дѣйствіи или поступкѣ, естественно, тогда только дѣлается клеветою, когда ложь опровергнута представленными предъ судомъ доказательствами.

Опозореніе, указывая только на дѣйствіе, произведенное симъ преступленіемъ во вредъ кого-либо и на злой умыселъ виновнаго, обязываетъ судъ опредѣлить только дѣйствительное существованіе произведеннаго впечатлѣнія, т. е. дѣйствительно ли, написано или напечатано, что-либо позорное и былъ ли при этомъ злой умыселъ со стороны виновнаго. Что же касается до того — справедливо ли обстоятельство позорнаго оглашенія или нѣтъ, о томъ судъ судить не въ правѣ. Поэтому виновный въ опозореніи не въ правѣ представлять въ судъ доказательства въ подтвержденіе справедливости имъ сказаннаго. Изъ сего правила допускается, какъ ниже будетъ объяснено, исключеніе по особымъ

соображеніямъ; но какъ общее правило — теорія, недопускающая сужденія о справедливости позорящаго факта, совершенно справедлива.

Блакстонъ въ своихъ комментаріяхъ на Англійскіе законы, объясняя мысль лорда *Мансфильда*: «The more the thruth, the more the libel» справедливо замѣчаетъ, что въ оскорбительныхъ сочиненіяхъ (libel) не важно знать, содержитъ ли оно въ себѣ правду или нѣтъ: потому что въ семъ проступкѣ наказывается не ложь, а оскорбленіе, хотя, безъ сомнѣнія, клевета еще преступнѣе и должна наказываться строже. Законъ въ оскорбительномъ сочиненіи преслѣдуетъ преступное стремленіе возбудить непріязнь, и тѣмъ нарушить общественное спокойствіе [1]).

Отъ этого принципа Англійское законодательство не отступало до сихъ поръ, хотя въ судебной практикѣ иски объ оскорбленіяхъ рѣдко начинаются уголовнымъ судомъ. Замѣчательно, что всѣ попытки измѣнить законодательнымъ путемъ этотъ принципъ оставался безуспѣшнымъ. Такъ въ 1815 году лордъ *Бругамъ* предложилъ билль, измѣняющій нѣкоторыя дѣйствующія постановленія о печати, и между прочимъ предлагалъ допустить представленія доказательства справедливости libel'я, сохраняя, впрочемъ, за присяжнымъ судомъ право приговаривать либелиста къ наказанію даже въ томъ случаѣ, ежели онъ докажетъ справедливость своего обвиненія, но это предложеніе не было принято. За симъ въ 1843 году одинъ членъ парламента снова предлагалъ допустить представленіе доказательствъ, ежели это дѣлается для *общаго блага*, но и такое предложеніе было отвергнуто.

Частная и семейная жизнь гражданъ должна быть неприкосновенною, и эта неприкосновенность должна быть ограждена закономъ. La calomnie, говорилъ герцогъ *de-Брогліи* въ палатѣ перовъ, est l'imputation à un tièrs de faits faux, propres à le deshonorer; c'est un crime très odieux sans doute, mais ce n'est pas à dire que la justice doit epargner celui qui déchire son semblable, même lorsqu'il ne dirait que des vérités [2]).

La diffamation n'implique pas nécessairement la fausseté des faits; elle dénut seulement d'une part l'intention de nuire et de l'autre le dommage causé [3]).

Итакъ въ дѣлахъ объ опозоренін доказательства справедливости позорнаго обстоятельства не могутъ оправдать отвѣтчика, а потому и не должны быть принимаемы въ судѣ. Однако изъ правила сего совершенно необходимо сдѣлать изъятіе, вызываемое насущными потребностями общественнаго благосостоянія.

Контроль и нравственный надзоръ самого общества за поступками лицъ, дѣйствующихъ въ предѣлахъ ихъ служебной дѣятельности, не только полезенъ, но и

1) См. Commentaires sur les lois anglaises par W. Blackstone, trad.par *Chompré*, т. V, стр. 449.
2) Rapp. à la chambre des pairs. Man. de la liberté de la presse, p. 127.
3) Exposé des motifs de la loi 1819.

необходимъ, ежели только контроль или надзоръ этотъ подчиненъ условіямъ, ограждающимъ служащихъ отъ легкомысленнаго или злонамѣреннаго посягательства на самую власть и права, закономъ имъ предоставленныя. Частная жизнь служащихъ принадлежитъ имъ, но служебная ихъ дѣятельность непосредственно касается всѣхъ. По этому всякій не только долженъ имѣть право, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ даже обязанъ оглашать беззаконныя или вредныя ихъ дѣйствія. Допущеніе въ судѣ представленія доказательствъ, подтверждающихъ сіи дѣйствія, представляется въ этомъ случаѣ необходимымъ и справедливымъ. Обязанность доказать въ судѣ справедливость взведеннаго на служащаго обвиненія, безъ всякаго сомнѣнія, заставитъ обличителей зрѣло обдумать всѣ послѣдствія ихъ оглашенія, и удержитъ отъ всякаго легкомыслія, увлеченія или злаго умысла скорѣе, чѣмъ всякое насильственное и чисто-внѣшнее запрещеніе какого-либо цензурнаго предписанія. Признанное за обличителемъ право доказывать передъ судомъ справедливость своего обличенія устранитъ отъ него всякое сочувствіе въ томъ случаѣ, ежели онъ не докажетъ истину словъ своихъ, а всякій служащій увидитъ въ этомъ правѣ лучшую охрану не только отъ явной клеветы, но и отъ позорныхъ намековъ, неопредѣлительностію своею нерѣдко наносящихъ болѣе вреда репутаціи служащаго, чѣмъ прямое несправедливое обвиненіе.

Допуская такимъ образомъ, по приведеннымъ выше причинамъ, исключеніе изъ общаго правила о непринятіи въ судѣ доказательствъ справедливости позорнаго обстоятельства, законъ долженъ, однако, въ правилахъ судопроизводства точно опредѣлить, что доказательства сіи могутъ касаться единственно позорящаго обстоятельства, взятаго изъ сферы только служебной дѣятельности служащаго, а ни въ какомъ случаѣ не должно касаться личныхъ качествъ или домашней жизни чиновника. Допускаемое изъятіе выражаетъ, такъ сказать, терпимость закона, но отнюдь не безусловное право, путемъ публичныхъ оглашеній, минуя судебныя и административныя инстанціи, обвинять служащаго. По этому во всѣхъ законодательствахъ, гдѣ допускается представленіе доказательствъ при обвиненіи въ диффамаціи служащаго, въ случаѣ, ежели доказательства подтвердятъ справедливость диффамаціоннаго факта, отвѣтчикъ не *оправдывается*, а только *освобождается отъ наказанія:* ибо въ сущности законъ не можетъ оправдать намѣренное нанесеніе кому-либо вреда путемъ незаконнымъ. Этотъ принципъ ясно выраженъ и въ нашемъ законодательствѣ, а именно въ Воинскомъ Уставѣ Петра Великаго, въ правилахъ о пасквиляхъ, постановлялись наказанія даже и въ такомъ случаѣ, ежели авторъ пасквиля докажетъ справедливость имъ сказаннаго *«понеже онъ истиннымъ путемъ не пошелъ, дабы другаго преграшенія объявить* [1]).

1) См. ниже стр.

§ 115. Всякое оглашеніе о частномъ лицѣ или обществѣ, должностномъ лицѣ или установленіи такого обстоятельства, которое можетъ повредить ихъ чести, достоинству или доброму имени есть *опозореніе*. Всякій оскорбительный отзывъ о частномъ лицѣ, или обществѣ, должностномъ лицѣ или установленіи, выражающій презрѣніе или заключающій въ себѣ злословіе или брань, но безъ указанія опредѣленнаго позорящаго обстоятельства, есть *порганіе*.

§ 116. Учинившій, посредствомъ способовъ, въ § 93 означенныхъ, опозореніе подвергается тюремному заключенію отъ *трехъ дней* до *одного года* и денежной пенѣ отъ *трехъ* руб. до *пятисотъ* руб.

§ 117. Учинившій, посредствомъ способовъ, въ § 93 означенныхъ, порганіе подвергается тюремному заключенію отъ *одного дня* до *шести мѣсяцевъ* и денежной пенѣ отъ *одного* руб. до *двухсотъ пятидесяти* руб.

Примѣчаніе. Устное порганіе кого-либо, не въ публично-произнесенной рѣчи, а въ частной ссорѣ, хотя бы и въ публичномъ мѣстѣ, преслѣдуется не на основаніи настоящаго Устава, но на основаніи общихъ полицейскихъ и уголовныхъ законовъ.

Порганіе, не заключающее въ себѣ оглашенія какого-либо опредѣленнаго обстоятельства, не можетъ по этому самому ни въ какомъ случаѣ быть предметомъ какого-либо обслѣдованія со стороны суда: тутъ предметъ преступленія есть умышленное злорѣчіе, и дѣло суда состоитъ только въ признаніи или непризнаніи въ сказанномъ, написанномъ или напечатанномъ словѣ, брани, укоризны, поношенія и т. п.

Сими общими соображеніями Коммиссія руководствовалась при начертаніи правилъ объ оскорбленіяхъ словомъ, письмомъ или печатью. Ниже сего, при объясненіи на §§ 115—120, подробнѣе развиваются сіи общія соображенія. Судебная практика Англіи и Франціи весьма тщательно разработала всѣ вопросы, возникающіе при примѣненіи общихъ правилъ закона къ частнымъ случаямъ. Юридическая литература сихъ государствъ, безъ сомненія, послужитъ руководствомъ и нашимъ юристамъ-практикамъ при примѣненіи началъ еще новыхъ въ нашемъ законодательствѣ.

Къ §§ 115—120. Англійское законодательство, подобно Римскому, различаетъ обиду, наносимую посредствомъ устнаго слова (Slander), отъ обиды, наносимой посредствомъ письма или печати (Libel). Противъ учинившаго обиду перваго рода Англійское законодательство дозволяетъ вчинать только гражданскій искъ [1]), а противъ нанесшаго обиду втораго рода предоставляетъ вчинать искъ уголовный. Притомъ при обидѣ перваго рода и гражданскій искъ допускается только тогда, когда послѣдствіемъ обиды можетъ для обиженнаго возникнуть или судебное преслѣдованіе, или исключеніе изъ общества или убытки торговые или вообще какой-нибудь ущербъ; при такомъ гражданскомъ искѣ обвиняемому предоставлено право доказывать справедливость имъ сказаннаго. Учинившаго же обиду посредствомъ письма или печати Англійское законодательство предоставляетъ преслѣдовать либо гражданскимъ, либо уголовнымъ искомъ, потому что считаетъ такую обиду за обиду общему миру; по отношенію къ этой обидѣ, Англійское законодательство не подвергаетъ гражданскій искъ тѣмъ ограниченіямъ, которымъ оно подвергаетъ его по отношенію къ обидѣ, учиненной устнымъ словомъ. По отношенію къ этой обидѣ, учиненной письменно или печатно, лордъ *Мансфильдъ* выразилъ свой справедливый афоризмъ, что «чѣмъ болѣе въ такомъ сообщеніи публикѣ о частномъ лицѣ есть справедливаго, тѣмъ бо́льшую оно заключаетъ въ себѣ обиду» (the more the

1) Было, впрочемъ, исключеніе, именно допускаемъ былъ уголовный искъ въ случаѣ устной обиды, наносимой высокопоставленному лицу въ государствѣ, какъ-то: перу, судьѣ или вообще важному сановнику; въ случаѣ такой обиды, допускался, такъ-называемый, уголовный искъ *per scandalum magnatum*; но практика вывела этотъ искъ изъ употребленія, хотя законъ объ немъ существуетъ и теперь въ Англійскомъ правѣ. См. *Chassan*, Traité des délits, I, p. 362.

§ 118. Виновному въ опозореніи или поруганіи не предоставляется права представлять въ судѣ доказательствъ справедливости имъ сказаннаго. Изъ сего правила допускается одно исключеніе, а именно: если взводимое на должностное лицо или установленіе позорящее обстоятельство относится непосредственно къ ихъ служебной дѣятельности, то виновный въ опозореніи допускается къ представленію въ судъ, порядкомъ, въ § настоящаго Устава установленнымъ, доказательствъ о дѣйствительности оглашеннаго имъ позорящаго обстоятельства.

§ 119. Подвергшійся опозоренію или поруганію имѣетъ право, независимо отъ уголовнаго иска, вчинить въ то же время, на основаніи § настоящаго Устава, противъ виновнаго и искъ гражданскій, для взысканія безчестія и понесеннаго имъ, вслѣдствіе опозоренія или поруганія, ущерба въ кредитѣ или имуществѣ.

§ 120. Право иска въ опозореніи или поруганіи предоставляется не только самимъ оскорбленнымъ, но, при жизни ихъ, и ихъ супругамъ, родственникамъ и опекунамъ, а если оскорбленіе нанесено памяти умершаго, то право иска предоставляется оставшемуся въ живыхъ супругу и родственникамъ, нисходящимъ и боковымъ, до третьей степени.

thruth, the more the libel); на этомъ основаніи, при вчиненіи обиженнымъ уголовнаго иска, Англійское законодательство не дозволяетъ виновному представлять въ судѣ доказательства справедливости имъ сказаннаго [1]). Но при искѣ гражданскомъ и по отношенію къ обидѣ, учиненной письменно или печатно, допускается приведеніе виновнымъ въ судѣ доказательствъ справедливости имъ сказаннаго: при этомъ искѣ, для обвиненія обидчика требуется, чтобы опозореніе заключало въ себѣ не только обиду, но и клевету. Практика въ новѣйшее время въ Англіи выработала обычай, по которому, въ случаѣ оскорбленій, производится обыкновенно только гражданскій искъ [2]). Признаннаго виновнымъ въ оскорбленіи частнаго или должностнаго лица посредствомъ письма или печати Англійское законодательство опредѣляетъ подвергать денежной пенѣ или тюремному заключенію, въ размѣрахъ, сообразныхъ съ тяжестію обиды и званіямъ обидчика [3]).

Французское законодательство стало точнымъ образомъ обработывать этотъ вопросъ съ 1805 г. и стремится въ законѣ 17 мая 1819 г. раздѣлить обиды, учиненныя посредствомъ слова, письма и печати, на особыя группы:

1) *Diffamation*. «Toute allégation ou imputation d'un fait qui porte atteinte à l'honneur ou à la considération de la personne ou du corps auquel le fait est imputé, est une diffamation.» (Loi du 17 mai 1819, art. 13).

2) *Injure*. «Toute expression outrageante, terme de mépris ou invective, qui ne renferme l'imputation d'aucun fait, est une *injure*.» (Тамъ же).

3) Къ этимъ двумъ видамъ, законъ 25 марта 1822 г. присоединилъ третій видъ—*outrage*, подъ которымъ разумѣетъ оскорбленіе, наносимое должностнымъ лицамъ: «L'outrage fait publiquement et d'une manière quelconque à raison de leurs fonctions ou de leur qualité..» (Art. 6).

Если можно замѣтить неточность въ самыхъ опредѣленіяхъ diffamation и injure, начертанныхъ въ законѣ 1819 г., — неточность, которою будетъ грѣшить всякое законодательное опредѣленіе, то, съ другой стороны, нельзя не согласиться, что такое раздѣленіе обидъ на два общіе вида или на двѣ группы представляетъ весьма вѣрныя основанія, какъ теоретическія, такъ и практическія, и послѣ дополненій, сдѣланныхъ судебною практикою, эти два вида обидъ разграничились во Франціи съ совершенною ясностію.

Законъ 17 мая 1819 г., предоставляя обиженному вчинать противъ обидчика уголовный искъ, указываетъ подвергать наказанію за diffamation относительно частнаго лица тюремному заключенію отъ пяти дней до одного года и

---

1) *Blackston*, кн. 4, гл. 11.
2) *Chassan*, I, стр. 364.
3) *Alex. Laya*, Droit anglais, Paris, 1850, II, стр. 183.

денежной пенѣ отъ 25 фр. до 2000 фр.; или только одному изъ этихъ наказаній, сообразно съ обстоятельствами дѣла (ст. 18), а за injure — денежной пенѣ отъ 16 фр. до 500 фр. (ст. 19, § 2), и при этомъ слѣдуетъ началу, высказанному лордомъ *Мансфильдомъ*, и повторенному *Ройе-Колларомъ* (Royer-Collard), что частная жизнь должна быть неприкосновенна (*la vie privée doit etre murée*), законъ 1819 г. не даетъ права учинившему обиду приводить въ судѣ доказательства справедливости имъ сказаннаго. За diffamation относительно должностнаго лица этотъ законъ назначаетъ тюремное заключеніе отъ осьми дней до 18 мѣсяцевъ и пеню отъ 50 до 3000 фр., а за injure publique — тюремное заключеніе отъ пяти дней до одного года и денежную пеню отъ 25 фр. до 2000 фр. (ст. 16, 19). Въ законѣ 25 марта 1822 г. оскорбленіе, наносимое должностнымъ лицамъ (les magistrats de l'orde administratif et de l'ordre judiciaire), при самомъ отправленіи ихъ служебныхъ обязанностей, названо *outrage* и преслѣдуется тюремнымъ заключеніемъ отъ 15 дней до двухъ лѣтъ и денежною пенею отъ 100 до 4000 франковъ, съ правомъ суда подвергнуть виновнаго, кромѣ того, лишенію нѣкоторыхъ правъ на основаніи 42 ст. уголовнаго кодекса (art 6, loi du 25 mars 1822). Законъ 1822 г., не включивъ въ понятіе fonctionnaires publics — simples agents de l'autorité, оскорбленіе которыхъ, вслѣдствіе того, преслѣдуется на основаніи закона 17 мая 1819 г., Французское право отличаетъ отъ fonctionnaires publics: 1) agents ou dépositaires de l'autorité publique, къ которымъ относитъ: gards nationaux, appariteurs ou agents de police, sergents de ville présidents des colléges électoraux, geôliers et concierges des prisons et maisons de détention; 2) agents dépositaires de la force publique, къ которымъ относитъ: gardes particuliers, offices de police judiciaires, и 3) citoyen chrgè d'un ministère de service public. Оскорбленія всѣхъ этихъ лицъ преслѣдуются по закону 17 мая 1819 г. Независимо отъ этихъ общихъ постановленій, Французское законодательство особыми законами защищаетъ отъ оскорбленій: 1) членовъ палатъ, оскорбленіе которыхъ почитается за оскорбленіе самыхъ палатъ, слѣдовательно законодательной власти: 2) присяжныхъ свидѣтелей, по отношенія къ ихъ оффиціальной дѣятельности; оскорбленіе ихъ по закону 1822 г. наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ десяти дней до одного года и денежною пенею отъ 50 фр. до 3000 фр., при чемъ можетъ быть примѣнена и 463 ст. уголовнаго кодекса (art. 6, loi 1822); 3) духовныхъ особъ, по отношенію къ отправляемымъ ими обязанностямъ: законъ 1822 г. указываетъ разсматривать ихъ, какъ fonctionnaires publics.

Законъ 1819 г. постановляетъ, что обида (injure), которая не будетъ заключать въ себѣ приписанія другому опредѣленнаго порока и будетъ сдѣлана не публично, подвергается, по прежнему, разбору обыкновенныхъ полицейскихъ органовъ. (Néanmoins, l'injure qui ne renfermerait pas l'imputa-

tion d'un vice déterminé, ou qui ne serait pas publique, continuera d'être punie des peines de simple police. Art. 20). Эти законы дѣйствуютъ и въ настоящее время.

Бельгійское законодательство, въ своемъ спеціальномъ уставѣ о преступленіяхъ прессы 1831 г. и въ послѣдующихъ къ нему дополненіяхъ, не дѣлаетъ постановленій объ обидахъ, наносимыхъ посредствомъ слова и печати частнымъ лицамъ, но въ своемъ уголовномъ кодексѣ разрѣшаетъ эти вопросы, сообразно съ началами Французскаго права, съ нѣкоторыми однакожь существенными отличіями, а именно: по Бельгійскому закону диффамаціею признается не всякое сообщеніе о другомъ лицѣ факта или дѣла, могущаго возбудить къ нему презрѣніе общества или прямо касающагося чести, но только такое, которое будетъ заключать въ себѣ клевету, авторъ котораго не докажетъ справедливости имъ сказаннаго законными доказательствами (preuve légale); впрочемъ, если обвиняемый подкрѣпитъ справедливость имъ сказаннаго законными доказательствами, но изъ обстоятельствъ дѣла откроется, что онъ сообщилъ такой фактъ о другомъ лицѣ только изъ злобнаго намѣренія повредить ему, то онъ признается виновнымъ въ диффамаціи и подвергаегся тюремному заключенію отъ восьми дней до трехъ мѣсяцевъ и денежной пенѣ отъ 26 фр. до 400 фр. или только одному изъ этихъ наказаній. Приводить подобныя доказательства запрещается только по отношенію къ такому, выказанному о другомъ лицѣ факту, который относится непосредственно къ частной жизни этого лица; въ этомъ послѣднемъ случаѣ дозволяется приводить въ доказательство только судебной приговоръ или подобный ему правительственный актъ.

(«Est coupable du delit de calomnie celui qui a méchamment imputé à une personne un fait précis digne du mépris public, ou qui serait de nature à porter atteinte à l'honneur de cette personne, et dont la preuve légale n'est pas rapportée». (Art. 493. Nouveau code pénal). «Lorsque la preuve légale des faits imputés est rapportée, s'il résulte des circonstances que le prévenu n'a fait l'imputation que dans un esprit de méchanceté, il sera puni, comme coupable de diffamation, d'un emprisonnement de huit jours à trois mois, et d'une amende de 26 fr. à 400 fr. ou de l'une de deux peines seulement». (Art. 500, ibid). «Lorsqu'il s'agit de faits qui rentrent dans la vie privée, l'auteur de l'imputation ne pourra faire valoir pour sa défense aucune autre preuve que celle qui résulte d'un jugement ou de tout autre acte authentique.» (Art. 499, ibid). Виновный въ клеветѣ т. е. несправедливомъ сообщеніи о другомъ лицѣ позорящаго факта, подвергается тюремному заключенію отъ одного мѣсяца до двухъ лѣтъ и денежной пенѣ отъ 100 фр. до 2000 фр. (Art. 494).

Отъ такой calomnie и diffamation Бельгійское законодательство, подобно Французскому, отличаетъ поруганіе (injure) и виновнаго въ этомъ подвергаетъ

тюремному заключенію отъ осьми дней до трехъ мѣсяцевъ и денежной пенѣ отъ 50 фр. до 500 фр. (Ibid. Art. 501).

Бразильскій законъ 20 сентября 1830 г. воспрещаетъ объявленіе о лицѣ позорящихъ фактовъ, касающихся его частной жизни, и употребленіе позорящихъ лицо выраженій, направленное для поврежденія его репутаціи, — подъ страхомъ тюремнаго заключенія отъ одного до трехъ мѣсяцевъ и денежной пени отъ 20 до 200 рейссовъ; при этомъ Бразильскій законъ не предоставляетъ виновному права приводить доказательства справедливости имъ сказаннаго; а за оскорбленіе должностныхъ лицъ, по отношенію къ ихъ служебнымъ обязанностямъ, денежная пеня назначена въ бо́льшемъ размѣрѣ: отъ 30 до 900 рейсовъ. (Ibid. Art. 2.).

Португальское законодательство воспрещаетъ сообщать посредствомъ письма и печати факты, касающіеся частной жизни человѣка и могущіе нанести ему безчестіе или оскорбить его, хотя бы справедливость этихъ фактовъ и могла быть доказана, подъ страхомъ тюремнаго заключенія отъ одного до трехъ мѣсяцевъ и денежной пени отъ 250 до 2000 фр. (Art. 15, loi de la presse 1832). За оскорбленіе должностныхъ лицъ, по отношенію къ ихъ служебнымъ обязанностямъ, назначена денежная пеня отъ 100 до 1000 фр., съ правомъ суда подвергнуть виновнаго, кромѣ того, и тюремному заключенію отъ 40 до 70 дней. (Ibid. art. 14).

Австрійскій законъ 27 мая 1852 г., не различая особыми названіями, какъ это дѣлаетъ Французское законодательство, эти два вида частныхъ обидъ, но называя ихъ общимъ именемъ *оскорбленія чести* (Ehrenbeleidigungen) и причисляя ихъ къ проступкамъ, дѣлаетъ, однако, существенное различіе между этими двумя видами обидъ. Австрійскій законъ подъ оскорбленіемъ чести разумѣетъ: 1) то, что во Французскомъ правѣ разумѣется подъ diffamation, но Австрійскій законъ считаетъ нужнымъ перечислить три главные вида, а именно: а) если кто другаго несправедливо объявляетъ совершившимъ какое-либо преступленіе, проступокъ или нарушеніе (§ 487 Strafgesetz), то виновному предоставляется въ этомъ случаѣ доказывать справедливость имъ сказаннаго, и онъ подвергается наказанію, если не докажетъ, что то лицо совершило преступленіе или проступокъ, а равнымъ образомъ если наказуемое дѣяніе, которое онъ хотѣлъ обличить, такого рода, что можетъ вызвать судебное преслѣдованіе только по иску третьяго лица (ibid. § 490); б) если кто несправедливо приписываетъ другому такое безчестное или безнравственное дѣяніе, которое можетъ повредить ему въ общественномъ мнѣніи, то виновный подвергается наказанію въ этомъ случаѣ только тогда, когда не докажетъ въ судѣ справедливости имъ сказаннаго (ibid. §§ 488, 490); в) если кто сообщитъ о другомъ, хотя бы и справедливыя, но касающіяся непосредственно частной и семейной жизни обстоя-

тельства, могущія невыгодно подѣйствовать на его репутацію, то въ этомъ случаѣ виновному не дозволяется представлять въ судѣ доказательства справедливости имъ сказаннаго (ibid. § 490); 2) отъ этого оскорбленія Австрійскій законъ отличаетъ то, что во Французскомъ правѣ названо injure: если кто-либо, не объявляя о другомъ какого-либо позорящаго факта, припишетъ ему какія-либо позорныя качества или намѣренія, или выставитъ его на общественное посмѣяніе, то подвергается наказанію, за оскорбленіе чести положенному; но въ этомъ случаѣ ему предоставляется доказать дѣйствительно позорные или безчестные поступки того, о комъ онъ оскорбительно отозвался, и если докажетъ, то освобождается отъ наказанія (ibid. § 491). За оскорбленія того и другаго рода, преслѣдованіе которыхъ предоставляется частному иску, Австрійскій законъ назначаетъ тюремное заключеніе отъ одного мѣсяца до одного года (ibid. § 493), указывая при этомъ на особыя обстоятельства, могущія возвысить мѣру наказанія, какъ напр. особыя отношенія обидчика къ обиженному, чрезвычайныя невыгоды, которымъ подвергся обиженный вслѣдствіе обиды и пр. (ibid. § 494). Оскорбленіе должностныхъ лицъ преслѣдуется арестомъ отъ трехъ дней до шести мѣсяцевъ (ibid. § 313).

Прусское законодательство, представляя сходство съ Французскимъ въ томъ, что различаетъ эти два понятія поруганія и опозоренія, отличается отъ Французскаго существенно тѣмъ, что дозволяетъ обвиняемому приводить въ судѣ доказательства справедливости имъ сказаннаго. Именно Прусскій законъ 14 апрѣля 1851 г. постановляетъ слѣдующее: 1) за публичное устное или письменное поруганіе назначаетъ денежную пеню до трехъ-сотъ талеровъ или тюремное заключеніе до шести мѣсяцевъ [1]); если поруганіе было взаимное, то судьѣ предоставляется или назначить уменьшенное взысканіе съ того, кого онъ признаетъ болѣе виновнымъ, или вовсе не назначить взысканія [2]); оскорбительныя сужденія по отношенію къ произведеніямъ науки, искусства или ремесла тогда только подвергаются наказанію, если по ихъ формѣ или по обстоятельствамъ, среди которыхъ они появляются, можно заключить о намѣреніи оскорбить (§ 154); 2) за распространеніе о другомъ ложныхъ фактовъ, могущихъ повредить ему въ общественномъ мнѣніи или возбудить къ нему ненависть или презрѣніе, назначаетъ, какъ за клевету, тюремное заключеніе отъ одной недѣли до 18 мѣсяцевъ или денежную пеню отъ пяти до трехъ сотъ талеровъ (§ 156); 3) обвиняемому въ клеветѣ дозволяетъ приводить всѣ допускаемыя въ уголовномъ судопроизводствѣ доказательства справедливости [3]), исключая доказа-

1) § 152: «Wer einen Andern öffentlich oder schriftlich *beleidigt*....

2) § 153: «Wenn Beleidigungen auf der Stelle *erwidert* werden, so.....

3) § 157: «Der Beweis der Wahrheit der behaupteten oder verbreiteten Thatsachen kann durch alle im Strafverfahren zulässige Beweismittel geführt werden. Der Zeugenbeweis ist

тельствъ посредствомъ свидѣтелей, которые допускаются только по особому, вслѣдствіе просьбы обвиняемаго, разрѣшенію суда; безусловно воспрещается представленіе доказательствъ, если приписано другому дѣяніе, запрещаемое уголовнымъ закономъ, а неучиненіе имъ такого дѣянія юридически уже доказано; 4) обвиняемый, доказавшій справедливость имъ сказаннаго, не освобождается отъ наказанія, если, по формѣ оскорбленія или по другимъ обстоятельствамъ, судъ убѣдится въ существовавшемъ у обвиняемаго намѣреніи оскорбить (§ 158); 5) оскорбленіе должностныхъ лицъ воспрещается подъ страхомъ тюремнаго заключенія отъ одной недѣли до одного года (§ 102).

Русское законодательство до XVIII ст. обращало вниманіе только на оскорбленія частныхъ лицъ посредствомъ устнаго слова. Главнѣйшій родъ такихъ оскорбленій составляли оскорбленія служилыхъ людей въ ихъ служебномъ старѣйшинствѣ; законодательство объ этихъ оскорбленіяхъ тѣсно связано съ законами о мѣстничествѣ и особымъ судопроизводствомъ о такихъ *счетныхъ* дѣлахъ и искахъ. Послѣ формальнаго юридическаго уничтоженія мѣстничества, понятіе объ особенныхъ признакахъ безчестья служилаго человѣка еще долго сохранялось въ Русскомъ законодательствѣ. Древнее законодательство о безчестьѣ вылилось въ нѣкоторую систему впервые только въ Уложеніи Алексѣя Михайловича. До Уложенія вопросъ о безчестьѣ разрѣшался главнымъ образомъ обычными началами мѣстниковъ и судебною практикою по отношенію къ счетнымъ (мѣстническимъ) дѣламъ разряднаго приказа, но отчасти былъ ввѣренъ разбору и суду духовенства [1]). Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, преслѣдуя обиды, наносимыя устнымъ словомъ, ставитъ мѣру наказанія въ соотвѣтствіе съ званіемъ оскорбленнаго лица; вознагражденіе служилаго человѣка, которому нанесена обида, соразмѣряется съ окладомъ получаемаго имъ жалованья и съ чиномъ самаго обидчика [2]); вознагражденіе неслужилаго человѣка

jedoch nur dann zulässig, wenn sich der Angeschuldigte zum Beweise bestimmter Thatsachen erboten und das Gericht durch besonderen Beschluss befunden hat, dass der Beweis dieser Thatsachen, im Falle er erbracht werden sollte, die Strafbarkeit des Angeschuldigten ausschliessen oder mildern würde. Unbedingt unzulässig ist der Beweis der Wahrheit, wenn die dem Andern beigemessene Handlung mit Strafe bedroht und eine Freisprechung durch ein rechtskräftiges Erkenntniss erfolgt ist».

1) «Дѣла, которыя при св.патріаршѣхъ Московскихъ вѣдаютъ въ патріаршемъ разрядѣ: «кто кого назоветъ выблядкомъ или блудникомъ, или прелюбодѣйцемъ или инымъ какимъ словомъ, тому́жъ прилично». Акты А. Э. IV, № 155. Ср. *Б. Утина*, Ueber die Ehrenverletzung nach russischem Recht. Dorpat, 1857, S. 74.

2) Такъ если боярин, окольничій или вообще думный человѣкъ обезчеститъ архимандрита или вообще иноческій чинъ, то платятъ безчестье противъ государева указа; если же стольникъ, или стряпчій или дворянинъ Московскій, или гость, или дьякъ, или жилецъ, или дворянинъ, или сынъ боярской городовой, или иноземецъ или дворовой человѣкъ нанесутъ безчестье лицамъ духовнымъ, то подвергаются наказанію, въ законѣ точно опредѣленному: за безчестье патріарха наказанію батогами, за митрополита, архіепископа и епископа — тюремному заключенію; за безчестье остальныхъ духовныхъ властей платятъ

сообразовалось съ тѣмъ состояніемъ, къ которому онъ принадлежалъ: безчестье именитаго человѣка напр. оцѣнено было во сто рублей, гостя въ пятдесятъ руб., человѣка гостиной сотни большой статьи въ двадцать рублей; черной волости государева крестьянина въ одинъ рубль [1]); безчестье жены вознаграждается вдвое сравнительно съ окладомъ мужа, безчестье дочери — вчетверо, а малолѣтнаго сына — вполовину противъ отца [2]). Обида, по Уложенію, признается болѣе тяжкою, если она нанесена въ церкви, на государевомъ дворѣ, въ судѣ или въ воинскомъ станѣ [3]). Въ случаѣ, еслибы на уплату за безчестье у обвиненнаго не было денегъ, то лицо низшаго сословія сначала ставили на правежъ или отдавали въ заживъ головою, а потомъ, вмѣсто этого, указали наказывать батогами [4]); у лицъ же высшаго сословія отписывались, въ удовлетвореніе обиженнаго, вотчины и помѣстья [5]), до самаго указа 1700 года, которымъ повелѣвалось «помѣстій и вотчинъ въ удовлетвореніе за безчестье не отдавать [6])». Надобно замѣтить, что при обидѣ устнымъ словомъ дозволялось обвиняемому приводить доказательства справедливости его словъ; это, конечно, было вызвано счетными мѣстническими дѣлами, въ которыхъ судъ обязанъ былъ тщательно разобрать, которая изъ сторонъ виновата въ безчестьѣ [7]).

Уложеніе ничего не постановляетъ объ обидахъ, учиненныхъ письменно; этотъ пропускъ пополняетъ указъ 14 мая 1690 г., впервые опредѣляющій преслѣ-

---

денежное вознагражденіе, сообразно съ старшинствомъ его въ іерархической лѣствицѣ, такъ напр. архимандриту Троицы Сергіева монастыря сто рублей, архимандриту Симонова монастыря шестьдесятъ рублей и т. д. (Улож. Гл. X, ст. 29—89). Въ ст. 27—89 главы X Уложенія означено общимъ образомъ, что размѣръ вознагражденія безчестья сообразуется съ окладомъ получаемаго служилымъ человѣкомъ жалованья и за тѣмъ помѣщена подробная такса для тѣхъ случаевъ безчестья, которые могли бы безъ этого допускать невыгодныя толкованія.

1) См. Улож. гл. X, 94—98.

2) Улож. гл. X, 99.

3) Улож. гл. I, 6, 7; III, 1. 2. VII, 32. X, 105.

4) Улож. гл. X. — I П. С. З. Т. II, № 1238.

5) Это видно напр. изъ купчей еще XVI ст. (1571 г.) на сельцо Михайловское съ деревнями, поступившее отъ подьячаго Айгустова въ счетъ присужденнаго съ него безчестья дьяку Щелкалову: «а взято на Уланѣ въ Васильево и въ жены его безчестья въ шесть сотъ рублевъ — 191 рубль и 21 алтынъ, а въ достали въ четырехъ сотъ восьми рублехъ..... подъячій Уланъ билъ челомъ Государю, чтобъ Государь пожаловалъ велѣлъ Василью въ искъ своей взяти вотчину его... сельцо Михайловское съ деревнями...» Акты А. Э. I. № 280. Ср. *Утина*, Ueber die Ehrenverletzung..., S. 87.

6) 1^{e} П. С. Зак. т. IV, № 1809.

7) См. Улож. гл. X, ст. 280. — Любопытный процесъ, сохранившійся въ Дворцовыхъ Разрядахъ, прямо свидѣтельствуетъ о правѣ обвиняемаго доказывать въ судѣ справедливость имъ сказаннаго: «и Государь и свят. патріархъ велѣли на тебѣ окольничему князю Григорію Волк.. безчестье доправить то, что онъ емлетъ Государева жалованья. И Семенъ Колтовскій у сказки билъ челомъ: язъ де окольничаго выблядкомъ не называлъ, а называлъ ихъ всѣхъ Волконскихъ, что они пошли отъ выблядка, отъ Ивашка отъ Толстой головы, и то перво де въ томъ не запираюсь: вели имъ про себя сказать отъ кого они пошли.... Дворц. Разр. I, стр. 911. Ср. *Утина*, Ueber die Ehrenverletzung, S. 73.

довать обиду, учиненную письмомъ: онъ постановляетъ: о «такихъ безчестьяхъ сыскивать также (какъ и объ устныхъ обидахъ), и суды давать по Уложенію [1])». Петръ В. сначала въ отдѣльныхъ указахъ общимъ образомъ подтверждалъ принципы Уложенія [2]), потомъ стремился опредѣлить точнѣе порядокъ судопроизводства по искамъ о безчестьѣ [3]), и наконецъ въ Уставахъ Воинскомъ и Морскомъ выставилъ новыя начала, какъ относительно устныхъ обидъ, такъ и относительно нѣкоторыхъ обидъ, учиняемыхъ посредствомъ письма и печати. Именно за устныя обиды («ежели одинъ другаго бранными словами зацѣпитъ, онаго *шельмомъ* или сему подобнымъ назоветъ»...) Воинскій Уставъ опредѣляетъ подвергать виновнаго аресту на нѣсколько мѣсяцевъ, съ удержаніемъ жалованья во все время ареста въ пользу госпиталя и принудить къ испрошенію у обиженнаго прощенія, стоя на колѣняхъ [4]); относительно обидъ, учиняемыхъ посредствомъ письма или печати, указано преслѣдовать только пасквили или тайныя ругательныя письма: виновнаго указывается» наказать такимъ наказаніемъ, каковою страстію онъ обруганнаго хотѣлъ обвинить; сверхъ того палачъ такое письмо имѣетъ сжечь подъ висилицею». Въ этомъ Уставѣ встрѣчаемъ первое законодательное опредѣленіе пасквиля: «Пасквиль есть сіе, когда кто письмо изготовитъ, напишетъ или напечатаетъ, и въ томъ кого въ какомъ дѣлѣ обвинитъ, и оное явно прибьетъ или прибить велитъ, а имени своего и прозвища въ ономъ не изобразитъ». При этомъ постановляется, что ежели авторъ пасквиля докажетъ справедливость имъ сказаннаго, то онъ не освобождается совершенно отъ наказанія, но подвергается не столь строгому взысканію, именно

---

1) 1-е П. С. З. Т. III.

2) Таковы его указы 1700 г.: 1-е П. С. №№ 1796. 1800. Изъ указа его 4 Мая 1700 г., не вошедшаго въ Полное Собраніе законовъ, но помѣщеннаго у Болтина, также въ V т. Справочнаго энциклопед. Лексикона, изд. Края и въ Т. IV Дворц. Разр., стр. 1122, съ бо́льшею подробностію, сравнительно съ Уложеніемъ и Новоуказными статьями, перечислены слова, считавшіяся за устную обиду: Въ Московскомъ Судномъ Приказѣ бьютъ многіе челобитчики на отвѣтчиковъ въ разныхъ безчестіяхъ, что назвали они отвѣтчики на словахъ: 1) волно де тебѣ лаять; 2) называть шпынкомъ Турецкимъ; 3) изъ подъ бочки тебя тащили; 4) не Воротынскій де ты, что лаешь; 5) робенкомъ; 6) сынчишкомъ боярскимъ; 7) мартынушкомъ мартышкомъ; 8) черти тебѣ сказываютъ; 9) трусомъ; 10) отецъ твой лаптемъ щи хлебалъ и отецъ твой лапотникъ, и сулилъ сыромятную кожу и яловичьи сапоги; 11) подговаривалъ; 12) злодѣемъ; 13) подскорбою; 14) поди толко въ допросъ, а что соберешь и го очищу, а вчерась было меня на площади удавилъ; 15) разоренье де мнѣ отъ тебя; 16) мучилъ де ты меня; 17) пріѣхалъ де ты на чужую землю грабителемъ». Ср. Утинъ, Ueber die Ehrenverletzung, 101.

3) Указомъ 8 дек. 1714 г. опредѣлено было иски о безчестьѣ вчинать у комендантовъ и ландрихтеровъ, на нихъ приносить жалобу вицегубернатору и губернатору, на губернатора въ сенатъ, а за тѣмъ Его Величеству; при этомъ срокъ назначенъ полгода. 1[e] П. С. З. № 2865.

4) Воинскій Уст. (1[e] П. С. № 3006), гл. XLIX, 2; Артикулы, 151—153. Уст. Морской (Тамъ же № 3485), гл. XIV, 104—106.

по разсмотрѣнію судейскому, тюрьмою, сосланіемъ на каторгу, шпицрутеномъ и прочимъ наказанъ быть имѣетъ, *понеже онъ истиннымъ путемъ не пошелъ, дабы другаго погрѣшенія объявить*[1]).

Эти начала, только относительно лицъ военныхъ постановленныя, обобщаетъ законодательство Императрицы Екатерины II. Въ Уставѣ Благочинія общимъ образомъ воспрещается, подъ угрозою денежной пени, употреблять бранныя или непотребныя слова[2]).

Въ Городовомъ Положеніи Императрица, опредѣляя вознагражденіе за безчестіе мѣщанину, держится началъ Уложенія Алексѣя Михайловича: за безчестіе мѣщанину обидчикъ долженъ заплатить столько, сколько обиженный внесъ въ тотъ годъ сборовъ въ городскую и государственную казну, а за безчестіе жены мѣщанина вдвое; еслиже она сама платитъ подать, то за безчестье ей платится вдвое противъ ея и мужняго платежа; дочери платится безчестья вчетверо противъ платежа отца, а малолѣтнему (до 17 л.) сыну вполовину[3]). За тѣмъ, въ манифестѣ 21 апрѣля 1787 г., *о поединкахъ*, Императрица Екатерина II помѣстила 482 статью наказа коммиссіи уложенія, въ которой замѣчено, что *слова не составляютъ вещи, подлежащей преступленію*, и опредѣлены общія начала относительно оскорбленій какъ устнымъ словомъ, такъ и письмомъ. Именно здѣсь помѣщены такія опредѣленія: 1) «Оскорбленіе или обида есть: буде кто кого вредитъ въ правѣ или по совѣсти, какъ то порочитъ, поклеплитъ, пренебрежетъ, уничтожитъ или задеретъ; чтобъ слово, письмо или дѣйствіе почтено было за обиду или оскорбленіе, надлежитъ знать, было ли намѣреніе обидѣть, или оскорбить, или вредить. Пренебреженіе къ особѣ ближняго съ намѣреніемъ обижать, или оскорбить, или вредить ему лично, или женѣ, или чаду, или служителю, или ближнимъ его, есть обида». 2) «Обида есть трехъ родовъ: словами, письмомъ, дѣйствіемъ. Обида словами есть: буде кто кого при немъ порочитъ закону противными дѣйствіями или поступками, или произноситъ на него брани или угрозы личныя или имѣнію его; заочная же брань ни во что да вмѣнится и да обратится въ поношеніе тому, кто ее произнесъ. Обида письмомъ есть: буде кто кого на письмѣ порочитъ закону противными дѣлами или поступками, или напишетъ на него брани или угрозы личныя или имѣнію его» 3) «Подтверждается законное дозволеніе производить искъ въ обидѣ. Искъ въ обидѣ есть двухъ родовъ: въ обидѣ тяжкой искъ уголовный; въ обидѣ искъ

1) Воинскій Уставъ, артик. 149. Уставъ Морской (1-е П. С. № 3485), гл. XIV, 103.

2) «Запрещается всѣмъ и каждому въ общенародномъ мѣстѣ, или при людяхъ благородныхъ, или выше его чиномъ, или старѣе лѣтами, или при женскомъ полѣ употреблять бранныя или непотребныя слова, подъ страхомъ взысканія съ виновнаго полусуточнаго содержанія въ смирительномъ домѣ, и сажать подъ стражу, донделе заплатитъ». Уст. Благоч. (П. С. № 15379), ст. 222 и 264.

3) 1-е П. С. Зак. № 16535.

гражданскій. Буде кто на кого учинитъ въ обидѣ личный искъ уголовный, тому не запрещается отъ онаго отстать и учинить искъ гражданскій. Буде кто на кого учинитъ въ обидѣ личный искъ гражданскій, тотъ лишается въ той же обидѣ личной иска уголовнаго. Буде кто съ кѣмъ въ обидѣ помирился, то иска нѣтъ. Буде обиженный учинитъ обидчику таковую же обиду, то иска нѣтъ».

Хотя это положеніе многое относительно обидъ и опредѣлило общимъ образомъ, но многое осталось по прежнему неопредѣленнымъ; такъ оставалось неопредѣленнымъ, что̀ такое тяжкая обида, за которую дозволялось вчинать искъ уголовный; было ли безчестье, опредѣленное предыдущими постановленіями, удовлетвореніемъ гражданскимъ или уголовнымъ и т. д. Законодательство сознавало необходимость болѣе точныхъ постановленій объ этомъ предметѣ. Коммиссія, составившая проектъ уголовнаго уложенія Россійской Имперіи 1813 г., неполучившій впрочемъ утвержденія, представила проектъ постановленій объ этомъ вопросѣ въ главѣ 3, о наказаніяхъ за частныя преступленія. Здѣсь различены обиды, наносимыя устнымъ словомъ и письмомъ; послѣднія раздѣлены на два вида: заключающія въ себѣ опозореніе и составляющія брань; наказанія за обиды предложены въ видѣ денежныхъ пеней, при чемъ слѣдующее постановлено о ихъ размѣрѣ и назначеніи: размѣръ ихъ сообразуется съ званіемъ обижéннаго, при чемъ съ подробностію (§ 446) опредѣлены взысканія при обидахъ, наносимыхъ чиновникамъ опредѣленнаго чина другимъ чиновникомъ, имѣющимъ высшій, равный или низшій чинъ сравнительно съ обидчикомъ; назначеніе пеней опять различено, смотря по званію обиженнаго: если обиженный дворянинъ, то пеня за нанесенную ему обиду поступаетъ не ему, а въ установленіе общественнаго призрѣнія бѣдныхъ; если обида нанесена лицу низшаго сословія, то отъ обиженнаго зависитъ представить эту пеню въ установленіе общественнаго призрѣнія бѣдныхъ или не представлять; если у обидчика не будетъ денегъ для удовлетворенія за обиду, то онъ подвергается тюремному заключенію [1]).

Въ 1-й части XV т. составленнаго въ 1833 г. Свода Законовъ Гражданскихъ преступленія, заключающіяся въ оскорбленіи чести, помѣщены въ 17-мъ раздѣлѣ, въ которомъ опредѣляются преступленія противъ безопасности жизни и противъ правъ общественнаго состоянія лицъ. Постановленія эти главнымъ образомъ были основаны на началахъ, изложенныхъ въ манифестѣ о поединкахъ Императрицы Екатерины II. Здѣсь различены непосредственныя личныя оскорбленія отъ оскорбленій посредствомъ письма, пасквилей или какихъ-либо изображеній. Это же начало общимъ образомъ принято и въ *Уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ*, но Уложеніе помѣщаетъ ихъ совершенно

1) См. *Jacob*, Entwurf eines Criminalgesetzbuches für das russische Reich, 1818, S. 237 и сл. Ср. *Утинъ*, Ueber die Ehrenverletzung. Dorpat, 1857, S. 115.

иначе, именно въ X раздѣлъ, въ которомъ опредѣляются преступленія противъ жизни, здоровья, свободы и чести частныхъ лицъ. Сводъ Законовъ, сост. въ 1833 г., постановлял въ XV т. уголовныя наказанія за оскорбленія частныхъ лицъ, долженъ былъ въ X томѣ сохранить обиженному право искать и денежнаго гражданскаго удовлетворенія, издавна явившагося въ видѣ безчестья и подтвержденнаго въ манифестѣ о поединкахъ Императрицы Екатерины II. Такъ какъ званіе чиновъ и цѣна денегъ въ XIX ст. значительно измѣнились, сравнительно съ прежнимъ, то Своду Законовъ необходимо было правило о безчестьи примѣнить къ новому порядку вещей. Поэтому въ Сводѣ Законовъ постановлено (на основаніи Уложенія царя Алексѣя Михайловича и Воинскаго и Морскаго Уставовъ) такое общее правило о безчестьи: «въ удовлетвореніе за безчестье дворянина или другаго лица, находящагося въ государственной службѣ, взыскивается въ пользу обиженнаго годовой окладъ получаемаго имъ жалованья; за обиды и безчестія, нанесенныя духовнымъ властямъ и священно- и церковно-служителямъ, виновный подлежитъ взысканію вдвое большему противу взысканія за обиды, причиненныя людямъ свѣтскаго званія; жена за безчестье или обиду, ей причиненную, получаетъ противъ мужняго оклада вдвое, незамужняя дочь вчетверо противъ оклада отца, а неимѣющій оклада сынъ вполовину» [1]). Въ отношеніи къ городскимъ обывателямъ сохранено количество безчестья, опредѣленнаго Городовымъ Положеніемъ. Въ отношеніи безчестья сельскихъ обывателей принятъ постановленный въ 1797 году размѣръ одного рубля [2]); но постановленіе Свода Законовъ о безчестьѣ сельскихъ обывателей дополнено было въ 1839 году болѣе точными опредѣленіями безчестья, наносимаго государственнымъ крестьянамъ [3]), а постановленіе о крѣпостныхъ людяхъ, относительно наносимаго имъ безчестья, дополнено въ 1842 г. [4]).

1) Сводъ Зак. Гр. т. X, изд. 1833, ст. 381—383; изд. 1842 г., ст. 548—550.

2) 1797 г. авг. 7, п. 12 (1-е П. С. № 18082). Св. Зак. Гражд. изд. 1833 г. Т. X, ст. 386, примѣч.

3) Именно: «кто изъ государственныхъ крестьянъ обидитъ другаго государственнаго крестьянина словомъ, письмомъ или дѣйствіемъ, тотъ долженъ испросить прощеніе у обиженнаго; въ противномъ случаѣ онъ обязанъ заплатить ему за безчестье. За обиду государственнаго крестьянина взыскивать съ обидчика сумму, равную годовому окладу казенныхъ податей, земскихъ и мірскихъ денежныхъ повинностей, слѣдующихъ съ одной души того сельскаго общества, къ которому принадлежитъ обиженный. Такому же взысканію подвергать тѣхъ, кои обидятъ отставныхъ солдатъ, приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ. Въ удовлетвореніе замужней жены или вдовы взыскивать за обиду вдвое противъ мужа; а въ удовлетвореніе незамужней дочери, вчетверо противъ отца. За обиду дѣтей мужескаго пола, недостигшихъ 17-лѣтняго возраста, взыскивать вполовину противъ оклада отца, а выше сего возраста по тому же размѣру, какъ и ихъ отцу. Если обида словомъ сдѣлана въ церкви или общенародно, какъ-то: въ присутствіи сельской и волостной расправы или волостнаго правленія, или же на сельскомъ и волостномъ сходѣ, то, сверхъ взысканія за безчестье, обидчикъ сажается подъ стражу». 1839 г. марта 23 (2-е П. С. № 12166), п. 196—202.

4) Указомъ 1842 г. 4 ноября (16168) опредѣлено за безчестье крѣпостнаго человѣка

Эти законы о мѣрахъ гражданскаго удовлетворенія за обиды посредствомъ взысканія безчестья дѣйствовали и въ 1845 г., когда было издано Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, которое предоставило обиженному право преслѣдовать обидчика и уголовнымъ и гражданскимъ порядкомъ. Уложеніе, различая между личными обидами непосредственныя личныя оскорбленія отъ клеветы и распространенія оскорбительныхъ для чести другаго сочиненій, изображеній или слуховъ, постановляетъ слѣдующее: 1) «Кто обидитъ другаго ругательными или иными оскорбительными насчетъ его или жены его, или членовъ его семейства, хотя бы уже умершихъ, словами, изустно или въ письмѣ подписанномъ или подметномъ безъименномъ, или же будетъ, также изустно или письменно, укорять его въ дѣлѣ противозаконномъ или безчестномъ, или попрекать обиженнаго тѣмъ, что ему нанесена обида, тотъ по жалобѣ оскорбленнаго обязанъ испросить у оскорбленнаго имъ прощеніе, а если обиженный пожелаетъ, то и заплатить ему опредѣленное въ законахъ гражданскихъ безчестье (изд. 1, ст. 2013; изд. 1857, ст. 2091). Если такое оскорбленіе нанесено съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, или умысломъ, или въ церкви, во дворцѣ, или въ публичномъ мѣстѣ, или въ многолюдномъ собраніи, или же такому лицу, которое, по состоянію своему, званію или особымъ къ виновному отношеніямъ, имѣло право и на особое отъ него уваженіе, то виновный сверхъ того приговаривается къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ.» (Ул., изд. 1857, ст. 2092). При этомъ Уложеніе, опредѣляя, что всѣ дѣла о личныхъ обидахъ начинаются не иначе, какъ по жалобамъ самихъ оскорбленныхъ, или же ихъ супруговъ, родителей и опекуновъ, постановляетъ: «кто за обиду, ему нанесенную, нанесетъ самъ оскорбившему его такую же или не менѣе тяжкую обиду, тотъ теряетъ право приносить на него за сіе жалобу». (Примѣч. къ ст. 2094. ibid.). 2) Кто дозволитъ себѣ въ представленной присутственному мѣсту бумагѣ или въ печатномъ сочиненіи или въ рукописномъ, но распространенномъ по его согласію, оклеветать кого-либо несправедливо, обвиняя его или жену его или членовъ семейства въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, тотъ подвергается заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года, обязывается испросить у обиженнаго прощеніе, и если послѣдній желаетъ, то и заплатить ему безчестье, и затѣмъ по желанію обиженнаго судебный приговоръ объ этомъ долженъ быть публикованъ въ столичныхъ и мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ на счетъ виновнаго. (Ул., ст. 2095). За намѣренное, хотя и устное распространеніе о комъ-нибудь клеветы, а равнымъ образомъ за распространеніе

взыскивать ту же самую сумму, какая опредѣлена за обиду государственнаго крестьянина. Ср. вообще о гражданскомъ удовлетвореніи за личную обиду у *Неволина*, Полн. собр. сочин. Т. V, стр. 227 и сл.—3 томъ его «Исторіи Росс. гражд. законовъ».

такого свѣдѣнія, которое было сообщено по званію его, или по особой къ нему довѣренности, съ обѣщаніемъ сохранять его въ тайнѣ, виновный обязанъ испросить у обиженнаго прощеніе, и кромѣ того подвергается аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ или тюремному заключенію отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, а затѣмъ, если обиженный пожелаетъ, долженъ заплатить ему безчестье, опредѣленное въ законахъ гражданскихъ. Наказанія возвышаются одною степенью, если виновный узналъ открываемую имъ тайну чрезъ вскрытіе чужаго письма, пакета, шкафа, ящика, или инымъ противозаконнымъ образомъ. (Улож. ст. 2096, 2097). 3) За составленіе и распространеніе, какимъ бы то ни было образомъ, хотя и не заключающихъ прямой клеветы, но ругательныхъ или же почему-либо иному явно оскорбительныхъ для чести какого-либо частнаго лица сочиненій, или изображеній, виновные приговариваются къ аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ или къ тюремному заключенію отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, обязаны испросить у оскорбленнаго прощеніе, заплатить ему, если онъ того желаетъ, безчестіе, а сверхъ того обязаны, подъ надзоромъ полиціи, принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для отобранія и уничтоженія составленныхъ или распространенныхъ ими оскорбительныхъ сочиненій или изображеній (Ул., ст. 2098). Эти наказанія возвышаются одною степенью, въ случаѣ нанесенія подобнаго оскорбленія опекуну, учителю, начальнику или лицу, у котораго оскорбитель находился въ услуженіи, и наказанія возвышаются тремя степенями, въ случаѣ нанесенія оскорбленія родителямъ или инымъ родственникамъ по восходящей линіи» (Улож., ст. 2102). 4) Касательно оскорбленія установленій и должностныхъ лицъ, въ Уложеніи постановлено: изобличенныхъ въ составленіи, подкидываніи, выставленіи въ публичныхъ мѣстахъ, или же инымъ какимъ бы то ни было образомъ, но завѣдомо и съ умысломъ, распространеніи ругательныхъ писемъ или другихъ сочиненій и бумагъ, или изображеній, оскорбительныхъ: а) для высшихъ въ Государствѣ мѣстъ и лицъ,—подвергать потерѣ нѣкоторыхъ, на основаніи 54 ст. Уложенія, особенныхъ правъ и преимуществъ, и заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ двухъ до трехъ лѣтъ, или же безъ лишенія сихъ особенныхъ правъ и преимуществъ, только заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года; б) для губернскихъ и прочихъ присутственныхъ мѣстъ, управленій и должностныхъ лицъ, когда сіи оскорбленія касаются именно дѣйствій ихъ по исполненію служебныхъ обязанностей, — подвергать заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, или же аресту на время отъ семи дней до трехъ недѣль (ст. 317. 318). Кто, поднявъ ругательное или же по чему-либо иному оскорбительное для правительственнаго мѣста или лица письмо, или сочиненіе, или изображеніе, вмѣсто того, чтобы истребить его или представить ближайшему мѣстному начальству, будетъ оное показывать

или читать, или же инымъ образомъ сообщать другимъ, подвергается аресту на время отъ одного до трехъ дней, или же денежному взысканію отъ одного до десяти рублей» (ст. 320).

Что касается безчестья, то размѣры его, точно опредѣлившіеся въ Сводѣ Законовъ Гражданскихъ, изд. 1842 г., въ т. X, были существенно измѣнены положеніемъ 21 марта 1851 года, ст. 60 [1]) котораго, вмѣсто прежнихъ разнообразныхъ размѣровъ безчестья, установила одинъ общій, помѣщенный въ третьемъ изданіи Свода Законовъ гражданскихъ: «Виновный въ нанесеніи кому-либо личной обиды или оскорбленія, можетъ, по требованію обиженнаго, быть присужденъ къ платежу въ пользу его безчестья, смотря по состоянію или званію обиженнаго и по особымъ отношеніямъ обидчика къ обиженному, отъ одного до пятидесяти рублей серебромъ [2])». Статьи 61, 62 и 63 того же положенія присоединяютъ къ этому общему постановленію еще слѣдующія: «Искъ о безчестьи можетъ быть начатъ въ судѣ гражданскомъ, или же соединенъ съ требованіемъ о наказаніи виновнаго и предоставленъ суду уголовному [3]). Кто въ личной обидѣ или оскорбленіи учинитъ искъ гражданскій, тотъ лишается уже права иска уголовнаго въ той же обидѣ и оскорбленіи [4]). Ежели, вслѣдствіе личной обиды или оскорбленія, обиженный понесъ ущербъ въ кредитѣ или въ имуществѣ, то обидѣвшій или оскорбившій его обязанъ вознаградить за сіи потери и убытки по усмотрѣнію и опредѣленію суда [5]).

Такимъ образомъ нынѣ дѣйствующее Русское законодательство заключаетъ въ себѣ слѣдующія главныя начала относительно оскорбленій частныхъ лицъ:

1) Преслѣдованіе преступленій этого рода начинается только вслѣдствіе иска обиженнаго.

2) Обиженный можетъ вчинить искъ уголовный, соединяя его съ гражданскимъ.

3) Вчинившій искъ гражданскій теряетъ право вчинить искъ уголовный.

4) Обиженный теряетъ право искать судебнаго удовлетворенія, если самъ нанесетъ обидчику равносильную обиду.

5) Мѣра уголовнаго наказанія различна: а) по отношенію къ непосредственнымъ и посредственнымъ оскорбленіямъ, и б) по отношенію оскорбленій, наносимыхъ частнымъ и должностнымъ лицамъ.

6) При оскорбленіи клеветою дозволяется приводить въ судѣ доказательства справедливости сказаннаго.

---

1) 2-е П. С. З. № 25055.
2) Т. X. Св. Зак. Гр., изд. 1857, ч. I, ст. 667.
3) Ibid. ст. 668.
4) Ibid. ст. 669.
5) Ibid. ст. 670.

7) Наказанія уголовныя за оскорбленія заключаются въ испрашиваніи прощенія и въ тюремномъ заключеніи.

8) Удовлетвореніе гражданское заключается во взысканіи въ пользу обиженнаго безчестья и вознагражденія его потери въ кредитѣ или имуществѣ.

Эти общіе законодательные принципы сохраняются и въ предлагаемыхъ въ новомъ проектѣ постановленіяхъ объ оскорбленіяхъ устнымъ словомъ, письмомъ или печатью.

Различая, по отношенію къ мѣрѣ наказанія, опозореніе отъ поруганія, на томъ основаніи, что какъ Русское законодательство, такъ и бо̀льшая часть Европейскихъ законодательствъ признаютъ опозореніе болѣе тяжкимъ нарушеніемъ чести, сравнительно съ поруганіемъ, необходимо представить, относительно того и другаго рода преступленій, слѣдующія объясненія:

1) Признавая въ полнѣйшей степени основательнымъ выработанный *Англійскимъ* и *Французскимъ* законодательствомъ принципъ, что частная жизнь лица и его частная дѣятельность должны быть неприкосновенны, нельзя не согласиться, что за этою границею частной жизни и частной дѣятельности, дѣятельность каждаго, если касается интересовъ цѣлаго общества, должна допускать обществу и литературѣ право ея оцѣнки, сужденія о ней и обнаруженія безчестности и неблаговидности. На этомъ основаніи, изъ общаго правила, что виновному въ опозореніи не дозволяется приводить въ судѣ доказательствъ о дѣйствительности позорящаго обстоятельства, Коммиссія нашла необходимымъ допустить одно исключеніе: виновный въ оглашеніи позорящаго обстоятельства, непосредственно относящагося къ служебной дѣятельности должностнаго лица или установленія, допускается къ представленію въ судѣ доказательствъ о дѣйствительности такого позоряющаго обстоятельства. Во Франціи, законъ 17 мая 1819 г., выставивъ какъ общее правило, «que la verité des faits diffamatoires est défendue», сдѣлалъ изъ этого правила исключеніе—виновнаго въ опозореніи должностнаго лица допустилъ представлять въ судѣ доказательства о дѣйствительности позорящаго обстоятельства, и при этомъ, еслибы онъ доказалъ дѣйствительность такого обстоятельства, опредѣлилъ освобождать его отъ наказанія (это принято въ Бельгійскомъ и др. законодательствахъ); но если обличитель дозволилъ себѣ и другія оскорбленія, непужныя для изобличенія должностнаго лица къ противозаконныхъ поступкахъ, то за это онъ подвергается наказанію. («La preuve des faits imputés met l'auteur de l'imputation à l'abri de toute peine, sans préjudice des peines prononcées contre toute injure qui ne serait pas nécessairement dépendante des mêmes faits»). Впрочемъ, по декрету 17 февраля 1852 г., ни въ какихъ случаяхъ не допускается доказательствъ посредствомъ *свидѣтелей* о дѣйствительности позорящаго обстоятельства («En aucun cas la preuve par témoins ne sera admise pour établir la réalité des faits

injurieux ou diffamatoires. (Art. 28 du décret 17 févr. 1852, art. 15 du décret 28 mars 1859).

Но не должны ли подъ это исключеніе изъ общаго правила, запрещающаго приводить въ судѣ доказательства о дѣйствительности позорящаго факта, быть подведены опозоренія не только должностныхъ, но и частныхъ лицъ, по отношенію къ ихъ общественной дѣятельности? Законъ, защищающій всѣ права ототдѣльной гражданской личности, въ то же время обязанъ столько же защищать права общества отъ нападеній на него со стороны отдѣльнаго частнаго лица, — нападеній, изъ которыхъ одни, какъ прямыя и открытыя, могутъ быть преслѣдуемы легко и удобно судебнымъ порядкомъ, другія, какъ не заключающія въ себѣ прямыхъ и открытыхъ нападеній, напримѣръ отсутствіе честности, аккуратности, неспособность, должны быть предоставлены суду литературы, которая, обнаруживая ихъ, тѣмъ самымъ предупреждаетъ общество отъ такихъ невыгодныхъ на него нападеній, и слѣдовательно прямо помогаетъ правительству и закону, которые не могутъ въ этихъ случаяхъ оказать надлежащей гарантіи обществу. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли воспретить литературѣ оцѣнку какой-нибудь лекціи или сочиненія: ихъ самое точное, самое глубокое критическое разсмотрѣніе составляетъ право каждаго. Лордъ ***Элленборо*** весьма справедливо говорилъ присяжнымъ, что «писатель, указывая ошибки или нелѣпости какого-нибудь автора, можетъ употреблять всякія насмѣшки, какъ бы онѣ ни были оскорбительны для самолюбія того, кто сдѣлался ихъ предметомъ; иногда насмѣшка — единственное орудіе, возможное для точнаго объясненія нелѣпости; разумѣется репутація и интересы лица могутъ пострадать отъ насмѣшки, но еще это не причина, чтобъ авторъ насмѣшки подвергся отвѣтственности. Можетъ быть, что раскритикованное сочиненіе и не найдетъ покупателей, но въ этомъ-то и заслуга критика, просвѣтившагопублику. Если критикъ не выходитъ изъ своей сферы, если онъ разбираетъ только то, что написано авторомъ, онъ въ своемъ законномъ правѣ, такъ какъ авторъ, издавая книгу, тѣмъ самымъ отдаетъ ее на судъ обществу. Другое дѣло, если критикъ не остановится на произведеніи автора, но перейдетъ къ разбору самого автора, вторгнется въ его частную жизнь, то производитъ опозореніе, запрещаемое закономъ»[1]). Этихъ принциповъ держатся какъ Англійская, такъ и Французская судебная практика[2]).

Эти начала, ясныя и не могущія допускать споровъ по отношенію къ частному лицу, являющемуся въ дѣятельности литературной, интересующей общество, представляются нѣсколько труднѣе для анализа по отношенію къ

1) См. ***Chassan***, Traité des délits et contreventions de la parole, de l'écriture et de la presse, t. I, Paris, 1851, p. 381.

2) Ср. ibid. p. 312.

частному лицу, въ матеріальной, экономической его дѣятельности, столько же интересующей общество, какъ напр. по отношенію къ дѣятельности ремесленника, купца, директора акціонерной компаніи, издателя журнала и т. п. Съ перваго взгляда дѣятельность такого лица представляется частною, представляетъ сношеніе одного лица съ другимъ по какому-либо экономическому дѣлу, и безчестность или недобросовѣстность одного изъ нихъ можетъ, по видимому, только касаться другаго, вступившаго съ нимъ въ сношенія и могущаго преслѣдовать его судебнымъ порядкомъ. Но такъ кажется только съ перваго взгляда; въ дѣйствительности же и эта матеріальная, экономическая дѣятельность находится къ обществу и къ праву литературы обнаруживать ея существо въ такомъ же отношеніи, какъ и интеллектуальная дѣятельность частнаго лица. Въ самомъ дѣлѣ, общество въ правѣ ожидать отъ своихъ членовъ, чтобы они печатно обнаружили поступокъ издателя газеты, не высылающаго нумеровъ своимъ подписчикамъ, или поступокъ директора акціонерной компаніи, нарушающаго права акціонеровъ, или торговца, берущаго деньги на честное слово и не высылающаго товаровъ и пр. Не говоря уже о томъ, что судебное преслѣдованіе такихъ лицъ со стороны потерпѣвшихъ отъ нихъ бываетъ и невозможно, по причинѣ трудности въ практической жизни всегда соблюдать тѣ формальности, которыя указываетъ положительный законъ для охраненія правъ частнаго лица, и воспользоваться судебными учрежденіями. Такое судебное преслѣдованіе и не достигнетъ вполнѣ цѣли: общество не будетъ полнымъ образомъ предупреждено отъ поступковъ такихъ лицъ; единственная гарантія для общества — возможность сдѣлать подобный поступокъ гласнымъ. Здѣсь то же положеніе общества относительно такого торговца, какъ и относительно писателя; какъ литература не въ правѣ касаться частной жизни писателя, такъ точно она не въ правѣ позорить частную жизнь торговца, но она въ правѣ обнаруживать всѣ вредныя дѣйствія его, какъ промышленика: здѣсь можетъ быть пораженъ частный интересъ, если безъ этого пораженія долженъ терпѣть интересъ общественный. Этотъ принципъ вполнѣ развили въ его примѣненіи какъ Англійская, такъ и Французская судебная практика [1]). Другое дѣло, если будетъ сдѣлано опозореніе торговца для того, чтобы разрушить его кредитъ, если будутъ публикуемы слухи или доводы, напр., о скоромъ банкротствѣ купца или о томъ, что его дѣла идутъ неудовлетворительно, что его коммерческія бумаги понижаются и т. д.; въ этомъ случаѣ, если и можно доказывать, что такое обнаруженіе можетъ принести свою пользу для общества тѣмъ, что предупредитъ всѣхъ отъ вступленія съ нимъ въ торговыя дѣла, но это будетъ доказательство чрезвычайно косвенной пользы

1) См. *Chassan*, p. 385.

для общества, и такъ какъ здѣсь ставятся рядомъ вредъ, возможный для общества, и вредъ положительный для торговца, то нельзя не согласиться, что кредитъ торговца долженъ быть охраняемъ отъ нападеній точно также, какъ охраняется его частная жизнь. Такъ дѣлаетъ это Англійское законодательство и Англійская судебная практика; къ этому же стремится и практика Французскихъ судовъ На этомъ-то основаніи нужно различить опозореніе частнаго лица или общества по отношенію къ ихъ общественной дѣятельности отъ опозоренія частнаго лица по отношенію къ его частной жизни или промышленика по отношенію къ его кредиту: въ первомъ случаѣ виновному справедливо предоставить право приводить доказательства справедливости имъ сказаннаго; во второмъ—этого права ему нельзя предоставить. Но указать такое различіе въ самомъ законѣ представляется чрезвычайно трудно, особенно въ законѣ, опредѣляющемъ преслѣдованіе частныхъ оскорбленій на новыхъ началахъ. Иностранныя законодательства поступили въ этомъ отношеніи весьма осторожно, опредѣливъ общимъ образомъ, что при оскорбленіи частныхъ лицъ обвиняемому воспрещается приводить въ судѣ доказательства справедливости имъ сказаннаго, и предоставивъ судебной практикѣ, при примѣненіи этого закона, руководиться потребностями общей пользы Подобныя же соображенія руководили и Коммиссію, при начертаніи законовъ объ опозореніи и поруганіи.

2) Опозореніе и поруганіе можетъ возбудить судебное преслѣдованіе со стороны обиженнаго, хотя бы имя его и не было помѣщено, но если хотя и косвенно, посредствомъ какой-нибудь фигуры или аллегорически, но ясно относится къ нему. По *Англійскому* законодательству признается существо *libel*, если начальныя буквы имени или какое-либо другое указаніе лица не оставляютъ сомнѣнія о намѣреніи автора[1]). Во *Франціи*, въ составленномъ въ 1805 году проектѣ о наказаніяхъ за преступленіе прессы, не получившемъ утвержденія, предлагалось: «Если относительно частнаго лица будетъ помѣщено какое-нибудь оскорбленіе, но частное лицо это будетъ указано не прямо, а косвенно, какъ-то: посредствомъ помѣщенія одной или нѣсколькихъ буквъ его имени, посредствомъ указанія мѣста, времени, профессіи, дѣятельности его или посредствомъ другихъ какихъ-либо о немъ указаній, то тотъ, который приметъ это на свой счетъ, можетъ вчинить искъ противъ автора, и послѣдній имѣетъ быть признанъ виновнымъ, если онъ не объявитъ, что онъ имѣлъ въ виду совсѣмъ другое лицо, которое и обязанъ назвать и напечатать объ этомъ въ первомъ нумерѣ издаваемаго имъ журнала, если таковой издаетъ, а если не издаетъ, то напечатать такое объявленіе въ афишѣ, триста экземпляровъ которой долженъ представить истцу; это объявленіе должно быть сдѣлано просто и

1) *Alex. Laya*, Droit anglais, Paris 1850, II, p. 179.

ясно, безъ толкованій и условій». *Порталисъ(père)*, въ своемъ раппортѣ объ этомъ, представленномъ въ Conseil des anciens, подвергаетъ критикѣ редакцію этой статьи и доказывая ея невозможность тѣмъ, что авторъ подобнаго оскорбленія всегда можетъ освободиться отъ преслѣдованія, назвавъ какое-нибудь вымышленное, подставное лицо или которое не подниметъ иска объ оскорбленіи, совершенно согласенъ съ принципомъ статьи; онъ находитъ его не только необходимымъ и спасительнымъ, но даже до того существеннымъ, что не требуетъ формальнаго законодательнаго опредѣленія, такъ какъ онъ необходимо самъ по себѣ разумѣется [1]). Когда въ 1814 г. стремились ввести во Франціи свободу прессы, то главныя возраженія, которыя дѣлали противъ такой свободы, основывались на опасеніяхъ, что она откроетъ широкое поприще для оскорбленій частныхъ лицъ чрезъ удобство оскорблять ихъ, не называя по имени. Разсужденія многихъ, истинныхъ друзей свободы слова, убѣдили и законодательство и судебную практику, что для того, чтобы слово могло быть свободно, необходимо, чтобы частныя лица были оставляемы въ покоѣ, и чтобы опозореніе ихъ, хотя бы они были и не названы, находило точное судебное преслѣдованіе [2]). И дѣйствительно, Французскій законъ 1819 г., и въ особенности 25 марта 1822 г. (ст. 11) допускаетъ обиженнаго, но не названнаго по имени, доказать въ судѣ, что оскорбленіе касается именно его [3]). Французская судебная практика, подобно Англійской, постоянно даетъ дѣйствительное примѣненіе этому началу.

Признавая вполнѣ справедливымъ такое воззрѣніе Французскаго и Англійскаго законодательствъ, Коммиссія не нашла нужнымъ выразить это начало въ опредѣленіи закона, совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ *Порталиса*, что это разумѣется само собою и что лучше всего предоставить разрѣшеніе этого вопроса судебной практикѣ.

3) Относительно преслѣдованія за оскорбленіе памяти умершаго различныя законодательства представляютъ различныя начала. Подобное оскорбленіе можетъ повлечь за собою два различныя послѣдствія, смотря по тому, имѣетъ ли оскорбленіе отношеніе только къ памяти умершаго, нисколько не касаясь оставшагося послѣ него семейства, или, будучи, по видимому направлено противъ памяти умершаго, оскорбленіе имѣло цѣлію не его, а оставшееся послѣ него семейство. Легко видѣть, что если и согласиться съ тѣми, которые признаютъ, что въ первомъ случаѣ, если и можетъ имѣть мѣсто искъ, то только гражданскій, необходимо признать, что во второмъ случаѣ обиженному семейству должно быть предоставлено полное право иска. Но такъ какъ нѣтъ возможности въ положительномъ законѣ ясно и точно разграничить оттѣнки такихъ оскорбленій,

1) См. *Chassan*, Traité des delits et contrav. I, 392.
2) Въ особенности *Benjamin Constant*, Sur la liberté des brochures et journaux, 1818.
3) См. *Chassan*, I, p. 395 и 396.

§ 121. Виновный въ умышленномъ распространеніи ложныхъ извѣстій о политическихъ и военныхъ событіяхъ и вообще слуховъ, могущихъ нарушить общественное спокойствіе и порядокъ, подвергается тюремному заключенію отъ *одного дня* до *шести мѣсяцевъ* и денежной пенѣ отъ *одного* руб. до *двухсотъ пятидесяти* руб.

то Французское законодательство о всемъ этомъ вопросѣ не даетъ никакого постановленія, вполнѣ полагаясь на судебную практику, которая уже не одинъ разъ весьма успѣшно обходилась, при сужденіи оскорбленій этого рода, и безъ опредѣлительнаго положительнаго закона [1]). По *Англійскому* закону, авторъ какого-либо сочиненія, оскорбившій въ немъ память умершаго лица, можетъ быть подвергнутъ наказанію, если будетъ доказано, что онъ имѣлъ намѣреніе посредствомъ такого оскорбленія нанести безчестіе или позоръ родственникамъ или исходящимъ умершаго [2]). По *Бельгійскому* закону, въ случаѣ клеветы, взведенной на какое-либо умершее лицо, преслѣдованіе можетъ родиться не иначе, какъ по иску или пережившаго его супруга, или кого-либо изъ восходящихъ или нисходящихъ его родственниковъ до третьей степени, или, за неимѣніемъ таковыхъ, по иску одного изъ законныхъ его наслѣдниковъ до той же степени. (Nouveau code pénal, livre II, art. 506). *Австрійское* законодательство предоставляетъ, въ случаѣ оскорбленія умершаго, вчинать искъ его кровнымъ родственникамъ, оставшемуся въ живыхъ супругу, усыновителю и воспитателю (Wahl- und Ziehelter), усыновленному и пріемышу, питомцу и свойственникамъ (Strafgesetz vom 27. Mai 1852, § 495). *Прусскій* законъ, подобно Французскому, ничего объ этомъ не постановляетъ. Русское законодательство подъ родственниками понимаетъ не только живыхъ, но и умершихъ, когда идетъ вопросъ объ ихъ оскорбленіи [3]).

Къ § 121. Такой проступокъ, какъ распространеніе ложныхъ слуховъ, строго говоря, можетъ быть подведенъ, какъ отдѣльный видъ, подъ то или другое воззваніе; потому немногія законодательства даютъ объ этомъ проступкѣ отдѣльныя постановленія. Русское законодательство отдѣлило этотъ видъ преступленій отъ другихъ и преслѣдовало распространителя такихъ слуховъ, смотря по важности сопровождающихъ распространеніе ложныхъ слуховъ послѣдствій, болѣе или менѣе строгими наказаніями, именно: отъ семидневнаго ареста до лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжную работу на заводахъ на время отъ четырехъ до шести лѣтъ. (Улож. о наказ. угол. и испр., ст. 1196 — 1197).

---

1) Такъ Парижскій судъ на весьма правильномъ основаніи постановилъ рѣшеніе свое 9 іюля 1836 г. въ пользу наслѣдниковъ Турцеля (Tourzel) противъ Фурнье Вернеля (Fournier-Verneuil), приведя такой мотивъ: «les faits diffamatoires imputés à une personne décédée donnent à ses représentants le droit d'en demander la réparation, lorsque ces faits sont de nature à porter atteinte à leur honneur et à leur considération, et qu'ils ont été publiés dans cette intention». См. *Chassan*, I, 405.

2) *Al. Laya*, Droit anglais, Paris, 1850, II, p. 180. *Chassan*, I, 404.

3) Это прямо высказано въ ст. 2091 Улож. о наказ. угол. и исправ.

§ 122. Виновный въ составленіи публичной подписки, для покрытія наложенныхъ по суду денежныхъ пеней, подвергается тюремному заключенію отъ *одного дня* до *шести мѣсяцевъ* и денежной пенѣ отъ *одного* руб. до *двухъ-сотъ пятидесяти* руб.

§ 123. Открывшій или принявшій отъ другаго лица тайную типографію, литографію или металлографію или заведшій ручной типографскій станокъ небольшаго размѣра, безъ испрошенія на то надлежащаго разрѣшенія, подвергается тюремному заключенію отъ *шести недѣль* до *девяти мѣсяцевъ* и денежной пенѣ отъ *шестидесяти* руб. до *четырехсотъ* руб. Типографія таковая закрывается, а ручной станокъ отбирается.

Къ § 122. Во Франціи въ 1835 г. законодательство нашло необходимымъ воспретить публичное составленіе подписокъ для покрытія присужденныхъ судомъ денежныхъ пеней, подъ страхомъ тюремнаго заключенія отъ одного до пяти мѣсяцевъ и денежной пени отъ 500 до 5000 фр. «Il est interdit d'ouvrir ou d'annoncer publiquement des souscriptions ayant pour objet d'indemniser des amendes, frais et dommages-interêts prononcés par des condamnations judiciaires...» (Art. II, loi du 9 sept. 1835). Коммиссія, представившая проектъ этого закона, такимъ образомъ мотивировала его необходимость: «On signalait depuis longtemps le scandale des souscriptions publiques destinées à l'indemnité ou plutôt au triomphe des condamnés politiques. Ainsi la condamnation restait frappée d'impuissance et le châtiment des lois devenait un titre de gloire. Le projet met un terme à ces ovations antisociales. *Le législateur ne peut interdire des souscriptions particulières; chacun reste maître de ses sympathies.* Mais dumoins on ne triomphera pas publiquement des lois et des magistrats». Общія постановленія этого закона выяснились и дополнились судебною практикою, хотя, впрочемъ, и до сихъ поръ много является спорныхъ вопросовъ, при примѣненіи этого закона; такъ напр. подходитъ ли подъ этотъ законъ составленіе подписки въ пользу обвиненнаго для доставленія ему возможности перенести дѣло въ касаціонный судъ; *Гратье* думаетъ, что и эти подписки равнымъ образомъ подходятъ подъ запрещеніе этого закона, а *Шассанъ* совершенно противнаго мнѣнія [1]). Этотъ законъ 1835 г. былъ отмѣненъ въ 1848, и статья, воспрещающая такія подписки, замѣнена постановленіемъ 1849 г., грозящимъ открывшему публичное составленіе такихъ подписокъ. (Loi du 27 juillet 1849, § 11).

Австрійскій законъ воспрещаетъ составленіе такихъ подписокъ подъ угрозою ареста отъ 14 дней до трехъ мѣсяцевъ; учиненіе же подобной подписки посредствомъ печатныхъ вызововъ преслѣдуетъ строгимъ арестомъ отъ одного до шести мѣсяцевъ. (Strafgesetz vom 27 Mai 1852, § 310).

Другія законодательства не даютъ прямыхъ постановленій относительно этого предмета.

Къ § 123. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что открытіе типографіи безъ предварительнаго полученія на то разрѣшенія есть только простое неисполненіе полицейскаго постановленія и, слѣдовательно, составляетъ не проступокъ, а нарушеніе. Но, дабы предупредить открытіе тайной типографіи и имѣть возможность преслѣдовать открывшаго таковую, необходимо открытую безъ разрѣшенія типографію признавать тайною, и назначить совершенно

1) Недоразумѣнія судебной практики относительно этого вопроса хорошо выяснены у *Шассана*, въ его Traité des crimes, délits et contrav., I, 673 и сл.

§ 124. Учинившій въ пропущенныхъ цензурою публичной лекціи, книгѣ или статьѣ повремен-

одинаковое наказаніе тому, кто дѣйствительно открылъ типографію тайно и тому, кто не позаботился получить установленное для того свидѣтельство.

Французскій законъ 21 октября 1814 г., постановившій взысканіе за открытіе тайной типографіи, объявилъ на томъ же основаніи, что тайною типографіею признается каждая типографія, открытая безъ дозволенія. Такого типографщика законъ 1814 г., и теперь дѣйствующій, подвергаетъ пенѣ въ 1000 фр. и шестимѣсячному тюремному заключенію, и типографія уничтожается (Art. 13, loi du 21 oct. 1814: «Les imprimeries clandestines seront détruites et les possesseurs et dépositaires punis de 1000 fr. d'amende et 6 mois de prison. Sera reputée clandestine toute imprimerie non declarée et pour laquelle il n'aura point été obtenu de permission»). Законъ 1814 г., ничего не постановивъ объ отдѣльныхъ ручныхъ станкахъ, оставилъ ихъ подъ опредѣленіемъ 1810 г., которымъ не запрещалось имѣть небольшіе станки для частныхъ, домашнихъ потребностей; но декретомъ 22 марта 1852 г. постановлено, что для преобрѣтенія всякаго рода маленькихъ станковъ, нужно получить установленное разрѣшеніе: въ Парижѣ — отъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ департаментѣ — отъ префекта, при неисполненіи чего владѣлецъ такого станка преслѣдуется, какъ содержатель тайной типографіи, на основаніе закона 1814 г. (Art 2. 3, décr. du 22 mars 1862).

Австрійское законодательство содержателя тайной типографіи или владѣльца ручнаго станка, не испросившаго на то установленнаго дозволенія, подвергаетъ, кромѣ уничтоженія типографіи или станка, денежной пенѣ отъ ста до пятисотъ гульденовъ, а если виновный будетъ продолжать такое держаніе типографіи или станка, то и аресту отъ одного до трехъ мѣсяцевъ. (Strafgesetz vom 27 Mai 1852, § 327).

По *Прусскому* законодательству, содержащій типографію безъ полученія на то закономъ опредѣленнаго свидѣтельства подвергается денежной пенѣ до двухъ сотъ талеровъ или тюремному заключенію до трехъ мѣсяцевъ. (Allgem. Gewerbeordnung vom 17 Januar 1845, § 177).

По Русскому *Улож. о наказ. угол. и исправ.* «за открытіе, безъ дозволенія правительства, типофрафіи, литографіи или другаго заведенія сего рода и за печатаніе въ нихъ, хотя и дозволенныхъ книгъ, эстамповъ и т. п., виновные, сверхъ закрытія заведенія ихъ, подвергаются, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ, или аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію отъ пятидесяти до ста рублей» (§ 1373).

Къ § 124. По нынѣ дѣйствующему Русскому законодательству, опредѣлены взысканія только съ типографщика, если сдѣланы будутъ какія-либо прибавле-

наго изданія измѣненія или прибавленія, цензурою неразсмотрѣнныя или ею непропушенныя, подвергается тюремному заключенію отъ *одного дня* до *шести мѣсяцевъ* и денежной пенѣ отъ *одного* руб. до *двухсотъ пятидесяти* руб.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О НАРУШЕНІЯХЪ И НАКАЗАНІЯХЪ ЗА ОНЫЯ.

§ 125. Произнесшій въ публичномъ мѣстѣ рѣчь или лекцію, безъ предварительнаго полученія на то дозволенія, хотя бы содержаніе рѣчи или лекціи и не заключало въ себѣ ничего противнаго законамъ, подвергается денежной пенѣ отъ *одного* руб. до *двадцати пяти* руб.

нія или измѣненія, противныя общимъ правиламъ цензуры. Когда, послѣ даннаго цензурою дозволенія на изданіе книги, при печатаніи оной, сдѣланы будутъ какія-либо прибавленія или измѣненія, противныя общимъ правиламъ цензуры, то листы, въ коихъ находятся такіе мѣста, перепечатываются вновь на счетъ виновныхъ, а напечатанные прежде уничтожаются при свидѣтелѣ отъ цензуры. Сверхъ того, въ случаѣ особой важности или когда будутъ напечатаны такія мѣста, коихъ печатаніе было уже воспрещено цензурою, содержатель заведенія, если то учинено съ его вѣдома, подвергается: въ первый разъ—заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, а во второй—на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года, и на все сіе время заведеніе его закрывается. Когда же сіе учинено наборщиками, безъ вѣдома содержателя и управляющаго, то они заключаются въ тюрьму на время отъ трехъ до шести цѣсяцевъ, а содержатель или управляющій, за слабое смотрѣніе, подвергается денежному взысканію отъ пяти до пятидесяти рублей. (Улож. о наказ., ст. 1368).

Коммиссія считаетъ необходимымъ это постановленіе о частномъ случаѣ замѣнить общимъ постановленіемъ о наказаніи за измѣненіе того, что цензурою пропущено; виновникомъ этого можетъ быть не только типографщикъ, но и авторъ, а также прочитавшій публичную лекцію, если она предварительно подвергалась цензурному разсмотрѣнію и если прочитавшій ее сдѣлалъ при самомъ чтеніи измѣненія или добавленія, сравнительно съ тѣмъ, что было пропущено цензоромъ. Постановленіе этого § опредѣлятъ наказаніе только за самое измѣненіе; а если содержаніе того, что явилось послѣдствіемъ такого измѣненія, будетъ закючать въ себѣ какое-либо преступленіе или проступокъ слова, то, независимо отъ наказанія, въ этомъ § постановленнаго, виновный имѣетъ быть подвергнутъ и наказанію, за преступленіе или проступокъ назначенному.

Къ § 125. Въ настоящее время по Русскому законодательству «*объявленіе чего-либо во всенародное извѣстіе* безъ разрѣшенія начальства» признается нарушеніемъ. «Кто дозволитъ себѣ, безъ разрѣшенія надлежащаго главнаго или мѣстнаго начальства, объявить что-либо во всенародное извѣстіе, тотъ, буде сіе объявленіе по содержанію своему ни въ чемъ не противно законамъ, добрымъ нравамъ, приличіямъ и ни для кого неоскорбительно, подвергается за сіе, какъ за нарушеніе, установленныхъ правилъ, въ первый разъ денежному взысканію отъ пяти до десяти рублей, во второй—отъ десяти до двадцати руб-

§ 126. Начавшій издавать какое-либо повременное изданіе безъ предварительнаго полученія на то закономъ установленнаго (§ 74) разрѣшенія правительства, хотя бы изданные имъ номера и не заключали въ себѣ ничего противнаго законамъ, подвергается денежной пенѣ отъ *двадцати пяти* руб. до *пятидесяти* руб. за каждый номеръ изданія.

лей, а въ третій—аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ. Изобличенный въ семъ болѣе трехъ разъ приговаривается къ высшей мѣрѣ наказанія, за третій разъ опредѣленнаго, и сверхъ того отдается подъ надзоръ мѣстной полиціи. Когда же сдѣланное безъ разрѣшенія надлежащаго начальства объявленіе, по дѣлу и содержанію своему, противно законамъ, доброй нравственности, приличіямъ или же для кого-либо оскорбительно, или можетъ имѣть какія-либо вредныя послѣдствія, то дозволившій себѣ оное подвергается наказаніямъ на основаніи особыхъ о каждомъ такомъ преступленіи или проступкѣ постановленіи». (Улож. о наказ. угол. и испр., § 341).

Коммиссія, находя неудобнымъ сохранить выраженіе нынѣ дѣйствующаго закона, «объявленіе чего-либо во всенародное извѣстіе», какъ выраженіе слишкомъ неопредѣленное и потому допускающее многоразличныя толкованія, признала необходимымъ опредѣлить въ этомъ § существо этого нарушенія болѣе точнымъ образомъ.

Къ § 126. Во Франціи законъ 17-го февраля 1852 г., установившій правило, что каждый журналъ можетъ быть издаваемъ только вслѣдствіе предварительнаго разрѣшенія правительства, опредѣлилъ преслѣдовать нарушеніе этого правила денежною пенею отъ 100 до 2000 фр. за каждый номеръ изданія, выпущенный въ публику издателемъ, не получившимъ на то разрѣшенія отъ правительства, и кромѣ того назначилъ и тюремное заключеніе отъ одного мѣсяца до двухъ лѣтъ; отвѣтственность эту раздѣляютъ издавшій журналъ и типографщикъ; изданіе самаго журнала прекращается. («Toute publication de journal ou écrit périodique sans autorisation préalable, sans cautionnement ou sans que le cautionnement soit complété, sera punie d'une amende de 100 à 2000 fr. pour chaque numéro ou livraison publié en contravention, et d'un emprisonnement de 1 mois à 2 ans. Celui qui aura publié le journal ou écrit periodique et l'imprimeur seront solidairement responsables. Le journal ou écrit périodique cessera de paraître»). (Art. 5 décret organique du 17 février 1852).

Австрійскій законъ 27 мая 1852 г. требуетъ, чтобы желающій издавать журналъ получилъ предварительно разрѣшеніе отъ правительства, и неисполненіе этого признаетъ нарушеніемъ.

Русское законодательство, при существованіи для всѣхъ періодическихъ сочиненій предварительной цензуры, преслѣдовало изданіе таковыхъ безъ цензуры, какъ нарушеніе:

«За напечатаніе періодическихъ сочиненій или иныхъ книгъ, эстамповъ, рисунковъ, чертежей, плановъ, картъ, а также нотъ съ присовокупленіемъ словъ, безъ дозволенія цензуры, хотя бы, впрочемъ, сіи изданія и не заключали

§ 127. Передавшій повременное изданіе другому издателю, а равно и замѣнившій одного отвѣтственнаго редактора другимъ, безъ полученія на то установленнаго закономъ (§ 79) разрѣшенія, подвергается денежной пенѣ отъ *пяти* руб. до *сорока* руб.

§ 128. Виновный въ неозначеніи на отдѣльномъ номерѣ повременнаго изданія имени издателя, отвѣтственнаго редактора и типографщика, а также цензурнаго разрѣшенія, если изданіе подлежитъ цензурному разсмотрѣнію, подвергается денежной пенѣ отъ *одного* руб. до *двадцати* руб.

Примѣчаніе. Подложное означеніе на изданіи имени издателя, отвѣтственнаго редактора или цензурнаго разрѣшенія преслѣдуется на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ, какъ подлогъ.

§ 129. За недоставленіе въ опредѣленные § 90 настоящаго Устава сроки положеннаго числа экземпляровъ каждаго номера повременнаго изданія: въ С.-Петербургѣ — въ главное управленіе по дѣ-

въ себѣ ничего противнаго законамъ, виновные въ томъ содержатели заведеній, въ коихъ сіе допущено, или управляющіе оными, подвергаются: денежному взысканію, въ первый разъ — отъ десяти до пятидесяти рублей, во второй — отъ пятидесяти до ста рублей; въ третій разъ взысканіе увеличивается до пяти сотъ рублей». (Улож. о наказ., § 1365).

Къ § 127. Существо этого нарушенія находится въ тѣснѣйшей связи съ нарушеніемъ, опредѣленнымъ въ предъидущемъ §. Французскій законъ 17-го февр. 1852 г., постановившій необходимымъ условіемъ для изданія журнала. полученіе разрѣшенія отъ правительства, опредѣлилъ, что и для всякой перемѣны личнаго состава издателей и редакторовъ журнала необходимо такое правительственное разрѣшеніе. («L'autorisation préalable du gouvernement sera pareillement nécessaire à raison de tous changements opérés dans le personnel des gérants, rédacteurs en chef, propriétaires ou administrateur d'un journal»). (Art. 1 décret du 17 févr. 1852).

Къ § 128. Въ *Англіи*, по ст. 38 Георг. III (1728), требовалось, чтобы на каждомъ номерѣ повременнаго изданія было означено имя и мѣстожительство типографщика; за неисполненіе этого назначена пеня въ 100 ф. стерлинговъ.

Во *Франціи* законъ 1828 г. постановилъ обязанностію для типографщика на каждомъ номерѣ обезпеченнаго залогомъ повременнаго изданія печатать имя того отвѣтственнаго редактора, который подписалъ этотъ номеръ, подъ страхомъ пени въ 500 фр. за неисполненіе (art. 8, de la loi de 1828); а законъ 1814 г. обязалъ типографщика на каждомъ номерѣ повременнаго изданія означать свое имя и мѣстожительство, подъ опасеніемъ за неисполненіе этого денежной пени 3.000 фр. (art. 17, loi du 21 octobre 1824).

Бельгійское законодательство требуетъ, чтобы на каждомъ номерѣ повременнаго изданія было помѣщено имя и мѣстожительство типографщика, подъ угрозою, за неисполненіе денежной пени въ 100 флориновъ за каждый номеръ (art. 14, décret du 20 juillet 1831).

Прусскій законъ требуетъ, чтобы на каждомъ номерѣ повременнаго изданія, кромѣ имени и мѣстожительства типографщика, было означено имя и мѣстожительство отвѣтственнаго редактора; за нарушеніе этого опредѣляетъ денежную пеню отъ десяти до 200 талеровъ. (§ 24, § 37 Gesetz vom. 12 Mai 1851).

Къ § 129. Нарушеніе правила о своевременномъ представленіи правительству экземпляра повременнаго изданія, до выпуска его въ свѣтъ, можетъ быть сдѣлано или типографщикомъ или издателемъ. *Французскій* законъ 1814 года дѣлаетъ отвѣтственнымъ въ этомъ типографщика (art. 15 de la loi du 21 oct.

ламъ книгопечатанія, въ Москвѣ—въ цензурные комитетъ, а въ прочихъ мѣстахъ—въ канцеляріи начальниковъ губерній, виновный подвергается денежной пенѣ отъ *пяти* руб. до *двадцати* руб.

§ 130. За непомѣщеніе въ повременномъ изданіи: ежедневномъ—черезъ три дня, а еженедѣльномъ или мѣсячномъ—въ слѣдующемъ нумерѣ, сообщенныхъ издателю какъ отъ правительства, такъ и отъ частныхъ лицъ опроверженій или исправленій, на основаніяхъ въ § 91 настоящаго Устава опредѣленныхъ, издатель подвергается денежной пенѣ *двадцать пять* руб. за каждый изданный имъ послѣ указаннаго срока номеръ, до тѣхъ поръ, пока требуемое опроверженіе или исправленіе не будетъ помѣщено.

§ 131. Редакторъ повременнаго изданія, не объявившій, по первому требованію правительства, имени автора, помѣстившаго въ его изданіи статью, подвергается денежной пенѣ до *пятидесяти* руб., а въ случаѣ упорства и аресту отъ *трехъ* до *семи дней*, сверхъ денежнаго взысканія.

T. XIV, Уст. Ценз., ст. 61; T. XV, Улож. о Наказ., ст. 310.

§ 132. Содержатель типографіи, литографіи или металлографіи за недопесеніе: въ столицахъ—въ канцеляріи генералъ-губернаторовъ, а въ прочихъ мѣстахъ—въ канцеляріи начальниковъ губерній § ( ), о всякой перемѣнѣ въ его заведеніи въ числѣ машинъ и станковъ, подвергается денежной пенѣ отъ *одного* руб. до *двадцати пяти* руб.

§ 133. Содержатель типографіи, литографіи или металлографіи, за невнесеніе въ содержимую въ его заведеніи шнуровую книгу предполагаемой къ напечатанію работы (§ 49), а равнымъ образомъ за неточность показанія, требуемаго § 43 п. 6 настоящаго Устава, подвергается денежной пенѣ отъ *одного* руб. до *двадцати пяти* руб.

1814), а законъ 1828 г. возлагается отвѣтственность за такое нарушеніе, именно денежную пеню въ 500 фр., на редактора (art. 8, loi du 18 juillet 1828). По мнѣнію Коммиссіи, нужно въ законѣ только вообще опредѣлить наказаніе за это нарушеніе: такъ какъ точное опредѣленіе — кто изъ этихъ лицъ, типографщикъ или издатель, долженъ отвѣчать, помѣщается въ § сего Устава, въ статьѣ объ отвѣтственныхъ лицахъ.

Къ § 130. Всѣ законодательства возлагаютъ на издателей журнала такое требованіе и невыполненіе его преслѣдуютъ, какъ нарушеніе.

Во *Франціи* законъ 1822 обязывалъ издателя журнала помѣстить полученныя имъ отъ частнаго лица возраженіе или поправку не позже трехъ дней послѣ полученія, подъ угрозою денежной пени отъ пятидесяти до полутораста франковъ за неисполненіе (art. 11 de la loi du 25 mars 1822); законъ 1835 г. дополнилъ это постановленіе тѣмъ, что возложилъ обязанность на издателя помѣстить въ слѣдующемъ номерѣ сообщенное ему отъ правительства оффиціальное опроверженіе или исправленіе обнародованнаго имъ извѣстія, подъ угрозою за неисполненіе взысканія, постановленнаго въ законѣ 1822 г. (art 18 de la loi du 9 sept. 1835). Это постановленіе 1835 г. измѣнено закономъ 1852 г., который за такое нарушеніе назначаетъ денежную пеню отъ 50 до 1000 фр. и кромѣ того предоставляетъ пріостановить административнымъ порядкомъ изданіе журнала на пятнадцать дней (art. 19, décret du 17 févr. 1852).

Бельгійское законодательство возлагаетъ на издателя журнала обязанность помѣстить сообщаемое ему отъ частнаго зица опроверженіе на другой день послѣ полученія, подъ страхомъ денежной пени 20 флориновъ за каждый просроченный день (art. 13, decret sur la presse 20 juillet 1831).

По *Прусскому* закону, редакторъ журнала за такое нарушеніе подвергается денежной пенѣ до 50 талеровъ или тюремному заключенію до шести недѣль и самое наказаніе не избавляетъ его отъ обязанности выполнить требованіе закона, т. е. помѣстить доставленное ему опроверженіе (§§ 25. 26. 44. Strafgesetz vom 14 April 1851).

§ 134. Содержатель типографіи, литографіи или металлографіи, за выпускъ въ свѣтъ напечатанныхъ въ его заведеніи произведеній ранѣе трехъ дней послѣ полученія росписокъ: въ С.-Петербургѣ — изъ главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія, въ Москвѣ — изъ цензурнаго комитета, а въ прочихъ мѣстахъ — изъ канцеляріи начальника губерніи, какъ это опредѣлено въ § 51 настоящаго Устава, подвергается денежной пенѣ отъ *двадцати пяти* руб. до *ста* рублей.

§ 135. Содержатель типографіи, литографіи или металлографіи, за необозначеніе на напечатанномъ у него произведеніи своего имени и мѣстожительства, а равно и цензурнаго разрѣшенія, если произведеніе печатано съ дозволенія цензуры подвергается денежной пенѣ отъ *одного* рубля до *двадцати* рублей.

Примѣчаніе. Подложное означеніе на произведеніе имени типографщика преслѣдуется на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ, какъ подлогъ.

Къ § 135. Для возможности преслѣдованія преступныхъ обнаруженій мысли, законъ постановляетъ требованія, чтобы на каждомъ произведеніи, выпускаемомъ изъ типографіи и литографіи, было означено имя и мѣстожительство типографщика и разрѣшеніе цензуры, если таковое послѣдовало; неисполненіе такого требованія закона составитъ нарушеніе. Но если типографщикъ или литографщикъ съ умысломъ означитъ не настоящее свое имя или мѣстожительство или означитъ, что произведеніе одобрено цензурою, когда оно такого одобренія не имѣетъ, то такой поступокъ типографщика составитъ подлогъ, за который онъ долженъ быть судимъ на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ.

Во *Франціи* законъ 1814 г. постановилъ правиломъ, чтобы типографщикъ или литографщикъ на каждомъ, выпускаемомъ изъ его заведенія, экземплярѣ, означилъ свое имя и мѣстожительство, преслѣдуетъ невыполненіе этого правила, какъ нарушеніе, угрозою денежной пени въ три тысячи франковъ, а за подложное выставленіе типографщикомъ или литографщикомъ не своего имени или мѣстожительства назначаетъ денежную пеню въ шесть тысячъ франковъ и тюремное заключеніе отъ шести дней до шести мѣсяцевъ (art. 17 de la loi de 1814, art. 283 du code pénal).

Такое же различіе въ степени наказанія, по отношенію къ простому невыполненію типографщикомъ обязанности означить на выпускаемыхъ изъ его заведенія сочиненіяхъ своего имени и мѣстожительства и по отношенію къ подложному выставленію ненадлежащаго имени и мѣстожительства, дѣлаетъ и *Бразильское* законодательство: за первое нарушеніе оно назначаетъ пеню въ пятьдесятъ рейсовъ, а за второе—въ сто рейсовъ (loi de 1830, tit. 2 art. 8. 10).

По *Англійскому* закону требуется, чтобы типографщикъ означилъ свое имя и мѣстожительство, подъ угрозою пени въ двадцать фунтовъ стерлинговъ за каждый выпущенный изъ типографіи экземпляръ. Типографщикъ, печатающій въ своей типографіи для другаго типографщика, долженъ сохранить у себя экземпляръ каждаго такого произведенія, съ обозначеніемъ на немъ имени

§ 136. Содержатель типографіи, литографіи или металлографіи, за напечатаніе Русскаго произведенія Латинско-Польскими буквами, подвергаются денежной пенѣ отъ *одного* рубля до *двадцати* рублей, а напечатанное изданіе конфискуется.

§ 137. Виновный въ напечатаніи безъ цензурнаго разрѣшенія такого произведенія, которое, на основаніи §§ 4, 6 и 7 настоящаго Устава, подлежитъ предварительной цензурѣ, подвергается денежной пенѣ отъ *десяти* руб. до *пятидесяти* руб., хотя бы содержаніе напечатаннаго и не заключало въ себѣ ничего законамъ противнаго.

§ 138. Содержатель заведенія, производящаго или продающаго принадлежности тисненія, за несоблюденіе опредѣленнаго въ § 58 сего Устава правила о внесеніи въ книгу сдѣланной продажи, подвергается денежной пенѣ отъ *одного* руб. до *двадцати пяти* руб.

и мѣстожительства того, для кого онъ печаталъ; въ противномъ случаѣ подвергается той же пенѣ—20 ф. стерл. (stat. 39 Георга III).

Женевское законодательство требуетъ отъ типографщика только вѣрнаго означенія, на выходящихъ изъ его типографіи произведеніяхъ, его имени и нарушеніе этого преслѣдуетъ денежною пенею до двухъ тысячъ флориновъ (art. 19 и 25 loi).

Прусское законодательство постановляетъ вообще, за невыполненіе типографщикомъ обязанности выставленія, на выходящихъ изъ его типографіи произведеніяхъ, его имени и мѣстожительства, денежную пеню до 50 талеровъ (Strafgesetz vom 12. Mai 1851, § 39).

Русское *Улож. о наказ. угол. и исправ.* вообще опредѣляетъ: «За неозначеніе на издаваемыхъ книгахъ имени содержателя типографіи, виновный подвергается денежному взысканію отъ пятидесяти до ста рублей. За неозначеніе года печатанія книги, мѣста, гдѣ оная напечатана, и дозволенія цензора по установленной формѣ съ виновнаго взыскивается десять рублей». (§ 1367).

Къ § 136. Высочайше повелѣніе отъ 7 апрѣля 1853 года.

Къ § 137. Въ настоящее время по Русскому законодательству «за напечатаніе книгъ, эстамповъ, рисунковъ, чертежей, плановъ, картъ, а также нотъ, съ присовокупленіемъ словъ безъ дозволенія цензуры, хотябы, впрочемъ, сія книги, эстампы, рисунки, чертежи и пр. и не заключали въ себѣ ничего противнаго законамъ, виновные въ томъ содержатели заведеній, въ коихъ сіе допущено, или управляющіе оными, подвергаются: денежному взысканію, въ первый разъ отъ десяти до пятидесяти рублей, во второй — отъ пятидесяти до ста рублей; въ третій разъ взысканіе увеличивается до пятисотъ рублей и заведеніе ихъ закрывается. Во всякомъ случаѣ, отпечатанные или изданные безъ дозволенія цензуры книги, эстампы, планы и проч. конфискуются». (Улож. о наказ. угол. и исправит., 1367).

§ 139. Содержатель заведенія, производящаго или продающаго принадлежности тисненія, за продажу печатнаго станка или шрифта лицамъ, неимѣющимъ права покупать оные (§ 159), подвергается денежной пенѣ отъ *пяти* руб. до *ста* руб.

§ 140. Открывшій книжный магазинъ безъ соблюденія правилъ, въ §§ 64 и 65 сего Устава означенныхъ, подвергается денежной пенѣ отъ *одного* руб. до *двадцати пяти* руб.

§ 141. Содержатель книжнаго магазина, продавшій книгу или изданіе, помѣщенныя въ общемъ каталогѣ запрещенныхъ книгъ, подвергается денежной пенѣ отъ *двадцати пяти* руб. до *двухсотъ пятидесяти* руб.

§ 142. Производящіе уличную и разносную продажу книгъ и повременныхъ изданій безъ предварительнаго полученія на то свидѣтельства отъ полиціи, какъ это опредѣлено въ § 68 настоящаго Устава, подвергаются денежной пенѣ отъ *одного* руб. до *двадцати пяти* руб.

Къ § 140. Въ Уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ постановляется слѣдующее наказаніе за производство торговли безъ надлежащаго свидѣтельства: «Кто, безъ надлежащаго свидѣтельства, будетъ производить такого рода торговлю или промыселъ, для производства которыхъ законъ предписываетъ имѣть свидѣтельство, тотъ, сверхъ обязанности взять сего рода свидѣтельство съ платою установленной за оное пошлины, подвергается за сіе: въ первый разъ — денежному въ пользу казны взысканію, равному цѣнѣ сего свидѣтельства; во второй — такому жъ взысканію вдвое; въ третій — заключенію въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года и лишается права на производство всякой торговли и промысла, (§ 1660).

РАЗДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОБЪ АДМИНИСТРАТИВНЫХЪ ВЗЫСКАНІЯХЪ.

§ 143. Ежели въ повременномъ изданіи, освобожденномъ, на основаніи § 5 настоящаго Устава, отъ предварительной цензуры, замѣчено будетъ вредное направленіе, то главное управленіе по дѣламъ книгопечатанія (§ 30) можетъ таковыя изданія подвергать административнымъ взысканіямъ, по правиламъ, ниже сего изложеннымъ.

§ 144. Взысканія сіи заключаются:

1) Въ двукратномъ публичномъ предвареніи; 2) во временномъ отъ 1 до 6 мѣсяцевъ прекращеніи изданія; 3) въ подчиненіи изданія вновь цензурѣ, и 4) въ совершенномъ прекращеніи изданія.

Къ §§ 143 и 144. Въ объясненіи къ § 5-му подробно излагаются основанія, побудившія Коммиссію предоставить правительству право налагать административнымъ порядкомъ взысканія на повременныя изданія, не освобожденныя отъ предварительной цензуры.

Во Франціи, гдѣ впервые административныя взысканія вошли въ законодательство, органическій декретъ Императора 17 февраля 1852 г. опредѣлялъ это право слѣдующими словами:

«Art. 32. Une condamnation pour crime commis par la voie de la presse, deux condamnation pour delits ou contraventions commis dans l'espace de deux années, entrainent de plein droit la suppression du journal dont les gérants ont été condamnés.

«Aprés une condamnation prononcée pour contravention ou delit de presse contre le gérant résponsable d'un journal, le gouvernement a la faculté, pendant les deux mois qui suivent cette condamnation, de prononcer soit la suspention temporaire, soit la suppression du journal.

«Un journal peut étre suspendu par décision ministerielle, alors même qu'il n'a été l'objet d'aucune condamnation, mais aprés deux avertissements motivés et pendant un temps qui ne pourra excéder deux mois.

«Un journal peut étre suprimé soit après une suspension judiciaire ou administrative, soit par mesure de sûreté générale, mais par un decret spécial du président de la République, publié au Bulletin des lois».

Значеніе этого закона министръ полиціи, въ циркулярѣ префектамъ отъ 30 марта 1852 г., объяснялъ слѣдующими словами:

«Le décret attribue au gouvernement le droit de prendre, par voie administrative, des mesures de répression contre les journaux. Ces mesures de repressions dérivent du droit d'autorisation, attribué au gouvernement. Du moment en effet qu'un journal ne remplit pas les conditions qui lui avaient fait obtenir son autorisation; du moment que, sans tenir compte des condamnations prononcées contre lui, il persiste dans une polémique qui en fait on instrument de désordre et de trouble; du moment qu'il peu compromettre la sûreté publique, le gouvernement, qui ne l'eût pas certainement outorisé dans de telles conditions, a le droit de retirer son autorisation: c'est la conséquence logique du principe posé dans l'act. 1.

«Ainsi, désormais, la supression est de plein droit à l'égard de tout journal qui, dans la personne de son gérant, aura subi, soit une condamnation pour

crime, soit deux condamnation pour delits ou contraventions commis dans l'espace de deux années.

«Quant aux journaux qui n'auront subis qu'une condamnation pour contravention ou delit de presse, le gouvernement pourra les supprimer ou les suspendre; mais son droit à cet égard sera prescrit, s'il n'en a pas usé dans le délai de deux mois à partir du jour de la condamnation. Vous voudrez bien tenir comte de ce délai et me mettre en mesure de statuer en temps opportun.

«Le droit de suspention par décision ministérielle, après deux avertissements motivés, sera l'une des garanties les plus efficaces auxquelles l'administration aura recours contre les feuilles systématiquement malveillantes. Vous en userez avec une juste fermeté lorsque les journaux, sans s'exposer précisément et d'une maniére definie aux condamnations judiciaires, n'en seront pas moins, par les habitudes de leur rédactions, dangereux pour l'ordre, la religion et la morale. On a fait preuve, à l'égard de ces feuilles, d'une indulgence qui a trop longtemps favorisé leurs écarts; il faut enfin rentrer dans une meilleurre voie et donner une satisfaction légitime au sentiment public qui la réclame.

«Quant à la suppressions par voie de décret spécial du Président de la République, cette mesure extrême ne devra être provoquée que bien rarement et que lorsque les autres moyens d'action seront devenus émpuissants. C'est surtout dans les circonstances où il y aurait péril emminent pour la sureté publique, et danger à différer une décision, que le chef de l'Etat, protecteur des interéts sociaux, se verra dans l'obligation d'user du droit considérable, mais nécessaire que le décret organique lui réserve.»

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что во Франціи административныя взысканія, которымъ подвергаются повременныя изданія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, налагаются административною властію, какъ придаточное наказаніе ко взысканію, опредѣляемому судомъ; а въ иныхъ случаяхъ они опредѣляются полицейскимъ начальствомъ, по непосредственному его усмотрѣнію.

Австрійское законодательство, заимствовавшее систему административныхъ взысканій изъ законодательства Французскаго, въ томъ же 1852 г. закономъ 27 мая, § 22, опредѣляетъ:

«Wird bei einer periodischen Druckschrift beharrlich eine dem Throne der monarchischen Regierungsform, der staatlichen Einheit und Integrität des Reiches, dem monarchischen Principe, der Religion, der öffentlichen Sittlichkeit, oder überhaupt den Grundlagen der Staatsgesellschaft feindselige, oder mit der Aufrechhaltung der öffentlichen Ruhe und Ordnung unvereinbare Richtung verfolgt, so kann nach vorausgegangener zweimaliger schriftlicher fruchtloser Verwarnung die weitere Herausgabe einer solchen periodischen Druckschrift von dem Statthalter des Kronlandes, in welchem dieselbe herausgegeben wird, bis auf

drei Monate eingestellt werden. Die auf längere Zeit dauernde oder die gänzliche Einstellung oder Concessions-Entziehung kann nur von der obersten Polizeibehörde ausgesprochen werden».

Изъ сего видно, что Австрійскій законъ 1852 года представляетъ полицейской власти одно только непосредственное опредѣленіе административныхъ взысканій, не ставя ихъ никогда, какъ послѣдствія судебныхъ рѣшеній.

Видовъ же взысканій, какъ по Французскому, такъ и по Австрійскому законодательствамъ, опредѣляется *три*, а именно: 1) двукратное публичное предваренie, 2) временное прекращеніе изданія и 3) совершенное запрещеніе его.

Коммиссія, имѣя въ виду, что въ главѣ общихъ положеній о преступленіяхъ, проступкахъ и нарушеніяхъ учиненныхъ словомъ, письмомъ и печатью въ § постановлены уже правила, по которымъ судъ самъ можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прекращать на время или вовсе запрещать повременное изданіе, подвергшееся вторичному судебному приговору, не признала нужнымъ смѣшивать эти правила съ постановленіями относительно административныхъ взысканій; а потому, по примѣру законодательства Австрійскаго, полагаетъ въ сихъ послѣднихъ изложить только правила, по которымъ могутъ налагаться взысканія съ повременныхъ изданій по непосредственному усмотрѣнію административной власти.

Что касается до поводовъ, по которымъ налагаются эти взысканія, то изъ вышеизложеннаго видно, что во Франціи поводы сіи нигдѣ въ законѣ не исчисляются, а министръ полиціи объясняетъ ихъ префектамъ словами: «Lorsque les journaux, sans s'exposer précisement et d'une manière definie aux condamnations judiciaires, n'en seront pas moins, par les habitudes de leur redactions, dangereux pour l'ordre la religion et la moral».

Очевидно, что подобное предписаніе, по своей неопредѣлительности, не можетъ войти въ законъ.

Австрійское законодательство хотя указываетъ на поводы, по которымъ полицейская власть можетъ налагать административныя взысканія, но эти указанія такъ обширны, что едва ли могутъ служить руководствомъ при примѣненіи закона къ частному случаю.

При невозможности начертать какія-либо правила по сему предмету, Коммиссія признала болѣе приличнымъ вовсе не указывать въ законѣ за что именно и въ какихъ случаяхъ повременныя изданія могутъ подлежать административному взысканію. Словами *вредное направленіе* выражается мысль общая, не ограничивающая, конечно, полнаго произвола при толкованіи относительнаго понятія *вреда*; но такъ какъ нѣтъ никакой возможности даже приблизительно опредѣлить безспорные признаки вреднаго направленія, то приличнѣе, откровеннѣе и достойнѣе не прикрывать законъ наружною формою опредѣлительности,

§ 145. *Предваренія* дѣлаются отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ, съ объясненіемъ причинъ, вызвавшихъ сію мѣру взысканія. Повременное изданіе, подвергнувшееся предваренію, обязано оное напечатать на первой страницѣ перваго номера, имѣющаго послѣ того выйти въ свѣтъ, безъ всякихъ со стороны редакціи измѣненій, замѣчаній или возраженій.

§ 146. Временное прекращеніе повременнаго изданія объявляется въ правительственныхъ газетахъ.

§ 147. Подчиненіе изданія вновь предварительной цензурѣ уничтожаетъ вполнѣ прежде данное на основаніи § 5 разрѣшеніе, которое не можетъ быть возстановлено иначе, какъ по новому распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ.

когда внутреннее содержаніе его не подходитъ ни подъ какое положительное опредѣленіе.

Высочайше утвержденными 5 мая 1862 г. временными правилами въ § VI предоставлено министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія прекращать повременныя изданія на срокъ не далѣе 8-ми мѣсяцевъ, въ случаѣ *вреднаго направленія* сихъ изданій.

Это выраженіе, по вышеприведеннымъ причинамъ, Коммиссія полагала бы сохранить и въ предлагаемыхъ правилахъ.

Что же касается до *видовъ* административныхъ взысканій, то до тѣхъ поръ, пока сохранены у насъ будутъ цензурныя учрежденія, полезно было бы къ *видамъ* сихъ взысканій, принятымъ во Франціи и Австріи, присовокупить еще право подвергать вновь предварительной цензурѣ изданія, отъ нея освобожденныя, ежели, послѣ двукратныхъ предвареній и временнаго прекращенія, они не измѣнятъ первоначальнаго своего направленія.

Такимъ образомъ Коммиссія полагаетъ принять слѣдующую постепенность въ опредѣленіи административныхъ взысканій:

1) Двукратное публичное предвареніе.
2) Временное прекращеніе выхода въ свѣтъ изданія.
3) Подчиненіе изданія предварительной цензурѣ и
4) Окончательное запрещеніе изданія.

Къ § 145. Указаніе на причины, вызвавшія мѣру взысканія, совершенно необходимо, какъ для объясненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ повода опредѣленнаго взысканія, такъ и для надлежащаго руководства редакторамъ другихъ повременныхъ изданій.

Къ § 146. Подобное извѣщеніе необходимо для поставленія подписчиковъ въ извѣстность о причинахъ временнаго прекращенія изданія.

§ 148. Совершенное запрещеніе изданія можетъ послѣдовать не иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію. Оно объявляется во всеобщее свѣдѣніе, съ объясненіемъ причинъ, вызвавшихъ сію мѣру взысканія.

§ 149. Разсмотрѣніе случаевъ, подлежащихъ административнымъ взысканіямъ, и самое опредѣленіе видовъ сихъ взысканій возлагается на совѣтъ главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія, въ порядкѣ, въ §§ 27 — 30 изложенномъ.

Къ § 148. Это правило существуетъ и нынѣ; оно изложено въ ст. 17 цензурнаго устава. Коммиссія полагаетъ весьма полезнымъ сохранить его и на будущее время.

Къ § 149. Выше сего, въ объясненіи къ § , изложены основанія, по которымъ Коммиссія полагала бы весьма полезнымъ возложить на разсмотрѣніе совѣта главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія всѣ тѣ статьи повременныхъ изданій, освобожденныхъ отъ цензуры, которыхъ содержаніе можетъ дать поводъ къ опредѣленію административныхъ взысканій.

РАЗДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

О СУДОПРОИЗВОДСТВѢ.

ВВЕДЕНІЕ.

Какъ бы ни были полны, строги и опредѣлительны законы и постановленія о печати, они останутся мертвою буквою, ежели виновные въ нарушеніи сихъ законовъ не будутъ опасаться преслѣдованія и наказанія.

Только полная увѣренность въ *неизбѣжности* преслѣдованія можетъ дать силу карательному закону. Случайное же и произвольное его примѣненіе не достигаетъ этой цѣли. По этому, чтобы дать карательнымъ законамъ дѣйствительную силу и дѣйствительное значеніе, нужны опредѣлительныя правила для преслѣдованія и суда. Правила сіи составляютъ предметъ законодательства о *судопроизводствѣ*.

Не мѣсто здѣсь излагать всѣ недостатки дѣйствующаго у насъ нынѣ порядка уголовнаго судопроизводства. Недостатки эти вполнѣ уже признаны правительствомъ и начала для полнаго преобразованія этой части уже Высочайше утверждены. Здѣсь слѣдуетъ только замѣтить, что преступленія и проступки слова, письма и печати до сихъ поръ *вовсе* не могли быть преслѣдуемы судебнымъ порядкомъ, по причинѣ чисто слѣдственныхъ формъ нашего уголовнаго процеса.

Отсутствіе видимаго факта преступленія, составляющее исключительную особенность этого рода преступныхъ дѣяній, условливаетъ необходимость преслѣдованія ихъ порядкомъ *обвинительнымъ*. Система законныхъ доказательствъ и уликъ, обязательная для нашихъ судовъ, совершенно непримѣнима къ вопросамъ о признаніи или непризнаніи преступнаго факта въ словѣ и въ произведеніяхъ письма и печати. Вотъ почему не только правительство безсильно было до сихъ поръ правильнымъ судебнымъ порядкомъ преслѣдовать этого рода преступныя дѣйствія, но и частныя иски объ обидахъ и оскорбленіяхъ почти никогда въ судахъ не вчинялись и безнаказанность позорныхъ обличеній сдѣлалась всеобщею.

Согласно Высочайше утвержденнымъ началамъ новаго уголовнаго судопроизводства, порядокъ вѣданія дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ слова, письма и печати отнесенъ къ *особымъ родамъ* уголовнаго судопроизводства и коммиссія, на которую возложенъ трудъ составленія самаго устава, обязана будетъ начертать подробныя правила для сего *особаго рода* судопроизводства, сообразно предполагаемому общему преобразованію какъ въ составѣ судовъ, такъ и въ системѣ порядка суда.

Въ виду сего предстоящаго общаго судебнаго преобразованія, естественно возникаетъ вопросъ: нужны ли какія-либо *временныя правила* для производства дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ слова, письма и печати и для руководства судамъ въ настоящемъ ихъ устройствѣ, составѣ и значеніи?

Послѣ внимательнаго и всесторонняго обсужденія сего вопроса, Коммиссія пришла къ убѣжденію, что *временныя правила* сіи совершенно необходимы по слѣдующимъ соображеніямъ:

Во-1-хъ, обнаруженное неустройство цензурной части вызвало потребность образованія Коммиссіи для пересмотра, дополненія и измѣненія всѣхъ дѣйствующихъ постановленій о книгопечатаніи. Государь Императоръ, при самомъ образованіи сей Коммиссіи и потомъ лично предсѣдателю оной изволилъ выражать желаніе Свое, чтобы реформа цензурной части послѣдовала *безотлагательно*, такъ какъ потребность ея съ каждымъ днемъ становится ощутительнѣе.

Въ исполненіе сей Высочайшей воли, Коммиссія стремилась начертать проекты законодательствъ о печати практически примѣнимые при условіяхъ настоящаго времени, не ожидая общихъ реформъ по другимъ частямъ, такъ какъ сіи реформы могли бы замедлить введеніе въ дѣйствіе тѣхъ предположеній Коммиссіи, которыя удостоены будутъ окончательнаго утвержденія. Въ сихъ видахъ предлагаемыя *временныя* правила судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ слова, письма и печати служатъ необходимымъ дополненіемъ ко всему законодательству о книгопечатаніи; безъ нихъ не осуществимо это законодательство, а слѣдовательно не осуществима и самая реформа, признанная Государемъ Императоромъ *безотлагательною*.

Во-2-хъ, предполагаемыя временныя правила, по всей вѣроятности, войдутъ безъ значительныхъ измѣненій въ составъ постановленій объ особенныхъ родахъ судопроизводства, такъ какъ они совершенно согласны съ началами, уже Высочайше утвержденными. Поэтому не можетъ представиться затрудненій нынѣ же ввести въ дѣйствіе сіи временныя правила для удовлетворенія неотлагательной потребности въ судебномъ преслѣдованіи преступленій слова, письма и печати.

Въ-3-хъ, особыя свойства сихъ преступленій требуютъ со стороны судей большаго вниманія, благоразумія, спокойствія и знанія,—а всѣ эти качества пріобрѣтаются не разомъ и было бы весьма полезно, чтобы ко времени введенія въ дѣйствіе общаго судебнаго преобразованія установилась у насъ хотя какая-нибудь судебная практика для сихъ дѣлъ и практическое примѣненіе новыхъ законовъ о печати уяснилось хотя нѣсколько случаями предшествовавшихъ рѣшеній. Смѣло можно сказать, что введеніемъ въ дѣйствіе предлагаемыхъ временныхъ правилъ значительно облегчится впослѣдствіи исполне-

ніе постановленій постоянныхъ, а органы преслѣдованія пріобрѣтутъ полезныя опытность и знанія для исполненія ихъ обязанностей въ болѣе обширныхъ размѣрахъ.

Въ-4-хъ, самая формальность производства дѣлъ по преступленіямъ печати въ большей части случаевъ весьма проста: ибо обыкновенно не требуетъ сложныхъ предварительныхъ дознаній или слѣдствій, а поэтому не можетъ встрѣтиться важныхъ затрудненій, при примѣненіи формъ обвинительнаго по симъ дѣламъ процеса, къ устройству нынѣ существующихъ судебныхъ учрежденій.

Итакъ, временныя правила судопроизводства, предлагаемыя Коммиссіею, составляютъ необходимое дополненіе къ законодательству о книгопечатаніи; они во всякое время могутъ быть замѣнены правилами постоянными общаго устава уголовнаго судопроизводства, и должны, по мнѣнію Коммиссіи, быть разсмотрѣны и введены въ дѣйствіе, не ожидая общаго судебнаго преобразованія.

Соблюдая благоразумную постепенность въ переходѣ отъ системы предварительной цензуры къ преслѣдовательной, Коммиссія, по причинамъ, подробно изложеннымъ въ объясненіяхъ къ § 1, признала полезнымъ освободить на первое время отъ предварительной цензуры только изданія объемомъ болѣе 20 печатныхъ листовъ, выходящія въ свѣтъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Поэтому и временныя правила судопроизводства по преслѣдованію за *содержаніе* предосудительныхъ произведеній будутъ относиться только къ судебнымъ мѣстамъ обѣихъ столицъ, до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ общее судебное преобразованіе во всей Имперіи. Обширность государства и недостатокъ средствъ поставляютъ постоянно непреодолимыя преграды къ введенію полезныхъ реформъ, и правительство часто находится вынужденнымъ ограничивать предпринятыя преобразованія опредѣленною мѣстностію. Въ настоящемъ случаѣ, предлагаемое ограниченіе реформы мѣстностію обѣихъ столицъ представляется только кажущимся ограниченіемъ: ибо, въ сущности, въ сихъ двухъ центрахъ почти исключительно сосредоточивается вся наша литературная дѣятельность, и потому введеніе системы преслѣдовательной цензуры въ остальныхъ мѣстностяхъ Имперіи не вызывается еще пока никакой неотложной необходимостію, а между тѣмъ образованіе преслѣдовательной власти и примѣненіе правилъ обвинительнаго процеса къ настоящему устройству судовъ въ столицахъ весьма возможно и удобно при бдительномъ надзорѣ и руководствѣ центральныхъ властей.

Вопросъ о томъ, какому судебному мѣсту должны быть подсудны дѣла по преступленіямъ и проступкамъ слова, письма и печати?— представляется весьма важнымъ; о немъ мнѣнія весьма различны, но и при разрѣшеніи его Коммиссія, кромѣ теоретическихъ соображеній, имѣла постоянно въ виду условія

настоящаго времени, которыхъ вліяніе весьма сильно при практическомъ приложеніи предлагаемыхъ преобразованій.

Многіе думаютъ, что устройство *спеціальнаго суда* для вѣданія дѣлъ по преступленіямъ печати было бы необходимо. Не полагаясь на независимость и образованность нашихъ судей, защитники спеціальныхъ судовъ предлагаютъ болѣе или менѣе удачныя комбинаціи для состава сихъ судовъ изъ лицъ по выборамъ сословій или по назначенію отъ правительства, но взятыхъ изъ среды литераторовъ и ученыхъ или вообще образованныхъ сословій. Всѣ сіи комбинаціи, отличающіяся необыкновенною искусственностію, не удовлетворяютъ ни одному требованію хорошо устроеннаго суда. Самая мысль учрежденія спеціальнаго суда для дѣлъ печати не можетъ быть одобрена. Кромѣ недостатковъ, свойственныхъ вообще всѣмъ судамъ спеціальнымъ, — спеціальный судъ по дѣламъ печати всегда будетъ имѣть особыя, свойственныя ему, неудобства. Внося политическій элементъ въ дѣло суда, онъ искусственнымъ составомъ своимъ поставляется въ слишкомъ зависимое положеніе отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, одинаково вредныхъ, съ какой бы стороны они ни исходили; участіе въ такомъ судѣ присяжныхъ еще болѣе увеличиваетъ затрудненія. Тамъ, гдѣ существуетъ уже судъ присяжныхъ, можетъ быть споръ о томъ, слѣдуетъ ли исключать изъ вѣданія сего суда дѣла по преступленіямъ печати; но въ государствѣ, гдѣ судъ присяжныхъ не существуетъ или пока онъ не существуетъ, не можетъ быть, по мнѣнію Коммиссіи, рѣчи объ образованіи его для исключительнаго вѣданія дѣлъ по преступленіямъ печати. Выборъ въ должность присяжныхъ не можетъ быть произведенъ иначе, какъ изъ лицъ, подходящихъ подъ условія какого-либо нравственнаго или матеріальнаго ценза. Создавать какую-либо особую систему выборовъ собственно для избранія въ присяжные судьи дѣлъ печати — значило бы вводить новую классификацію въ разрядахъ гражданъ и притомъ такую классификацію, которая едва ли можетъ быть пригодною для опредѣленія условія отправленія другихъ какихъ-либо общественныхъ обязанностей. Кромѣ того, судъ присяжныхъ не можетъ быть постояннымъ учрежденіемъ. Тамъ, гдѣ онъ существуетъ для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, онъ собирается періодически, въ опредѣленное время, и разрѣшаетъ, между прочими дѣлами, также дѣла по преступленіямъ печати. Назначать же періодическія сессіи для однихъ этихъ дѣлъ было бы крайне неудобно.

Не касаясь здѣсь вопроса о томъ, какому суду будетъ предоставлено вѣданіе дѣлъ по преступленіямъ слова, письма и печати при общемъ судебномъ преобразованіи, на Высочайше утвержденныхъ началахъ, Коммиссія убѣждена, что до введенія въ дѣйствіе сего преобразованія полезно, не учреждая никакого новаго судебнаго мѣста, передать вѣданіе дѣлъ печати 2-й и 3-й инстанціямъ нынѣ существующаго уголовнаго суда, т. е. уголовной палатѣ и правительствующему

сенату, съ тѣмъ, чтобы дѣла сіи производились въ сихъ судахъ въ порядкѣ и по правиламъ, ниже сего изложеннымъ.

Предлагаемая Коммиссіею юрисдикція отчасти уже существуетъ и нынѣ, а именно Высочайшимъ указомъ 23-го января 1861 г. повелѣно всѣ дѣла объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ посредствомъ печати или другихъ средствъ опубликованія, начинать въ судебныхъ мѣстахъ 2-й инстанціи.

Самый составъ суда 2-й степени, изъ лицъ по выбору сословій, удовлетворяетъ болѣе условіямъ независимаго суда, чѣмъ всякій спеціальный судъ, и хотя значеніе его не тожественно съ значеніемъ суда присяжныхъ, но, по преступленіямъ слова, письма и печати, приговоры уголовной палаты о преступномъ фактѣ, точно такъ же, какъ и въ судѣ присяжныхъ, постановляются по совѣсти безъ всякаго ограниченія какою-либо системой или теоріей уликъ и доказательствъ, къ симъ дѣламъ вовсе непримѣнимыми. Публичное оглашеніе приговоровъ уголовной палаты по дѣламъ печати и употребленіе сокращенныхъ формъ производства по симъ дѣламъ уже допущено нынѣ вслѣдствіе упомянутаго Высочайшаго указа 23 января 1861 года, — такъ что введеніе нѣкоторыхъ необходимыхъ обрядностей обвинительнаго процеса, предлагаемое настоящимъ проектомъ, не будетъ затруднительною новостію для сихъ судовъ. Есть, впрочемъ, нѣкоторое основаніе опасаться, что, при множествѣ дѣлъ, производящихся нынѣ въ уголовныхъ палатахъ обѣихъ столицъ, общій ходъ сихъ дѣлъ можетъ быть остановленъ необходимостію удѣлять много времени для судоговоренія по правиламъ обвинительнаго процеса дѣлъ печати. Для отвращенія сего неудобства, Коммиссія признала полезнымъ составлять въ уголовныхъ палатахъ столицъ особыя присутствія, одинъ разъ въ недѣлю или чаще, по мѣрѣ надобности, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя палаты и при участіи засѣдателей, назначаемыхъ всякій разъ по жребію, по одному изъ каждаго департамента гражданскихъ палатъ и палаты уголовнаго суда. Такимъ образомъ постоянное присутствіе уголовной палаты, остающееся подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя сей палаты, не будетъ отвлечено отъ производства всѣхъ текущихъ дѣлъ, а особое присутствіе исключительно занято будетъ дѣломъ, требующимъ особаго вниманія. Составъ сего особаго присутствія будетъ всякій разъ измѣняться, и это также во многихъ отношеніяхъ будетъ весьма полезно, устраняя всякую возможность предварительнаго съ чьей-либо стороны вліянія на засѣдателей.

Предлагаемое раздѣленіе присутствія уголовной палаты въ судебныхъ учрежденіяхъ нашихъ не есть фактъ новый. Въ коммерческихъ судахъ существуетъ уже подобное раздѣленіе. Предсѣдатель и товарищъ коммерческаго суда поставляютъ особыя присутствія, хотя по учрежденію судъ сей не раздѣленъ са департаменты.

Число инстанцій по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ печати сохраняется то, которое опредѣлено указомъ 23-го января 1861 года, т. е. двѣ, а именно: уголовная палата, какъ первая инстанція, и правительствующій сенатъ — какъ вторая. Но дѣла въ сію вторую инстанцію поступаютъ не иначе, какъ по отзывамъ обвинителя или обвиненнаго. Само собою разумѣется, что при чисто обвинительномъ процесѣ устраняется всякое вмѣшательство административной власти начальниковъ губерній въ утвержденіи приговоровъ уголовныхъ палатъ.

Что касается до права, предоставляемаго проектомъ обвиняемому имѣть предъ судомъ защитника, то это право является непремѣннымъ послѣдствіемъ словеснаго судоговоренія и оно совершенно согласно съ Высочайше утвержденными началами уголовнаго судопроизводства. Но, до образованія сословія присяжныхъ повѣренныхъ на упомянутыхъ началахъ, можетъ возникнуть затрудненіе въ опредѣленіи правъ обвиняемаго избирать себѣ защитника. Ежели право это не ограничить никакими условіями, то публичный судъ по дѣламъ печати легко можетъ превратиться въ арену безполезныхъ, а иногда и вредныхъ диспутовъ лицъ, не связанныхъ никакой отвѣтственностію и не состоящихъ ни подъ чьимъ контролемъ и надзоромъ. Для отвращенія сего неудобства, Коммиссія признала полезнымъ, впредь до образованія, на Высочайше утвержденныхъ началахъ, сословія присяжныхъ повѣренныхъ учредить при столичныхъ уголовныхъ палатахъ должность присяжныхъ повѣренныхъ на томъ же основаніи, на какомъ должности сіи существуютъ уже нынѣ при коммерческихъ судахъ, а составленіе списка присяжныхъ повѣренныхъ возложить на обязанность и отвѣтственность предсѣдателей уголовныхъ палатъ, съ соблюденіемъ условій, предписанныхъ ст. Т. XI Св. Зак. торговыхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ обѣихъ столицахъ найдутся благонадежныя и способныя лица, которыя, при правильномъ надзорѣ предсѣдателя палаты и при отвѣтственности передъ судомъ за нарушенія правилъ и благочинія, будутъ удовлетворять всѣмъ условіямъ, требуемымъ отъ присяжныхъ защитниковъ.

Выше сего (разд. I, гл. 2, отд. 4), при обзорѣ учрежденій, предполагаемыхъ проектомъ для завѣдыванія дѣлами книгопечатанія, указано, какимъ способомъ производится надзоръ за выходящими въ свѣтъ произведеніями печати и какія даны административной власти средства *обнаруживать* замѣченныя въ оныхъ злоупотребленія. Самое же *преслѣдованіе* сихъ злоупотребленій передъ судомъ должно быть поручено *обвинительнымъ органамъ судебной власти*, кромѣ случаевъ личныхъ оскорбленій, въ которыхъ обиженные имѣютъ право непосредственнаго вчинанія исковъ передъ судомъ, по правиламъ, ниже сего изложеннымъ.

Судебно-обвинительные органы, при настоящемъ устройствѣ нашей судебной части, хотя существуютъ въ лицѣ прокуроровъ и стряпчихъ (см. ст. 2,474, 2,476 и 2,507 II т. Св. Зак. изд. 1857), но слѣдственный характеръ нашего уголовнаго судопроизводства исключалъ необходимость непосредственнаго участія обвинителя въ преслѣдованіи преступленія въ самомъ судѣ. Посему эта сторона прокурорской дѣятельности оставалась до сихъ поръ какъ бы въ тѣни; но она, по мнѣнію Коммиссіи, можетъ быть съ пользою примѣнена нынѣ къ предстоящей потребности имѣть предъ судомъ оффиціальнаго обвинителя въ тѣхъ случаяхъ, когда преслѣдованія возбуждаются административною властію.

На основаніи Высочайше утвержденныхъ началахъ общаго преобразованія уголовнаго судопроизводства, обязанность прокуроровъ, какъ обвинителей, опредѣлена весьма ясно, и, сообразно съ симъ, кругъ ихъ дѣятельности впослѣдствіи, когда введено будетъ сіе общее преобразованіе, совершенно измѣнится противъ настоящаго. Но, до того времени, при массѣ разнородныхъ обязанностей, лежащихъ нынѣ на прокурорахъ, едва ли было бы удобно возложить лично на нихъ еще новую и весьма трудную обязанность обвинителей: поэтому Коммиссія полагала бы полезнымъ предоставить прокурорамъ право поручать одному изъ губернскихъ стряпчихъ производство преслѣдованія преступленій печати по *извѣщеніямъ* административной власти, какъ внѣ суда, при предварительномъ изслѣдованіи, такъ и въ самомъ судѣ. Это тѣмъ болѣе возможно, что губернскіе стряпчіе, составляя совѣтъ прокурора, не обременены никакими особыми занятіями и по силѣ нынѣ дѣйствующихъ законовъ (Св. Зак. Т. II, ст. 2,476) «надзору ихъ въ особенности принадлежатъ дѣла уголовныя, по которымъ *нѣтъ истца*».

И такъ, по предположенію Коммиссіи, уголовный искъ по преступленіямъ и проступкамъ слова, письма и печати можетъ вчинаться или губернскимъ прокуроромъ по извѣщенію административной власти или непосредственно частными лицами.

На основаніи Высочайше утвержденныхъ началъ для преобразованія общаго уголовнаго судопроизводства, *преданіе обвиняемыхъ* суду предшествуетъ началу иска и производится особою обвинительною инстанціею, не участвующею впослѣдствіи въ рѣшеніи самаго существа дѣла. Судопроизводство по преступленіямъ печати отнесено къ *особымъ* родамъ судопроизводства и подчинено тѣмъ же правиламъ, какія установлены для судопроизводства по преступленіямъ государственнымъ. По оконченному слѣдствію о преступленіи государственномъ обвинительный актъ составляется прокуроромъ судебной палаты и вносится на разсмотрѣніе гражданскаго ея департамента. Когда судебная палата (по гражданскому департаменту) признаетъ, что дѣло подлежитъ прекращенію, то представляетъ о томъ на усмотрѣніе кассаціоннаго департамента сената, который постановляетъ окончательное по сему предмету заключеніе. Когда же судебная палата (по гражданскому департаменту) признаетъ, что обвиняемый долженъ быть преданъ суду, то утверждаетъ обвинительный актъ вполнѣ или съ надлежащими измѣненіями.

И такъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ началъ новаго уголовнаго судопроизводства, обвинительною инстанціею по дѣламъ печати долженъ быть — гражданскій департаментъ судебной палаты.

Когда послѣдуетъ на сихъ основаніяхъ общее судебное преобразованіе въ Россіи, то дѣла по преступленіямъ печати примутъ движеніе согласно новому порядку. Но до сего времени едва ли полезно было бы создавать какую-либо временную обвинительную инстанцію для предварительнаго разсмотрѣнія вопроса о томъ, есть ли достаточный поводъ къ преданію суду виновныхъ въ нарушеніи законовъ о печати, обнаруженномъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ книгопечатанія. Подобная инстанція, не связанная съ другими судебными учрежденіями, не имѣла бы правильнаго значенія и крайне замедляла бы ходъ судебнаго преслѣдованія. Учреждаемый при главномъ управленіи дѣламъ книгопечатанія совѣтъ, хотя не имѣетъ значенія судебной обвинительной инстанціи, но совѣщательнымъ голосомъ своимъ, участвуя въ рѣшеніи по вопросу о начатіи преслѣдованія, представляетъ на первый разъ достаточную гарантію, что безъ основательныхъ поводовъ къ обвиненію дѣло не будетъ предано судебному преслѣдованію.

По этому Коммиссія, въ проектѣ судопроизводства, предоставила прокурору и стряпчимъ на основаніи извѣщенія правительства *непосредственно* начинать искъ и обвиненіе въ уголовной палатѣ, призванной рѣшать дѣло въ существѣ.

Во Франціи, гдѣ по всѣмъ дѣламъ уголовнымъ вопросъ о преданіи суду предварительно разсматривается въ обвинительныхъ инстанціяхъ Chambre de mise en accusation), для дѣлъ печати сдѣлано было исключеніе еще по закону 1831 г. и потомъ въ 1835 году исключеніе это еще болѣе развито. Съ тѣхъ поръ тамъ предоставлено прокурорамъ право *прямаго призыва* (citation directe) и это исключеніе вызвано практической необходимостію, которая, вѣроятно, окажется и у насъ.

Вотъ какими доводами оправдывалъ въ 1835 г. тогдашній министръ юстиціи *Персиль* допущеніе права прямаго призыва:

«L'experience nous a prouvé, qu'il n'y a de répression véritable que celle qui peut s'obtenir en quelque sorte sur le champ. La justice doit proceder sans doute avec une sage lenteur, mais il faut prendre garde de trop éloigner le jugement: la réperssion cesse d'être efficace si elle arrive après que le fait répréhensible est oublié ou lorsque les impressions qu'il avait produites sont effacées. Cela est vrai surtout en matière de presse, ou les circonstances influent beau-

coup sur la moralité des écrits à apprecier. L'evidence de cette verité nous a déterminé à abréger les lenteurs de la procédure.

«La loi du 8 avril 1831 avait accordé au ministère public la faculté de citer directement le prévenue devant la justice. Nous vous proposons de lui donner le même droit lorsqu'il y aura eu saisie préalable de l'écrit incriminé».

Подобныя симъ соображенія, по всей вѣроятности, будутъ руководить составителями окончательныхъ проектовъ уголовнаго судопроизводства при начертаніи правилъ для судопроизводства по дѣламъ печати, и потому предполагаемый Коммиссіею порядокъ *непосредственнаго* вчинанія прокурорами иска въ судѣ, минуя всѣ посредствующія обвинительныя инстанціи, съ пользою можетъ быть сохраненъ и на будущее время, тѣмъ болѣе, что, по самому свойству дѣлъ печати, вопросы о поводахъ къ обвиненію такъ трудно иногда отличить отъ самаго оправдательнаго или обвинительнаго приговора, что постановленіе обвинительной инстанціи нерѣдко можетъ быть принято за предрѣшенія дѣла въ самомъ его существѣ.

Ниже сего, въ объясненіяхъ къ каждому отдѣльному параграфу проекта, излагаются основанія, принятыя Коммиссіею при начертаніи правилъ судопроизводства по преступленіямъ, проступкамъ и нарушеніямъ, совершеннымъ устнымъ словомъ, письмомъ или печатью, согласныя съ началами, Высочайше утвержденными для общаго судопроизводства уголовнаго и примѣненными къ устройству нынѣ существующихъ обвинительныхъ и судебныхъ органовъ.

2007058111